КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIX.

1895 г.

АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1895

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIX.

1895 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 5 Апрѣля 1895 года.

ПАМЯТИ

Николая Ивановича

КОСТОМАРОВА.

(† 7 апрѣля 1885 г.).

Н. И. Костомаровъ.
(1860 г.).

Послѣдніе дни жизни Николая Ивановича Костомарова[1]).

Еще въ концѣ 1882 года появились у Николая Ивановича симптомы болѣзни, которая въ 1885 свела его въ могилу: открылось кровохарканье. Докторъ Кошлаковъ, въ числѣ прочихъ средствъ, предписалъ пріостановить прогулки пѣшкомъ. Это было большое лишеніе для Николая Ивановича, такъ какъ движеніе на свѣжемъ воздухѣ живительно дѣйствовало на здоровье и расположеніе духа труженика, обреченнаго на сидячую кабинетную жизнь. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ заперти, онъ наотрѣзъ отказался измѣнить своей привычкѣ выходить на воздухъ ежедневно и не могъ помириться съ просьбами поберечь себя. Восхожденіе на высокую лѣстницу усиливало кровохарканіе: необходимо было перейти на такую квартиру, гдѣ бы лѣстница состояла изъ нѣсколькихъ ступеней. Весною 1883 года это было исполнено. Пребываніе лѣтомъ въ деревнѣ принесло большую пользу здоровью Николая Ивановича. Онъ возвратился осенью въ Петербургъ изъ любимаго сельца Дѣдовцы[2]) на

[1]) М. Г. Г. Редакторъ! Препровождаю Вамъ описаніе послѣднихъ дней жизни Николая Ивановича. Оно сдѣлано тотчасъ послѣ его погребенія и не предназначалось для печати, особено пока нахожусь въ живыхъ.

Въ виду предстоящаго десятилѣтія смерти Николая Ивановича и желанія Вашего напомнить по этому поводу читателямъ „Кіевской Старины“ объ усопшемъ ея сотрудникѣ, уступаю просьбамъ Вашей и нѣсколькихъ почитателей покойнаго и, не безъ смущенія, соглашаюсь передать гласности воспоминанія, которыя желала хранить лишь для своихъ семейныхъ.

Примите увѣреніе въ уваженіи къ Вамъ.

2 марта 1895 года, Петербургъ. А. Костомарова.

[2]) Прилукскаго уѣзда, полтавской губерніи.

столько бодрымъ, что съ удвоенною энергіею принялся за обычныя свои занятія по русской исторіи и съ Васильевскаго острова сталъ ходить на Дворцовую площадь въ Государственный архивъ. Проработавши тамъ до сумерекъ, Николай Ивановичъ возвращался пѣшкомъ домой и чувствовалъ себя прекрасно, но въ день 25 января 1884 года, едва успѣлъ выйти изъ зданія, гдѣ помѣщается архивъ, какъ былъ сшибленъ съ ногъ и измятъ парою лошадей, запряженныхъ въ дышловыя сани, которыя поволокли его, безчувственнаго, чуть не черезъ всю площадь, пока, наконецъ, онъ не былъ поднятъ городовыми и отвезенъ въ полицейскій участокъ. Немного оправившись отъ общаго потрясенія и обморока, Николай Ивановичъ возвратился домой, обезсилѣвшій до такой степени, что не могъ самъ выйти изъ саней; изъ горла и уха сочилась кровь.

Съ тѣхъ поръ болѣзнь быстрѣе начала разрушать богатый организмъ Николая Ивановича, а лишеніе прогулокъ и строгая діэта возбуждали нервное раздраженіе, тѣмъ еще болѣе, что болѣзнь мѣшала усиленно работать. Лѣто 1884 года, снова проведенное въ Дѣдовцахъ, не принесло уже улучшенія; кровохарканье усиливалось, слабость увеличивалась. По возвращеніи осенью въ Петербургъ, къ прежнимъ страданіямъ присоединилось разстройство пищеваренія. Тутъ ужъ никакіе медикаменты не помогали. Нашъ больной, постепенно ослабѣвая, все еще продолжалъ работать—писалъ и диктовалъ съ большимъ надъ собой усиліемъ, но изо дня въ день сталъ чаще ложиться на диванъ въ своемъ кабинетѣ и тогда слушалъ чтеніе. Въ февралѣ 1885 года приглашенъ былъ на консультацію докторъ Боткинъ; онъ вполнѣ одобрилъ лѣченіе проф. Кошлакова. Молчаніе Боткина при прощаньѣ со мной давало понять, что положеніе больного онъ признаетъ безнадежнымъ.

16 марта, въ день вербной субботы, происходили у насъ хлопоты по приглашенію на консультацію докторовъ: Здекауера, Чудновскаго и Кошлакова. Никакой пользы отъ консультаціи уже не ожидалось; она была нужна для успокоенія больного. Николай Ивановичъбылъ очень слабъ, но еще держался на ногахъ и, одѣтый въ свое обычное платье, то лежалъ въ полу-дремотѣ

на своемъ уютномъ диванчикѣ, то вставалъ съ блестящими глазами и зловѣщимъ румянцемъ на исхудаломъ лицѣ, тихо проходилъ въ свою спальную къ умывальнику и освѣжалъ себѣ лицо и всю голову холодной водой. Это придавало ему нѣсколько бодрый видъ. Возвращаясь въ кабинетъ, онъ садился въ боковое мягкое кресло у письменнаго стола, бралъ въ руки Исторію академіи наукъ Пекарскаго и перелистовывалъ; онъ думалъ продиктовать краткое жизнеописаніе Ломоносова, которое должно было войти въ седьмой выпускъ „Русской Исторіи въ жизнеописаніи ея главнѣйшихъ дѣятелей", вмѣстѣ съ біографіями Миниха, Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны, уже написаными для седьмого выпуска. Но книгу Пекарскаго, по ея вѣсу и размѣру, трудно было держать больному долго въ рукахъ, и часто приходилось видѣть ихъ опущенными съ книгою на колѣни; послѣ краткаго отдыха, Николай Ивановичъ подымалъ ее снова, а плохое зрѣніе его вынуждало держать книгу очень близко къ лицу. Въ минуты отдыха или, вѣрнѣе, борьбы съ приближающеюся смертью, мысль его все таки работала, лицо было спокойно, глаза смотрѣли въ пространство... Иногда онъ бралъ перо и писалъ что-то на листкахъ почтовой бумаги. Я спросила о предметѣ, его занимающемъ, онъ отвѣтилъ: „Это я отдыхаю".—„О чемъ же пишешь"?—„А вотъ увидите"!—Это былъ разсказъ изъ жизни фельдмаршала Миниха [1]). Но страданія и общій упадокъ силъ не дозволяли продолжительнаго сидѣнья съ перомъ въ рукахъ: больно и досадно было сознавать необходимость разстаться съ этими любимѣйшими товарищами его жизни.

Во весь день и вечеръ Николай Ивановичъ былъ особенно грустенъ и раздражителенъ; не было возможности его успокоить. Онъ замѣтилъ, наконецъ, что я смущена состояніемъ его духа, и сказалъ: „вы измучились при мнѣ, барыня [2])! Я попрошу завтра врачей прежде всего позаботиться о моей доброй барынѣ".

---

[1]) Разсказъ этотъ остался неоконченнымъ и впослѣдствіи напечатанъ въ книгѣ „Литературное наслѣдіе Н. И. Костомарова" подъ заглавіемъ: „Послѣдняя работа".

[2]) Такое названіе сложилось какъ-то нечаянно.

Въ вербное воскресенье Николай Ивановичъ заволновался съ ранняго утра, вспомнивши, что, по болѣзни, не былъ наканунѣ въ церкви и не принесъ вербы. Я принесла ему большую вѣтвь освященной вербы и, шутя, пригрозила ею, приговаривая по малорусскому обычаю: „не я бью, верба бье, за тыждень великдень"!

— А я не дожду великодня—сказалъ съ грустью мой больной; я умру, какъ мнѣ кажется, въ страстную субботу!

— „А консиліумъ для чего же будетъ у насъ сегодня, какъ не для того, чтобы „великдень" былъ для насъ радостнымъ днемъ"—возразила я.

На лицѣ у больного мелькнула улыбка.

Къ 12 часамъ дня съѣхались врачи. Они были опечалены состояніемъ Николая Ивановича и невозможностью спасти его. Совѣщанія ихъ въ отдѣльной комнатѣ были продолжительны и вращались по преимуществу на томъ, чтобы облегчить страданія и поддержать у больного надежду на исцѣленіе. Назначили ему употребленіе кумыса въ Самарѣ, гдѣ устроено особое лечебное заведеніе. Старѣйшій изъ врачей, Здекауеръ, держалъ рѣчь къ больному, лежавшему на своемъ диванчикѣ, доказывалъ чудодѣйственную силу кумыса; Кошлаковъ курилъ сигару и какъ бы занятъ былъ тѣмъ, что она туго курится; Чудновскій сидѣлъ неподвижно, опустивши глаза на паркетъ... Было ясно, что спасенья нѣтъ!

Бѣдный больной слушалъ, стараясь вѣрить словамъ Здекауера, но въ концѣ его рѣчи произнесъ: „Вы говорите, что на кумысъ нужно ѣхать въ половинѣ мая, а теперь половина марта. Неужели я выдержу еще два мѣсяца, не околѣвши отъ моей ужасной болѣзни?"

Ему отвѣтили, что до этого времени, до мая, найдется и здѣсь, въ Петербургѣ, кумысъ, хотя и не такого высокаго достоинства, какъ самарскій, но все же достаточно способный поддержать силы больного до той поры, когда нужно будетъ ѣхать въ Самару. Николай Ивановичъ какъ будто успокоился, а д-ръ Кошлаковъ обѣщалъ пригласить къ нему немедля молодого

врача Штанге, спеціально занимающагося каждое лѣто завѣдываніемъ кумысной лечебницей въ Самарѣ

Вскорѣ пріѣхалъ д-ръ Штанге и привезъ небольшую бутылку кефира, которую предложилъ нашему больному выпить вмѣсто кумыса, за невозможностью найти въ Петербургѣ кумысъ хорошаго качества. Рѣшено было продолжать леченіе употребленіемъ кефира.

Къ обѣду пріѣхалъ Д. Л. М—въ и тотчасъ послѣ обѣда принялся, по обыкновенію, читать вслухъ. Больной то слушалъ, то спалъ. Для того, чтобъ не разбудить его, нужно было читать безъ перерыва и лишь постепенно понижать голосъ: такое монотонное чтеніе, словно псаломщика при покойникѣ, наводило уныніе, но убаюкивало страдальца.

Докторъ Штанге занялся обстоятельнымъ изслѣдованіемъ отправленій Николая Ивановича и нашелъ въ нихъ присутствіе коховскихъ бациллъ. Это показывало, что у нашего больного бугорчатка на легкихъ и на кишкахъ.

Въ понедѣльникъ страстной недѣли, 18 марта, Николай Ивановичъ изъявилъ желаніе проѣхаться въ коляскѣ. Былъ ясный день. Больной былъ такъ слабъ, что только съ помощью швейцара и дворника удалось усадить его въ коляску. Мы проѣхали по набережной Васильевскаго Острова, черезъ дворцовый мостъ, мимо зимняго дворца, по площади, гдѣ 25 января 1884 года, у зданія главнаго штаба, подъ аркой, Николай Ивановичъ былъ сшибленъ съ ногъ лошадьми. Онъ вспомнилъ объ этомъ и указалъ мнѣ, до какого мѣста протащили его сани и гдѣ онъ былъ поднятъ городовыми. Мы проѣхали по Большой Морской. Коляска плавно катилась по торцовой мостовой, а бѣдный больной жаловался на толчки и на боль въ груди. Мы поспѣшили домой.

На слѣдующій день мы снова поѣхали „хлебнуть“ свѣжаго весенняго воздуха, какъ имѣлъ обыкновеніе выражаться Николай Ивановичъ. Солнце ярко свѣтило, но Нева была скована льдомъ, дулъ сѣверный вѣтеръ; больной тихо стоналъ. Поѣздки эти все таки развлекали его.

Въ остальные дни страстной недѣли небо было пасмурное, холодный вѣтеръ дулъ сильнѣе, и докторъ совѣтовалъ пере-

ждать—не ѣздить на воздухъ. Николай Ивановичъ сердился и допрашивалъ, навсегда ли ужъ ему опредѣлено „прѣть“ въ комнатной атмосферѣ. Леченіе кефиромъ не только не удавалось, но приносило вредъ: врачи нашли, что лучше покинуть кефиръ и придерживаться прежнихъ лекарствъ. Настроеніе духа у больного было тоскливое, а у друзей его еще тѣмъ болѣе, что на заявленіе о тяжкомъ сознаніи больного въ его безпомощности, д-ръ Штанге отвѣтилъ: „что дѣлать! страдать уже недолго: съ прохожденіемъ льда на Невѣ, все будетъ кончено!“ Д. Л. М—въ проводилъ цѣлые вечера, а часто и дни возлѣ больного; навѣщали и другіе близкіе, преданные люди. Одинъ изъ такихъ, Ю. Ю. Ц—ій, просидѣвши часа два у изголовья того диванчика, на которомъ томился угасавшій Николай Ивановичъ, старался развлекать его своей живою рѣчью, но затѣмъ у него самого не хватило силъ скрывать печаль и сдерживать набѣгавшія слезы: припавши къ рукѣ больного, онъ горячо поцѣловалъ ее нѣсколько разъ и торопливо проговорилъ: „простите, простите! я такъ глубоко уважаю васъ... мнѣ такъ больно видѣть васъ недугующимъ; я не смѣю дальше безпокоить васъ моимъ присутствіемъ... Богъ дастъ!... простите! до свиданія!“ Онъ быстро ушелъ домой. Николай Ивановичъ былъ очень тронутъ: обращенный ко мнѣ взглядъ его, слегка затуманенный слезою, ясно выражалъ это безъ словъ.

Еще 1 марта приглашена была къ намъ въ помощь для ухода за больнымъ опытная въ такомъ дѣлѣ Эмма Христіановна Введенская [1]). Она являлась черезъ день, приходила въ 7 часовъ вечера и оставалась до 10 часовъ утра слѣдующаго дня, давая мнѣ такимъ образомъ возможность отдыхать въ своей комнатѣ черезъ одну ночь, чтобы запастись силами для бодрствованія въ другую. Живая и умная Эмма Христіановна, при отличномъ умѣньи оказать больному всякаго рода помощь, обладала притомъ замѣчательной физической силой. Она сразу

---

[1]) Въ минувшую турецкую войну, бывши еще дѣвицей (по фамиліи Тоде), она, состояла сестрой милосердія, заразилась тифомъ и о ея тяжкомъ положеніи докторъ Боткинъ сообщилъ своей супругѣ въ одномъ изъ писемъ, печатавшихся впослѣдствіи въ „Вѣстникѣ Европы“.

стала для Николая Ивановича пріятнымъ и необходимымъ человѣкомъ и внушала видѣвшимъ уходъ ея за страдальцемъ чувство благоговѣйной къ ней признательности.

За нѣсколько дней до послѣдняго консиліума, нашъ больной заявилъ желаніе посмотрѣть на выставкѣ вторично картину Рѣпина „Іоаннъ Грозный при убитомъ имъ сынѣ".—Что же? сказала Эмма Христіановна:—я свезу васъ въ саняхъ—и прибавила:—а наша барыня съ барышней поѣдутъ въ другихъ саняхъ вслѣдъ за нами. Больной былъ очень доволенъ. Мы съ дочерью поѣхали, однако, первыми: нужно было разыскать швейцара и иныхъ служителей при выставкѣ (бывшей на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Бенардаки), чтобы они помогли больному подняться изъ саней и по высокой лѣстницѣ. Время избрано было раннее, пока нѣтъ наплыва публики на выставкѣ. Пріѣхали, втащили изнеможеннаго посѣтителя, ввели и усадили передъ картиной Рѣпина. Николай Ивановичъ сталъ закрывать отъ себя сбоку свѣтъ, чтобы лучше вглядѣться: зрѣніе давно уже ему измѣняло. Въ это время кто-то проговорилъ позади насъ: „посадите Николая Ивановича правѣе"—и, замѣтивши, что онъ слабъ, помогъ передвинуть его. „Какого мнѣнія вы объ этой картинѣ, Николай Ивановичъ?"—спросилъ тотъ же господинъ, не выставляясь впередъ.

— Да вотъ такого, что не хотѣлъ умереть, не взглянувши еще разъ! А я ужъ былъ здѣсь недавно.—

„Какая высокая похвала! и какъ я высоко цѣню ее! Это несравненная оцѣнка для меня! Я авторъ картины; вы не узнали меня, Николай Ивановичъ, а я имѣлъ честь быть у васъ года три назадъ или четыре"!

Нашъ больной былъ очень радъ, что, не подозрѣвая такъ близко возлѣ себя присутствія автора картины, могъ выразить ему свой восторгъ о его художественномъ произведеніи. Затѣмъ Рѣпинъ сопровождалъ Николая Ивановича въ его медленномъ движеніи изъ одного зала въ другой, гдѣ съ особеннымъ интересомъ осматривали они этюды В. Маковскаго изъ украинской народной жизни. При этомъ добрый Рѣпинъ, желая развлечь больного, представилъ ему своего сына—мальчика лѣтъ восьми

и, выдернувши у ребенка прядь волосъ изъ за праваго уха, сказалъ: „а вотъ оселедецъ"! Николай Ивановичъ смѣялся и, прощаясь съ Рѣпинымъ, сказалъ:

— Я очень боленъ, чуть живъ, но не былъ бы спокоенъ, еслибъ не видѣлъ вашей картины вторично; теперь я доволенъ, прощайте!

Знаменитый художникъ былъ видимо тронутъ.

Мы поѣхали домой уже безъ Эммы Христіановны, которая ушла на отдыхъ; дочь моя, Софія [1]), взялась сѣсть съ Николаемъ Ивановичемъ въ сани и поддерживать его. Онъ воротился домой довольный и на время успокоенный. Я возвратилась ранѣе, чтобы вновь подготовить больному помощниковъ для передвиженія изъ саней въ комнаты, и ожидала его съ кипящимъ самоваромъ на столѣ. За чаемъ оживленный впечатлѣніями поѣздки, нашъ больной, предлагая мнѣ свѣжій калачъ, сказалъ: „проѣзжая по Невскому мимо Филиппова, я заявилъ желаніе купить калачей: барышня выскочила изъ саней, сбѣгала за калачами и привезла ихъ еще горячими".

Великій праздникъ Воскресенья Христова мы встрѣтили не радостно. Въ страстную субботу Николай Ивановичъ спросилъ меня, куплю ли я, какъ прежде водилось, нѣсколько вазоновъ цвѣтущихъ азалій, розъ и рододендроновъ для украшенія пасхальнаго стола? Я отвѣтила, что намъ съ нимъ теперь не до цвѣточковъ: нейдутъ они на умъ при его болѣзни!..

„Правда, барыня! не до поросятъ, колы свыню смалять! Свезите меня лучше въ церковь: я не стану принимать пищи, пока не приложусь къ плащаницѣ! Вы что-то, барыня, молчите, но знайте, я никогда не прощу вамъ, если вы лишите меня этого духовнаго успокоенія"!

Мы переглянулись съ Эммой Христіановной отъ недоумѣнья—какимъ образомъ довезти такого слабаго больного до церкви. Отклонять его отъ такого желанія не хватало смѣлости и силъ. Нанята была четырехмѣстная коляска, такъ какъ Нико-

---

[1]) Впослѣдствіи, по мужу, Котельникова, умершая спустя два года послѣ кончины Николая Ивановича.

лай Ивановичъ не любилъ ѣздить въ каретѣ. У подъѣзда намъ повстрѣчался знакомый юноша; онъ помогъ швейцару усадить больного въ коляску и самъ сѣлъ съ нами. Мы поѣхали въ церковь св. Андрея на углу 6-й линіи и большого проспекта Васильевскаго острова. У входа въ церковь, мы всѣ трое, при необычайной силѣ Эммы Христіановны, не могли вынести больного изъ коляски. Въ отчаяніи я оглянулась вокругъ и увидѣла нѣсколькихъ мужиковъ-рабочихъ, глазѣвшихъ на возню съ больнымъ старикомъ. Я поклонилась имъ и сказала: „добрые люди! помогите Христа ради болящему старику выйти изъ коляски! желаетъ приложиться къ плащаницѣ". Мгновенно мужички вынесли Николая Ивановича изъ коляски и внесли въ церковь, гдѣ уже онъ самъ, съ нашей помощью, подошелъ къ плащаницѣ. Народъ толпился къ ней; дошла очередь и до насъ. Съ видимымъ волненіемъ припалъ нашъ страдалецъ къ изображенію Божественнаго Страдальца и, какъ будто укрѣпленный особой силой, бодро сошелъ со ступенекъ и прошелъ вдоль всего храма. У входа онъ остановился и сталъ разспрашивать—скоро ли начнется богослуженіе.

— Черезъ полтора часа, былъ отвѣтъ причетника.

— „Что жъ, барыня, подождемъ служенія?"

— Ты и теперь утомленъ, отвѣтила я: нельзя поручиться за твои силы. Желаніе твое исполнено, къ плащаницѣ мы приложились,—поѣдемъ поскорѣе домой!

Николай Ивановичъ согласился безъ возраженія, и мы тѣмъ же порядкомъ, т. е. опять съ помощью прохожихъ мужичковъ, усадили его въ коляску. По пути встрѣчались знакомые, кланялись и привѣтливо улыбались, какъ бы выражая радость, что видятъ его выѣзжающимъ на свѣжій воздухъ. То былъ послѣдній его выѣздъ.

Возвратились домой, онъ протянулъ мнѣ свою исхудалую руку и сказалъ: „вотъ спасибо моей барынѣ, что не перечила, свезла меня къ плащаницѣ! Я такъ горячо молился, съ такою вѣрою приложился, и мнѣ стало какъ-то легко, отрадно, какая-то надежда освѣжила меня".

Вечеромъ пріѣхалъ духовникъ Николая Ивановича, священникъ Стефанъ Ивановичъ Опатовичъ, освятить пасхальныя яства. Зажгли свѣчи, священникъ надѣлъ епитрахиль, взялъ въ руки крестъ и началъ читать молитву. Нашъ больной пришелъ въ столовую, но не могъ держаться на ногахъ и присѣлъ, перекрестясь и глубоко вздохнувши. По окончаніи обряда освященія, отецъ Стефанъ обратился съ торжественнымъ „Христосъ воскресе“ къ хозяину дома. Николай Ивановичъ привсталъ, приложился ко кресту, похристосовался съ своимъ духовникомъ и со всѣми домашними. Онъ вспомнилъ обыкновеніе свое порадовать своихъ слугъ денежнымъ гостинцемъ независимо отъ того, что они получали къ празднику отъ хозяйки—и съ привѣтливою улыбкою поздравляя ихъ, похристосовавшись, раздавалъ деньги. Но тутъ же онъ затосковалъ о томъ, что его „не пустятъ“ въ церковь къ ночному богослуженію.

— „Барыня! неужели нельзя мнѣ къ всенощной“?

Священникъ, Эмма Хр. и Д. Л. М—въ всѣ единогласно убѣждали больного не истощать своихъ силъ и представляли немыслимымъ присутствіе его въ церкви ночью, гдѣ будетъ давка и губительная атмосфера отъ множества горящихъ свѣчей. У Николая Ивановича навернулись слезы, и онъ произнесъ съ волненіемъ:

„Три раза въ жизни я былъ лишенъ возможности присутствовать на богослуженіи въ эту великую ночь: первый разъ въ Петропавловской крѣпости въ 1848 году, когда, заключенный въ Алексѣевскомъ равелинѣ, я рыдалъ, слушаючи гулъ колоколовъ и пушечную пальбу, возвѣщавшіе о великомъ торжествѣ; второй разъ—въ 1883 году, вслѣдствіе кровохарканья, и теперь—послѣдній разъ сегодня, здѣсь, прикованный болѣзнью къ этому диванчику“!

Общими силами стали мы отвлекать Николая Ивановича отъ горькихъ думъ и слезъ. Д. Л. принялся громко читать.

Въ день Святаго Воскресенія врачи разрѣшили предложить больному разговѣться небольшимъ кусочкомъ кулича или яичкомъ. Онъ былъ доволенъ, воображая, что положеніе его не считаютъ опаснымъ, если при обычной строгой діэтѣ, разрѣ-

шили и сливки къ чаю, и кусокъ кулича. Въ виду безнадежнаго состоянія больного, врачи сочли за лучшее не лишать его такихъ мелкихъ привычекъ, которыя соединялись съ празднованіемъ Пасхи. Но куличи показались невкусными; Николай Ивановичъ сказалъ, что народныя „паски“ съ инбиремъ у малороссіянокъ гораздо вкуснѣе всѣхъ другихъ печеній. Вообще замѣчалось, что аппетитъ окончательно измѣнилъ больному. Стали появляться легкіе припадки удушья по утрамъ. Употребляли вдыханіе кислорода. Съ каждымъ днемъ все болѣе замѣчался упадокъ силъ, и больной, опираясь на кого либо изъ помогавшихъ ему встать или сѣсть, такъ трудно опускался, что являлась опасность упасть вмѣстѣ съ нимъ. Какъ на горе, наша добрая и преданнѣйшая слуга Ульяна, уже десять лѣтъ оказывавшая самую искреннюю заботу о его здоровьи, заболѣла въ концѣ февраля и, не желая покидать Николая Ивановича при его послѣднихъ дняхъ, вынесла плевритъ на ногахъ. Теперь она не могла двигаться. Оказалось недостаточнымъ присутствіе Эммы Хр. черезъ ночь: каждую вторую ночь и во всѣ дни приходилось больному довольствоваться только моею помощью, а я, къ несчастію, не обладаю физической силой и, подъ страхомъ ожиданія роковой минуты, такъ ослабѣла, что, случалось, не удержу своего страдальца — и онъ чуть не опрокинется вмѣсто того, чтобы сѣсть исподволь. Кромѣ того, болѣзнь нашей Ульяны ставила меня въ необходимость часто покидать его, чтобы принести то новую грѣлку, то питье, и больному было неудобно оставаться одному, пока я возвращусь съ тѣмъ или другимъ. Ему самому стало ясно, что необходима помощь другой сидѣлки, которая бы черезъ сутки приходила на цѣлыя сутки, а не на ночь только. Однако едва я сказала, что думаю, впредь до выздоровленія Ульяны, воспользоваться помощью рекомендуемой Эммой Хр. фельдшерицы, Николай Ивановичъ воскликнулъ:

— „Какъ! стало быть вы, барыня, не будете ночевать здѣсь, а оставите меня въ одну ночь на попеченіе Эммы Хр. и въ другую--этой незнакомой дѣвицы“?

— Все будетъ по прежнему, отвѣчала я: когда Эмма Хр. ночуетъ здѣсь, я буду отдыхать въ своей комнатѣ, а вторую

ночь я буду при тебѣ, только не одна, а съ помощницей, пока наша Ульяна не поправится.

Больной успокоился. Въ то время были у насъ посѣтители, навѣщавшіе больного, и, слыша все это изъ другой комнаты, предложили моей дочери устроить между болѣе близкими знакомыми и почитателями Николая Ивановича поочередное дежурство при немъ, какъ это было въ 1875 году, во время его тифозной болѣзни. Такимъ образомъ устраивалась очень сильная мнѣ помощь, которой, при всемъ желаніи, дочь моя не могла мнѣ оказывать въ личномъ уходѣ за больнымъ, такъ какъ, при своей обычной скромности, онъ не позволялъ ей входить къ нему въ такое время, когда онъ былъ раздѣтъ: вторая же наша горничная была постоянно на посылкахъ то за кислородомъ въ аптеку, то за другими дѣлами.

Оставалось предупредить больного о предпринимаемомъ дежурствѣ и получить на него согласіе.

— „О чемъ въ гостинной идутъ такіе оживленные толки“? спросилъ въ это время Николай Ивановичъ.

— Добрые знакомые желаютъ оказать тебѣ уходъ во время болѣзни, какъ это дѣлалось во время твоей тифозной болѣзни; хотятъ и поразвлечь тебя днемъ и вечеромъ: утромъ придетъ одинъ, вечеромъ другой, на ночь третій, завтра съ утра четвертый и т. д.: при частой смѣнѣ, никто не будетъ стѣсненъ, и у насъ постоянно будетъ кто либо изъ близкихъ. Согласенъ?— Я назвала желающихъ устроить дежурство.

„Я очень, очень благодаренъ, и очень дорого мнѣ такое попеченіе, а видѣть возлѣ себя такихъ людей, какъ В—чъ, Ц—ій, Б—мъ, К—въ и другихъ, которыхъ вы сейчасъ назвали, я всегда очень радъ“, отвѣтилъ растроганный больной.

Составили списокъ лицъ и опредѣлили смѣны. Всѣ, какъ будто условившись, принимали при входѣ къ больному спокойный видъ, занимали его чтеніемъ вслухъ, бесѣдой, одѣвали его въ шубу и шапку, усаживали въ кресло при открытомъ окнѣ, когда больному хотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ. Съ сигарою въ рукѣ, онъ просиживалъ такимъ образомъ ежедневно часъ, другой у открытаго настежь окна, и это какъ будто замѣ-

няло ему прогулку на улицѣ. Съ каждымъ днемъ и куренье табаку становилось для него затруднительнѣе, но, отъ тоски ли, или по дѣйствительному желанію, онъ частенько просилъ меня дать ему сигару. Если случалось мнѣ уйти изъ кабинета, нашъ бѣдный больной обращался къ присутствующимъ съ просьбой позвать „барыню". Прихожу и слышу: „дайте мнѣ сигарочку, барыня"! Это вызывало добродушную улыбку у присутствовавшихъ, такъ какъ сигары лежали передъ больнымъ на столѣ. Едва сигара закуривалась, тотчасъ и покидалась, а проходилъ часъ или того менѣе—снова повторялось: „барыня, дайте сигарочку". Повидимому, это развлекало больного, хотя и не надолго.

Д. Л. М—въ и другіе близкіе люди продолжали посѣщать его и развлекать то чтеніемъ вслухъ, то бесѣдой о новостяхъ дня. Его занималъ и афганскій вопросъ, и малорусскій переводъ изъ классиковъ, который онъ слушалъ съ вниманіемъ; хоть на нѣсколько минутъ принимался онъ то за свое писаніе о Минихѣ, то за Пекарскаго. Такъ проходила Свѣтлая недѣля. Съ трудомъ обмакивая перо въ чернильницу, Николай Ивановичъ склонялся надъ писаннымъ вкривь и вкось листкомъ, охалъ, стоналъ, а иногда, прерываемый сильною болью, успѣвалъ поставить только точку—и бросая перо, ложился на свой диванчикъ. Проходило нѣсколько времени, боль ослабѣвала—и нашъ больной изнеможенный плелся къ своему любимому мѣсту—къ письменному столу, гдѣ столько лѣтъ работалъ днемъ и ночью, отдыхая только три-четыре часа въ сутки, необходимые для сна.

Въ Ѳомино воскресенье, 31 марта, Николай Ивановичъ, вставши утромъ съ постели, не могъ простоять то короткое время, въ которое поспѣшно одѣвали его въ обычное платье. Онъ никогда не употреблялъ халата и не имѣлъ его. Пріѣхалъ на цѣлый день Д. Л. Онъ увидѣлъ, какъ трудно давалось больному передвиженіе изъ спальной въ кабинетъ и обратно: одышка мучила его. Д. Л. предложилъ перевозить его въ креслѣ, подъ которымъ были мѣдныя колесца, усаживалъ и каталъ его. Проѣзжая такимъ образомъ мимо бюста своего стараго пріятеля Шевченка, больной сказалъ: „Чи бачишъ, Тарасе, якъ Мыкола

йиздыть“! Въ это-же воскресенье онъ въ послѣдній разъ принималъ пищу и ужъ больше не вспоминалъ о ней, а лишь изрѣдка спрашивалъ чашку „теплоты“: питье это, состоявшее изъ согрѣтаго краснаго вина, разбавленнаго кипяткомъ, и подслащенное сахаромъ, согрѣвало и какъ будто подкрѣпляло больного.

Въ понедѣльникъ, 1 апрѣля, Николай Ивановичъ не могъ уже встать съ постели и одѣться: малѣйшее движеніе и усиліе вызывало удушье. Съ отчаяніемъ откинулся онъ на подушки и закричалъ: „прѣть, прѣть въ постели до могилы! Пропащій я человѣкъ“! Посѣтившему его д-ру Кошлакову онъ сказалъ: „бросьте, Димитрій Ивановичъ, лечить меня! вѣдь я ужъ въ постель слегъ, и не вставать мнѣ болѣе“!

— Мы никогда не бросаемъ больныхъ, боремся съ болѣзнью, не покладая рукъ, да и такія ли болѣзни приходилось излечивать! Моя дочка три мѣсяца лежала почти недвижимо, не открывала глазъ, жила искусственнымъ питаніемъ—и теперь здорова! Вотъ и у васъ сегодня нѣтъ аппетита и можетъ его не быть впродолженіе нѣкотораго времени,—мы и для васъ назначимъ искусственное питаніе, дадимъ пептонъ-бульонъ, пока придетъ къ лучшему.

Николай Ивановичъ успокоился, ничего ужъ не соображая: у дочери доктора былъ расцвѣтъ жизни, а не угасаніе ея!

Спустя нѣсколько минутъ, нашъ больной вспомнилъ, что былъ день 1 апрѣля и спросилъ—принесена ли апрѣльская книга „Вѣстника Европы“, гдѣ должна была появиться его статья по поводу книги Кояловича „Исторія русскаго самосознанія“. Я поднесла свѣжій нумеръ „Вѣстника Европы“ и открыла передъ Николаемъ Ивановичемъ его статью. Онъ спокойно и медлено произнесъ: „пусть *сочиняетъ*“! я все сказалъ“...

Припадки удушья усиливались, вдыханіе кислорода мало облегчало больного, и онъ сталъ просить „воздуха“—открыть окно. На дворѣ было около 3-хъ градусовъ мороза, но отказывать страдальцу въ чемъ бы то ни было—не приходилось. Врачи разрѣшили открывать окна по очереди, то въ кабинетѣ, то въ спальной, и мы постоянно переносили нашего бѣднаго больного съ кроватью въ ту изъ комнатъ, гдѣ, просвѣживши воздухъ, за-

крывали окно. Усиленные пріемы опіума и другихъ лекарствъ притупляли боли и повергали страдальца въ какое-то оцѣпенѣніе. Отъ времени до времени, какъ бы просыпаясь, онъ разговаривалъ съ окружающими. Въ числѣ лицъ, устроившихъ дежурство при Николаѣ Ивановичѣ, были три молодые врача В—ій, Г—нъ и Т—ій. Первый изъ нихъ провелъ ночь у постели нашего больного. Просыпаясь, Николай Ивановичъ бесѣдовалъ съ нимъ и очень спокойно разспрашивалъ—какъ начинается агонія и чѣмъ она распознается.

Такъ прошелъ и слѣдующій день.

Въ среду, 3-го апрѣля, удушье усилилось, и передъ его приступомъ было у больного замѣтное безпокойство и раздражительность. Едва я ушла въ свою комнату, чтобы умыться послѣ проведенной тяжело ночи при своемъ страдальцѣ, какъ онъ сталъ звать меня съ особеннымъ нетерпѣньемъ.

„Зачѣмъ уходите, барыня! не уходите! не уходите отсюда! Я хочу умереть на вашихъ рукахъ! Я окруженъ попеченіями многихъ добрыхъ людей, спасибо всѣмъ, но я хочу, чтобы только вы закрыли мнѣ глаза“.

Я попросила прощенія за отлучку: раздраженіе скоро улеглось; онъ протянулъ мнѣ руку. Къ двумъ часамъ дня сдѣлался болѣе сильный припадокъ удушья. Николай Ивановичъ метался, вскакивалъ съ постели, кричалъ: пустите меня, Бога ради пустите на улицу! воздуху! воздуху“! Докторъ Штанге далъ пріемъ морфія. Когда больной притихъ и лежалъ съ полуоткрытыми глазами, докторъ спросилъ его:

— Какъ вы себя чувствуете теперь, Николай Ивановичъ? Лучше ли?

Усиливаясь превозмочь одолѣвавшее его оцѣпенѣніе, страдалецъ отвѣчалъ угнетеннымъ голосомъ: „все бы ничего,—да вѣдь *пять* частей свѣта! куда же я ихъ дѣну“! Онъ былъ въ забытьи. Съ этого времени онъ сталъ замѣтно ослабѣвать не только тѣломъ, но и памятью: онъ пересталъ звать по именамъ, а для изъявленія какого либо желанія говорилъ: „слушайте, слушайте“! Для меня, вслѣдствіе десятилѣтней привычки, все еще оставалось названіе „барыни“.

Въ четвергъ, 4-го апрѣля, Николай Ивановичъ сказалъ: „я бы желалъ причаститься Св. Таинъ. Что́ вы на это скажете, барыня"?

— Сейчасъ пошлю за отцомъ Стефаномъ—отвѣтила я.

Тутъ вошла наша больная Ульяна: ей хотѣлось взглянуть на угасавшаго Николая Ивановича. Увидавши его, изнеможеннаго, на смертномъ одрѣ, она съ трудомъ сдерживала слезы. Я указала въ сторону дверей, гдѣ у косяка стояла прислонившись Ульяна, и сказала: „а посмотри, кто пришелъ тебя провѣдать"!

— Ахъ, это ты, бѣдная Ульяна! обратился онъ къ Ульянѣ.—Ты все еще больна, бѣдная! А все оттого, что не слушаешься барыни—бросаешься служить, когда еще не окрѣпла послѣ болѣзни. Вотъ и я не слушался, когда барыня остерегала меня и во́-время упрашивала не ѣсть или не пить того или другого, или не выходить изъ дому—и вотъ до чего дошелъ! И съ тобой тоже будетъ, если не будешь слушаться барыни"!

Ульяна поспѣшила уйти: рыданіе вырывалось изъ ея больной въ то время груди.

Многіе знакомые и незнакомые приходили справляться о положеніи Николая Ивановича; для всѣхъ былъ одинъ отвѣтъ: безнадеженъ, умираетъ. Страшный припадокъ удушья въ этотъ день продолжался съ полудня до 6-ти часовъ вечера. Снова порывался страдалецъ идти на воздухъ, подымался съ постели, раздвигалъ окружащихъ руками и, задыхаясь, кричалъ: „пустите; пустите! пустить мене"! Громкое клокотаніе въ груди, при невозможности откашливаться, затрудняло дыханіе; казалось, наступалъ послѣдній часъ...

Прибылъ священникъ и причастилъ Николая Ивановича Св. Таинъ. Когда возбужденіе начало стихать и удушье ослабѣло, наступила дремота и тяжелый бредъ, продолжавшійся не долго; ночь прошла сравнительно спокойно.

Во весь день 5-го апрѣля происходило у насъ передвиженіе съ постелью изъ спальной въ кабинетъ и обратно. Умирающій все дремалъ, изрѣдка стоналъ и произносилъ неясныя слова, но въ большинствѣ было у него полное сознаніе, тер-

пѣніе и бдагодушіе. Сидя у его постели, я услыхала: „добра моя жинка! доглядила мене до смерти, заплющить мени очи!.. Что? 80 лѣтъ прожилъ? Нѣтъ! Мало прожилъ“! Жалобъ не было. Кто переживалъ такіе дни или даже минуты въ своей семьѣ, тотъ пойметъ, что приходилось испытывать, не находя словъ утѣшенія для умиравшаго, чтобы поддержать въ немъ надежду на жизнь.

При видимомъ сознаніи своего отчаяннаго положенія, Николай Ивановичъ однако же спросилъ у доктора Кошлакова при прощаньи: „а завтра пожалуете“? Быть можетъ, онъ ожидалъ отъ искуснаго врача облегченія страданіямъ...

На слѣдующій день не было уже острыхъ припадковъ удушья, но для успокоенія умиравшаго нужно было, не смотря на морозъ, держать окна открытыми. Я стала кашлять. Чувствуя невозможность сдержать кашель, которымъ бы я могла разбудить дремавшаго страдальца, я отошла отъ его постели къ окну, у котораго сидѣла молодая фельдшерица, помогавшая въ уходѣ за Николаемъ Ивановичемъ. Вдругъ онъ открылъ глаза и, не увидавши никого у своей постели, жалобно сказалъ: „покинутъ я всѣми“!

— Господь съ тобой! отвѣтила я, быстро приблизившись къ нему. Ты не можешь быть покинутымъ! всѣ здѣсь при тебѣ!

„Добрая, дорогая жена“! проговорилъ мой несчастный мужъ—и протянулъ мнѣ руку. „А кто же еще здѣсь“?

— Сейчасъ В. Г. здѣсь при тебѣ, дѣвица-сидѣлка здѣсь... Многіе были и ушли, другіе приходятъ вслѣдъ,—двери не закрываются: столько посѣтителей, справляющихся о твоемъ здоровьѣ! Какъ можно тебѣ думать, дорогой нашъ, что ты всѣми покинутъ! Онъ отвѣтилъ:

„Добра моя жинка! Поздно сошлись мы съ тобой, рано расходимся, мало прожили вмѣстѣ“! И полузакрывши глаза, вѣроятно въ полусознаніи добавилъ: „Черезъ четыре года!.. Но скоро кашель разбудилъ страдальца, а молодая наша помощница, [redacted], что онъ глядитъ сознательно, проговорила: „мы вамъ надѣ[redacted]ье, Николай Ивановичъ“.

— Не нужно, простоналъ онъ: надѣнете послѣ смерти, завтра!

Сконфуженная и огорченная отошла наша фельдшерица къ окну; я осталась у постели одна.

Тихо и протяжно говорилъ Николай Ивановичъ: „Озабоченъ я многими думами"!

— Какими? другъ мой!

„Многими... выразить не могу, сказать не умѣю"... Онъ потиралъ рукою свой лобъ... „Художникъ и поэтъ прости! Прощайте всѣ! Пустите, пустите, Бога ради! На улицу, на крыльцо пустите"!

— Но вѣдь на улицѣ движеніе публики и морозъ: какъ же нести тебя больного съ кроватью на улицу, на морозъ!

„Ну хоть на-полъ пустите"! Доктору Кошлакову онъ подалъ руку. Добрый докторъ при прощаніи отозвался:—А завтра я снова навѣщу васъ, Николай Ивановичъ.—Отвѣта не было.

Зашелъ къ намъ въ это время Ю. Ю. Ц—ій, умѣвшій занимать страдальца своей бесѣдой въ предшествовавшіе дни Святой недѣли, и теперь сказалъ:

„А я съ праздника! Чествуется сегодня тысячелѣтняя память свв. Кирилла и Меѳодія". Отвѣта тоже не было: Николай Ивановичъ впалъ въ забытье... Такъ пролежалъ онъ во весь вечеръ и во всю послѣднюю свою ночь.

Еще съ вечера пріѣхала на смѣну фельдшерица Эмма Христіановна; на смѣну одного изъ дежурныхъ явился В. Л. Б—мъ, и мы всѣ сидѣли у смертнаго одра Николая Ивановича. Движеніемъ губъ онъ иногда показывалъ, что у него жажда. Подавали ему чайную ложку воды.

Передъ разсвѣтомъ дня 7-го апрѣля, умирающій сталъ сильно потягиваться. Лежавшая у его ногъ грѣлка упала и произвела стукъ. Слабымъ голосомъ онъ спросилъ: „что это"? Я отвѣтила:—грѣлка упала, я положу ее обратно къ ногамъ,— и въ это время я прикоснулась къ его ногамъ. „Не трогай"! простоналъ Николай Ивановичъ. Это показало, что онъ въ памяти. Иногда слабымъ движеніемъ тѣла онъ выражалъ желаніе перемѣнить мѣсто и повернуться. Эмма Хр. поднимала его и

поворачивала. Чуть слышно онъ сказалъ: „больно" и указалъ на бедро, гдѣ уже были пролежни. Ему подложили мягкую подушку моей дочери, которая принесла ее, застлавши своимъ мягкимъ, бѣлымъ шелковымъ платкомъ.

Съ 6-ти часовъ утра, въ воскресенье, было уже видно, что умирающій вотъ-вотъ скончается. Яркіе весенніе лучи солнца озарили страдальческое лицо. Я встала со своего стула отъ постели, подошла къ окну и опустила стору. Въ это время Эмма Хр. схватила меня за руку и прошептала: „кончается"!

Николай Ивановичъ хотѣлъ приподняться, облокачиваясь на локтѣ лѣвой руки, но мгновенно опустился на подушки, откинувши голову. Глаза его широко раскрылись, по лицу смѣнялись тѣни, одна другой блѣднѣе, изъ груди вырывались вздохи съ хрипѣньемъ... Быстро потухали глаза—и за третьимъ глубокимъ вздохомъ потухли на всегда!

Я исполнила желаніе моего друга: закрыла ему глаза...

А. Костомарова.

ИЗЪ ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ.

(ВОСПОМИНАНІЕ О Н. И. КОСТОМАРОВѢ).

Впервые я встрѣтился и познакомился съ Ник. Ив. Костомаровымъ въ С.-Петербургѣ, въ концѣ 1859 г., у одного изъ извѣстныхъ нашихъ литераторовъ, Н. Г. Ч., саратовскаго уроженца, недавно сошедшаго въ могилу въ своемъ родномъ Саратовѣ, гдѣ между нимъ и Костомаровымъ съ конца сороковыхъ годовъ установились весьма близкія, пріятельскія отношенія. Не смотря на 2-й часъ пополуд., когда у Н. Г., принимавшаго тогда очень дѣятельное участіе въ редакціи двухъ большихъ, да притомъ еще разнородныхъ, журналовъ, почти всегда можно было встрѣтить не мало посѣтителей, на этотъ разъ, кромѣ Н. И. Костомарова, не было никого. Не помню, о чемъ мы бесѣдовали, но помню, что бесѣда наша, часто сопровождавшаяся взрывами общаго смѣха, вызываемаго комическо-юмористическими замѣтками какъ Ч., такъ и Н. Иван., незамѣтно затянулась до 4-хъ часовъ.—Пора было уходить. Мы взялись за шапки.

— Я удержалъ-бы васъ, г. г., обѣдать,—началъ, улыбаясь, Ч., да не могу. Васъ—онъ указалъ на меня—потому, что у меня сегодня, кромѣ супа и жареной курицы, ничего не готовлено и я боюсь васъ оставить голоднымъ, а Ник. Иван. потому, что не могу представить ему удостовѣренія, что быкъ и курица, пошедшіе на приготовленіе моего больничнаго обѣда,

погибли сегодня и при томъ не своею, естественною смертію, а отъ рукъ мясника...

— Какъ это такъ?—съ удивленіемъ спросилъ я, оглядываясь на Ч. и Костомарова.

— А вы развѣ еще не знаете,—со смѣхомъ продолжалъ Ч.—что безъ такого удостовѣренія Ник. Ив. кушать, вѣдь, не станетъ.

— Мясо могу, но птицу, или рыбу иначе ѣсть не буду,— серьезнѣйшимъ тономъ подтверждалъ Ник. Иван. — Съ чего я буду подвергать себя риску отравленія, ѣвши, быть можетъ падаль?!..

— Мы вновь разразились смѣхомъ, съ которымъ и вышли.

— А вы гдѣ-же обѣдаете?—спросилъ меня Н. Ив., когда мы были уже на улицѣ.

— Да въ ресторанахъ,—отвѣчалъ я,—а для разнообразія, въ какомъ Богъ приведетъ...

Ну, такъ пойдемъ обѣдать вмѣстѣ въ гостиницу, гдѣ я живу и гдѣ я васъ угощу не тонкимъ, но, повѣрьте, здоровымъ, легкимъ и хорошимъ обѣдомъ.

Я охотно принялъ приглашеніе, доставлявшее мнѣ случай поближе познакомиться съ Ник. Ив., съ произведеніями котораго я былъ уже ознакомленъ хорошо и своеобразная личность котораго не только сразу-же заинтересовала меня, но возбудила во мнѣ ту симпатію, съ какою я впослѣдствіи проводилъ его на Волково кладбище, да неизмѣнно храню и по сей день.

Ник. Иван. проживалъ тогда въ гостинницѣ,—теперь уже не существующей,—помѣщавшейся въ д. Балабина, противъ Гостиннаго двора. Гостинница эта, съ пошибомъ Московскихъ гостинницъ, была не изъ модныхъ, но усерднѣйше посѣщалась массами чиновничества и вообще средняго петербурскаго люда, зачастую пировавшаго здѣсь не только днемъ, но и по ночамъ, что, понятно, дѣлало ее шумною и очень безпокойною для лицъ, жившихъ въ нумерахъ,—правда, не особенно дорогихъ по цѣнѣ, но не отличающихся за то ни особенными удобствами, ни даже убранствомъ и чистотой. Ник. Ив. не столько, впрочемъ, жаловался на послѣднія обстоятельства, сколько на шумъ и

органъ, который дѣйствительно гремѣлъ, почти не умолкая, по цѣлымъ суткамъ, лишая его всякаго покоя.

Да почему—же вы не пріищите себѣ особой квартиры?— невольно спросилъ я его.

А потому, отвѣчалъ Ник. Иван.,—что, занимаясь ежедневно, съ утра до вечера, въ Публичной библіотекѣ, находящейся,—замѣтьте это!—рядомъ съ этою гостинницею, я положительно не имѣю времени на пріисканіе себѣ квартиры, а затѣмъ еще и потому, что здѣсь, въ гостинницѣ, ко мнѣ привыкли и вообще порядочно меня кормятъ, что при болѣзненномъ состояніи моего желудка не мало значитъ...

Что къ Ник. Ив. въ гостинницѣ уже привыкли, легко было убѣдиться изъ того, какъ на требованіе его подать обѣдать, тотчасъ-же явился самъ буфетчикъ съ живою рыбою въ рукахъ и только-что зарѣзанною какою-то птицею. Обѣдъ-же дѣйствительно былъ не прихотливый, но хорошо изготовленный...

Попутно здѣсь можно замѣтить, что Ник. Ив., никогда не отличавшійся особенно большимъ аппетитомъ, никогда не былъ и гастрономомъ; но, бывши по натурѣ крайне мнительнымъ и при томъ очень брезгливымъ, онъ всегда съ большими опасливостью и разборчивостью относился къ пищѣ, доводя не рѣдко свои требованія относительно свѣжести припасовъ, изъ которыхъ приготовлялась послѣдняя, до чисто комическихъ преувеличеній!..

Со времени этой первой встрѣчи съ Ник. Ив. прошло около двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ мнѣ часто приходилось видѣться и бесѣдовать съ нимъ въ разныхъ обществахъ, изрѣдка видѣть его у себя, а чаще заходить къ нему какъ въ нумеръ, занимаемый имъ въ гостинницѣ, такъ и въ новую квартиру, пріисканную имъ,—не помню уже хорошо, въ 60-мъ или 61-мъ году,—на Васильевскомъ островѣ, въ 9-й линіи, въ д. Карманова, въ которой онъ прожилъ впослѣдствіи болѣе 20-ти лѣтъ.

Я едвали ошибусь, если назову тѣ годы, когда мнѣ довелось свести знакомство съ Ник. Ивановичемъ, самою лучшею, жизнерадостною порою въ жизни его. Слава его, и какъ историка, и какъ профессора, росла тогда не по днямъ, а по часамъ. Число слушателей его лекцій разрослось, наконецъ, до

того, что ему пришлось ихъ читать въ актовомъ университетскомъ залѣ. Мнѣ неоднократно пришлось быть слушателемъ этихъ лекцій, на которыхъ, не смотря на весьма внушительные размѣры зала, не только трудно было найти себѣ мѣсто, но трудно было даже дышать отъ массы публики, не только, какъ говорится, *биткомъ* наполнявшей залъ, но заполнявшей даже всѣ оконныя амбразуры.

Какъ сейчасъ вижу предъ собою Ник. Ив., стоящаго на кафедрѣ, съ нѣсколько поднятою вверхъ головою. Какъ сейчасъ слышу его рѣчь—не громкую, но очень явственную, не торопливую, спокойную, безъ малѣйшей претензіи на афектацію, но содержаніемъ своимъ завладѣвающую вниманіемъ, а живостью изложенія глубоко затрогивающую сердца слушателей. Случалось, бывало, что въ рѣчи Ник. Ив. проглянетъ иногда и юморъ, но это какъ-то какъ-бы нечаянно,—ну, вотъ, къ слову пришлось, и при томъ тотъ особый, тонкій юморъ, который способенъ только ярче освѣтить рисуемую говорящимъ картину,—вызвать улыбку на устахъ слушателя, но не разсмѣшить его до умору. Но никогда онъ на своихъ лекціяхъ не прибѣгалъ къ тѣмъ, soit disant, удалымъ намекамъ или сближеніямъ, къ которымъ въ ту пору прибѣгали подчасъ иные лекторы и которые могли мгновенно вызвать въ тогдашней не одной, впрочемъ, молодежи бурныя проявленія сочувствія въ формѣ восторженныхъ криковъ и бѣшенныхъ рукоплесканій. Ник. Ив., мало того что не любилъ такихъ своего рода „выходокъ", но прямо не одобрялъ ихъ, находя ихъ по меньшей мѣрѣ, неумѣстными... „Съ огнемъ,—говорилъ онъ,—играть не годится"...

Довелось между прочимъ мнѣ присутствовать, въ 1860 г., и на диспутѣ Ник. Ив. съ приснопамятнымъ М. П. Погодинымъ, отъ чего,—замѣчу мимоходомъ,—настойчиво отговаривали его многіе его пріятели, а въ числѣ ихъ и Н. Г. Ч., предсказывая, что изъ диспута этого ничего не выйдетъ, кромѣ плохонькой своего рода комедіи, участвовать въ которой Ник. Ив. было совсѣмъ неподходящимъ дѣломъ. Но, вѣдь, Ник. Ив. былъ человѣкъ, склонный иногда къ какимъ-то непонятнымъ, какъ бы спорадически проявлявшимся въ немъ увлеченіямъ. Уже

куда, бывало, въ минуты подобныхъ увлеченій, онъ пошелъ, то, пока не остановится самъ, его не остановишь... Такъ было и въ данномъ случаѣ. Что друзья предусматривали, то изъ диспута этого и вышло, т. е. какая-то плохенькая, чтобы не сказать болѣе, комедія, за участіе въ которой Ник. Ив. сначала сердился на самого себя, а затѣмъ—зло смѣялся самъ надъ собою, охотно, на память, отъ строки до строки цитируя всѣ остроумно-юмористическія стихотворенія Н. А. Добролюбова, появившіяся тогда въ „Современникѣ", въ отдѣлѣ, носившемъ названіе: „Свистокъ".—„Ахъ, какой это былъ даровитый молодой человѣкъ,—теперь ужъ такихъ нѣтъ, нѣтъ"...—говаривалъ, было, при воспоминаніи о томъ времени, Ник. Ив., до самой смерти обладавшій поразительною, феноменальною памятью.

Много кой-чего можно было бы припомнить и о Ник. Ивановичѣ, и о людяхъ, болѣе или менѣе близко соприкасавшихся съ нимъ, и объ обществѣ, и о разныхъ событіяхъ, и инцидентахъ, говоря объ эпохѣ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, но... но, не смотря на 33 года, утекшихъ съ той поры, мы поговоримъ о всемъ этомъ когда-нибудь уже въ другой разъ...

Въ 1861 году служба далеко угнала меня изъ Петербурга и, съ тѣхъ поръ, въ теченіе семнадцати слишкомъ лѣтъ, мнѣ ни разу не довелось свидѣться съ Ник. Ив.—Былъ я за это долгое время три раза въ Петербургѣ, но какъ-будто-бы нарочно всякій пріѣздъ мой совпадалъ съ его отсутствіемъ. И только уже въ 1878 г., когда я перемѣстился въ Петербургъ на временное жительство, мнѣ довелось повидаться съ нимъ, затѣмъ въ теченіе почти семи лѣтъ, за нѣкоторымъ впрочемъ перерывомъ, часто и бывать у него и у себя его видѣть.

Стоялъ уже ноябрь. Было уже около 9 час. вечера, когда я, не безъ нѣкотораго волненія, подымался по плохо освѣщенной и крутой лѣстницѣ дома Карманова, по которой подымался къ Ник. Ив—чу семнадцать лѣтъ назадъ.—Образа св. Георгія, висѣвшаго когда-то надъ входною дверью его квартиры, уже не было.—Я позвонилъ.—Дверь отворилъ уже не старый слуга Ник. Ив—ча, а дѣвушка: Ник. Ив. былъ уже третій годъ же-

натъ. Онъ сразу-же узналъ меня. Мы крѣпко обнялись и незамѣтно пробесѣдовали до часу ночи, толкуя не столько о настоящемъ, сколько о быломъ, да о тѣхъ, кого уже нѣтъ, или кто далеко-далеко... Да-съ! Семнадцать лѣтъ, казалось-бы, и не Богъ еще знаетъ, что за долгое время, а сколько, сколько уже воды утекло!....

Въ обстановкѣ квартиры Н. Ив., если не считать нѣсколько большаго убранства ея да книгъ, преувеличившихъ его библіотеку, особыхъ перемѣнъ я не замѣтилъ. Самъ онъ даже сидѣлъ на томъ мѣстѣ у себя въ кабинетѣ, гдѣ любилъ сиживать и прежде. Старушки-матушки, дышавшей на своего сынка и простиравшей свои заботы до удовлетворенія самыхъ даже мелочныхъ его привычекъ и желаній,—до приготовленія *мёду* по рецепту Олеарія, на свѣтѣ уже не было. Но ее возмѣщала теперь жена,—женщина, мало того что окружавшая его всяческимъ вниманіемъ и самою деликатною предусмотрительностью, но по уму и образованію облегчавшая даже его труды!... Какъ прежде, такъ и теперь Ник. Ив. жилъ одной своей наукой, изолированный отъ всякихъ обыденныхъ жизненныхъ мелочныхъ заботъ,—такъ что, съ этой стороны, никакой также перемѣны не произошло. За утрату матери, вполнѣ, впрочемъ, и естественную для человѣка, достигшаго 60-ти лѣтъ, добрая фея наградила его достойнѣйшею женою, какъ-бы передавъ его изъ однихъ любящихъ рукъ въ другія, да еще, несомнѣнно, въ болѣе умѣлыя и къ личности его приспособленныя, вотъ—и все тутъ. А для Ник. Ив., какъ для человѣка, по непривычности положительно утратившаго всякую способность къ одинокой жизни холостяка, обстоятельство это было величайшимъ счастіемъ. Безъ обиняковъ утверждаю, что безъ этого обстоятельства ему, послѣ смерти матери, не прожить-бы и трехъ лѣтъ!...

Но если въ общей обстановкѣ все, или почти все, осталось по прежнему, то самъ Ник. Ив. очень, очень много перемѣнился. Предо мной стоялъ не тотъ,—не скажу вполнѣ свѣжій, здоровый, но бодрый, нервно-живой и больше воображаемо, чѣмъ дѣйствительно хворый человѣкъ, какимъ я зналъ Ник. Иван. семнадцать лѣтъ назадъ, а просто — старецъ, выглядѣвшій

гораздо старѣе своихъ лѣтъ. А общая худоба, морщины на лицѣ и длинная, сѣдая борода, которой онъ прежде никогда не носилъ, придавали ему видъ какого-то аскета. Всѣ движенія, походка его стали медленными, неувѣренными. Только голосъ да искры, вдругъ иногда вспыхивающія въ его глазахъ въ минуты оживленія въ разговорѣ, напоминали въ немъ что-то былое... Жалобы на здоровье теперь,—увы!—видимо уже исходили не изъ одной его мнительности. Но въ жалобахъ на глаза свойственная ему мнительность, по прежнему, не переставала играть извѣстную роль. Что зрѣніе его, никогда не отличавшееся силою, какъ это доказывается исконнымъ ношеніемъ имъ очковъ, постепенно ослаблялось, то было вполнѣ естественно какъ по его лѣтамъ, такъ особенно по тѣмъ жестоко-форсированнымъ занятіямъ, которымъ онъ безъ мѣры и разбору предавался всю свою жизнь, почти до кануна смерти. Но не только до слѣпоты, которой онъ такъ боялся, не рѣдко, бывало, вскрикивая: „я слѣпну, совсѣмъ слѣпну! я скоро слѣпцомъ стану, никуда негоднымъ человѣкомъ"!.. но даже до сильнаго упадка зрѣнія,—можно сказать: къ удивленію!—было далеко, какъ то часто доказывалось фактами. Такъ, бывало, онъ вдругъ почему-либо начинаетъ волноваться и увѣрять, что онъ ничего уже почти не видитъ; но, вотъ, проходитъ часъ, другой, начинается какой нибудь разговоръ, а особенно споръ; по Ник. Ив. пробѣгаетъ, какъ-бы, электричество: онъ схватывается съ своего мѣста, быстро отыскиваетъ въ своей библіотекѣ потребную книгу, напечатанную самымъ мелкимъ шрифтомъ, и, забывая про увѣренія въ слѣпотѣ, тутъ-же бѣгло начинаетъ ее читать, да еще и не при особо-яркомъ освѣщеніи. Никогда также не забуду я нашего съ нимъ посѣщенія выставки картинъ извѣстнаго нашего художника, В. В. Верещагина.

Высокодаровитый художникъ этотъ, по знакомству нашему, простеръ свою любезность до того, что предложилъ намъ самолично дать объясненіе къ его крайне разнообразнымъ и богатымъ по содержанію произведеніямъ, для чего просилъ только пріѣхать часа за два до открытія выставки для публики. Мы, въ обществѣ человѣкъ шести или семи, въ томъ числѣ и Ник.

Ив., такъ и сдѣлали.—Пока вышелъ къ намъ художникъ, мы начали ходить по заламъ, любуясь на картины. Но тутъ-то и случилась бѣда.—„Зачѣмъ я пріѣхалъ сюда"?! вдругъ взволновался Ник. Иванов.,—„чего вы привезли сюда меня, слѣпца, который не видитъ, кромѣ стѣнъ, ничего, ничего!!.."—Но, вотъ, приходитъ Василій Висильевичъ и начинаетъ давать намъ свои въ высокой мѣрѣ интересныя объясненія. Ник. Ив. успокаивается, все внимательнѣе и внимательнѣе вслушивается въ объясненія художника и все пристальнѣе и пристальнѣе вглядывается въ картины его и, наконецъ, начинаетъ восхищаться картинами, указывая даже на самыя тонкія детали ихъ, комментируя ихъ колоритъ и проч.—Мы еле удерживались при этомъ отъ смѣха!...—„А знаете-ли. Ник. Ив. что"?—обратился я къ нему, когда, выходя съ выставки, мы продолжали еще разговоръ о ней.—„А что?—по обыкновенію отрывисто спросилъ онъ меня.—„Да то, что мнѣ кажется, что надъ зрѣніемъ вашимъ потѣшается *бѣсъ*, „*пакоститъ*" вамъ, какъ вы,—помните?!—въ 1860 году непочтительно выражались о немъ въ вашихъ лекціяхъ о демонологіи. Вѣдь, бѣсъ злопамятенъ!"...—„А вѣрно, вѣрно,—хохоча и оживляясь заговорилъ Ник. Ив.,—это именно *бѣсовское пакостничество*: то вижу—то ничего не вижу!"...

За послѣднія семь лѣтъ жизни онъ продолжалъ ревностно посѣщать архивы; былъ на археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ, сопровождаемый, впрочемъ, своею милѣйшею, нынѣ уже покойною, падчерицею; ѣздилъ на лѣто, кажется, раза два въ деревню своей жены, Дѣдовцы (прилукск. уѣз.); посѣщалъ изрѣдка знакомыхъ и пріятелей; охотно посѣщалъ церковное служеніе и любилъ утреннія прогулки по городу. Но, вообще говоря, онъ больше сидѣлъ у себя дома, зимой—на Васильевск. островѣ, а лѣтомъ—на дачѣ, въ Павловкѣ. Всѣ эти выѣзды и выходы, а особенно прогулки, предпринимаемыя имъ, по преимуществу, въ одиночествѣ да еще на разсвѣтѣ (онъ очень рано вставалъ), не мало безпокоили даже друзей Ник. Ив., а уже особенно его добрѣйшую и искреннелюбящую его жену. Да и какъ было не безпокоиться! Не говоря уже про ослабленность зрѣнія и

про общую слабость, что заставляло его двигаться какою-то мелкою и неустойчивою походкою, но одной задумчивости и разсѣянности, съ какими онъ ходилъ, бывало, по улицамъ, было вполнѣ достаточно, чтобы опасаться возможности какого-либо несчастнаго приключенія съ нимъ. А между тѣмъ, не смотря ни на какіе доводы, онъ ни за что не желалъ прогуливаться ни въ сопровожденіи Ульяны, славной и здоровой дѣвушки-малороссіянки, воспитанницы его жены, ни нанять особаго себѣ провожатаго. И факты не замедлили доказать основательность опасеній за него. Такъ, разъ—въ Маріинскомъ театрѣ, а другой—въ Андреевскомъ соборѣ, мазурики вырвали у него изъ рукъ бобровую шапку, такъ что бѣдному старику пришлось возвращаться домой, по морозу, покрывъ голову носовымъ платкомъ; а два раза его сшибали съ ногъ проѣзжіе. Разъ, кажется въ 1884 г., не подалеку отъ его квартиры, его сшибъ съ ногъ возъ съ дровами: при чемъ, какъ разсказывалъ въ тотъ-же вечеръ самъ Ник. Ив., извозчикъ и обругалъ его: „ишъ,—говоритъ—старая пьянюга!—подъ самыя оглобли лѣзетъ“!—Но на этотъ разъ дѣло, говоря относительно, обошлось еще благополучно: Ник. Ив. поплатился лишь очками да легкими ссадинами на лицѣ. Не то было въ другой разъ, кажется, за годъ до его кончины, когда, по выходѣ изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, на Большой Морской, онъ былъ сшибленъ съ ногъ кучеромъ г-жи Дорожинской. Расшибленнаго, въ полузабытьи лежащаго на снѣгу старика городовые подняли, усадили въ сани и, принимая его за пьянаго, потащили не домой, даже не въ больницу, а прямо въ участокъ. — „Взвели меня,— разсказывалъ мнѣ потомъ Ник. Ив., — по крутой лѣстницѣ, ввели въ комнату, гдѣ предо мной за столомъ засѣдалъ какой-то господинъ, которому привезшіе меня разсказали приключившійся со мною случай“... — „Кто вы такой“? — спрашиваетъ меня неизвѣстный мнѣ господинъ.—„Говорю: дѣйствительный статск. совѣтникъ, членъ Импер. Археолог. Общества, Н. И. Костомаровъ“.—„Ну,—говоритъ,—мы разберемъ дѣло, а теперь можете ѣхать“.—Я пошелъ къ двери.—„Ваше благородіе, не погубите“!—начинаетъ меня въ передней упра-

шивать какой-то старикъ съ бѣлой бородой.—Да кто-же вы такой будете?—спрашиваю его.—„Да тотъ, В. Бл., кого Богъ попуталъ зашибить васъ"...—Ну, да Богъ же васъ и прости, а я прощаю...—Какъ я сползъ съ лѣстницы, какъ я затѣмъ доѣхалъ до дому, ужъ и самъ въ толкъ не возьму"...—Ушибъ этотъ долго заставилъ страдать тогда уже очень, очень немощнаго Ник. Ив.—Разумѣется, нельзя утверждать, что несчастный случай этотъ былъ причиною смерти его, которая обусловливалась неизлѣчимою болѣзнью, гнѣздившеюся въ его организмѣ, какъ то было констатировано лучшими врачами, но едва-ли можно усумниться, что случай этотъ никакъ уже не могъ способствовать продленію его жизни, а особенно при томъ состояніи, въ которомъ онъ находился въ то время.

Собранія по вторникамъ, начавшіяся еще въ 60-хъ годахъ, продолжались у Ник. Ив. неизмѣнно почти до послѣднихъ его дней. Онъ не только любилъ, чтобы посѣщали его въ этотъ день, сдѣлавшійся для него, такъ сказать, урочнымъ днемъ, но бывалъ даже не совсѣмъ доволенъ, когда почему-либо не зайдешь къ нему. Бывали у него на этихъ „вторникахъ", хотя не особенно часто, болѣе или менѣе извѣстные писатели и заслуженно-ученые какъ петербургскіе, такъ и пріѣзжіе изъ провинціальныхъ университетскихъ городовъ, но больше бывали старые пріятели и знакомые со своими семьями. Случалось, и даже не въ рѣдкость, встрѣчать однако у него на вторникахъ и такого сорта людей, съ которыми, казалось, Ник. Ив. не только не имѣлъ, но и не могъ даже имѣть ничего общаго,—такъ что при этомъ невольно, бывало, даже задаешься вопросомъ: что нужно здѣсь этимъ людямъ?!.. Въ зависимости отъ состава вторничныхъ посѣтителей Ник. Ив., вообще не особенно однохарактернаго, случалось, что общій разговоръ, постепенно оживляясь, становился очень и даже очень занимательнымъ и серьезнымъ. Но того оживленія, которое когда-то царило на этихъ вторникахъ, не было уже и тѣни!—Другія времена, видимо, настали, другія птицы, другія пѣсни... Да и самъ Н. Ив., видимо, дѣлался уже не тотъ: огонекъ еще тлѣлся, иногда даже вспыхивалъ, но топливо-то уже изсякало...

„Плохой я наблюдатель *современной* жизни: я привыкъ изучать *прошлое*, въ *немъ* жить, *имъ* всецѣло заниматься“,— говорилъ Н. Ив., по словамъ издателя „Литературнаго наслѣдія“. И такая самохарактеристика дѣйствительно могла быть вполнѣ примѣнена къ нему на склонѣ лѣтъ. Но по крайнему моему убѣжденію, она была-бы далека отъ истины по отношенію къ Н. Ив. 59-го и 60-хъ годовъ. Правда, въ ту пору, какъ и теперь, онъ также *изучалъ прошлое*, также *любилъ жить* въ немъ, но... но тогда, утверждаю, онъ не былъ ни *плохимъ*, ни холоднымъ и безучастнымъ наблюдателемъ *современной* жизни, пульсъ которой напряженно бился въ немъ, какъ онъ бился, впрочемъ, тогда у всякаго, у кого только хотя немного было ума и сердца за душой. А ихъ-ли было мало за душой его даровитой, страстной, впечатлительной натуры?!.. Я не видалъ Ник. Ив. во время нашей послѣдней (1877—78 гг.) войны съ Турціею; но люди, которымъ я не смѣю не вѣрить, говорили, что онъ тогда, не смотря даже на только-что перенесенный тифъ, вдругъ какъ-бы ожилъ, встрепенулся.

Какъ бы то ни было, но характеристика, которую дѣлалъ самому себѣ покойный Ник. Ив. и которая выше приведена, была вѣрна по отношенію къ нему за время съ 1878 по 1885 года. За это время дѣйствительно онъ только и изучалъ прошлое, только и жилъ въ немъ, относясь почти безучастно ко всему, что совершалось тогда въ жизни, окружавшей его. И чѣмъ крупнѣе, чѣмъ импозантнѣе были событія и явленія,— а ихъ-ли было мало съ конца 70-хъ по начало 80-хъ годовъ?!— тѣмъ упорнѣе Ник. Ив. углублялся въ изученіе прошлаго своей страны, какъ-бы полагая (такъ мнѣ, по крайности, казалось), что, не уразумѣвъ настоящимъ образомъ этого прошлаго, нельзя уразумѣть и настоящаго, а значитъ—нечего ни близко принимать его къ сердцу, ни особенно радоваться, ни печалиться...— Но Боже, какимъ захватывающимъ образомъ вліяло на него все прошлое, все—даже мало-мальски къ прошлому относящееся! Помнится, какъ-то мы поѣхали въ „интендантскій музей“, представляющій одно изъ интереснѣйшихъ и богатѣйшихъ собраній предметовъ обмундированія и снаряженія войскъ, начи-

ная съ конца XVII вѣка.—Тогда Н. Ив. писалъ своего Миниха. Надо было видѣть, съ какимъ всепожирающимъ любопытствомъ онъ разглядывалъ разные старинные мундиры, кивера, шляпы, кирасы и проч., начиная съ одежды, бывшей на Петрѣ Вел. въ Полтавскомъ бою,—съ какимъ жаромъ сталъ онъ, постепенно преображаясь какъ-бы въ какого баяна или барда, рисовать предъ нами воиновъ и вождей временъ Полтавы, Хотина, Ставучанъ, Кагула... Почти уже совсѣмъ стемнѣло. Пора была закрывать музей, а Н. Ив., забывъ объ устали, все продолжалъ ходить отъ предмета къ предмету, разсматривать, разспрашивать и говорить, поражая присутствующихъ въ музеѣ и силою своего воображенія, и могуществомъ памяти, сохранявшимися въ такомъ уже, повидимому, хиломъ, полуразрушившемся человѣкѣ, какимъ онъ тогда былъ. А секретъ этого былъ простъ: въ эти часы онъ *жилъ* въ своемъ излюбленномъ и животворившемъ его *прошломъ*, въ своей средѣ!—Въ немъ-же, въ этомъ прошломъ, несомнѣнно, онъ почерпалъ и тѣ невѣроятныя силы, съ которыми работалъ, писалъ, диктовалъ чуть-чуть не до послѣдняго вздоха...

Когда въ 1883 г. я вернулся изъ временной моей отлучки изъ Петербурга, длившейся однако около двухъ лѣтъ, то засталъ Ник. Ив. уже на новой квартирѣ, въ 1-й линіи Васильев. острова, въ домѣ Бруни, гдѣ онъ и скончался. По случайности, мнѣ пришлось занять квартиру въ домѣ, находящемся рядомъ съ д. Бруни, что, понятно, очень участило наши свиданія. На этотъ разъ я засталъ Ник. Ив. въ очень грустномъ положеніи: здоровье и силы его, видимо, шли на убыль. Онъ таялъ, какъ свѣчка, хотя держался еще на ногахъ на столько, что, хотя и не ходилъ, но перемогался еще изрѣдка съѣздить въ архивы министерства иностранныхъ дѣлъ, въ Андреевскій соборъ, откуда одинъ разъ его привезли домой еле-живаго, а работать, работать все таки продолжалъ по прежнему, т. е. безпощадно. Всякая попытка, какъ со стороны друзей, такъ и жены, удержать его отъ такихъ занятій была не только безполезна, но положительно вредна, ибо только раздражала его. Да гдѣ тутъ было воздержать намъ или его женѣ, когда его не могли воздержать отъ

того даже такія медицинскія свѣтила, какъ Кошлаковъ и Боткинъ, которыхъ онъ очень уважалъ, съ которыми любилъ побесѣдовать, но совѣтамъ которыхъ не очень-то внималъ. Такъ, напр., они требовали, чтобы онъ на лѣто поѣхалъ въ Дѣдовцы, въ Малороссію, такъ—куда тутъ!—„Я,—говоритъ,—въ Дѣдовцахъ погибну отъ *бездѣлья*, тогда какъ, живя въ Павловкѣ, на дачѣ, вблизи петербургскихъ архивовъ и публичн. библіотекъ, могу *отлично продолжать свои работы!*"...—И это, замѣтьте, серьезнѣйше говорилъ человѣкъ, буквально уже дышавшій на ладонъ.

Въ началѣ 1885 г. ему стало совсѣмъ ужъ плохо. Чтобы не тревожить его своими посѣщеніями, мы посылали уже людей на его квартиру для освѣдомленія о положеніи больного. Но за два дня до кончины его я зашелъ къ нему.—Ник. Ив., въ бобровой шапкѣ, въ шубѣ и теплыхъ калошахъ, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ противу отвореннаго окна. Погода стояла варварски-холодная. Но доктора, во вниманіе къ жалобамъ его на недостатокъ воздуха, разрѣшили ему уже поступать такъ.

— Ну, вотъ, наконецъ-то вспомнили меня, зашли,—заговорилъ онъ, увидѣвъ меня.

— Да я и не думалъ забывать васъ. Вотъ, дастъ Богъ, поправитесь,—опять будемъ вашими гостями.

Нѣтъ, гдѣ уже тутъ поправиться!!—Дайте-ка мнѣ лучше вашу папироску: у васъ онѣ всегда превкусныя... А мнѣ, вѣдь, дома уже не даютъ ни сигаръ, ни папиросъ. Говорятъ: нельзя, вредно...

Зная, что перечить ему безполезно, я зажегъ папироску и подалъ ему. Но, какъ и слѣдовало ожидать, лишь только онъ взялъ папиросу въ ротъ, какъ конвульсивно раскашлялся и въ изнеможеніи выронилъ ее изъ рукъ, шепча: „не могу, не могу"...

— Да лучше теперь не курите, Ник. Ив. Вотъ ужо поправитесь...

— Нѣтъ! Умираю, чувствую, что умираю... да какой гнусной отвратительной еще болѣзнью!—Хотя-бы затвердѣніе желудка произошло!!.

— Ну, Ник. Ив.,—сказалъ я, невольно улыбаясь,—нашли чего желать: перемѣны кукушки на ястреба!..

— Какъ можно, что вы это?!.. Скажите „развѣ исторія представляетъ примѣры, чтобы арміи вымирали отъ „запора“?— а отъ „поносовъ“—сколько угодно“!..—И Ник. Ив. сталъ перечислять въ хронологическомъ порядкѣ, указывая даже годы и мѣсяцы, примѣры послѣдняго, начиная съ древнихъ временъ до новѣйшихъ; при чемъ съ особою подробностью говорилъ объ осадѣ Рима Аттилою, о Венгерской войнѣ 1849 г. и о русско-турецкой 1828—29 и 1853—56 годовъ. Я только глядѣлъ на этого совсѣмъ уже умирающаго человѣка и дивился!..

7-го апрѣля, часовъ въ 11-ть утра, мнѣ пришли сказать, что Ник. Ив. скончался. Когда около часу пополудни я зашелъ къ его высокопочтенной и добрѣйшей Алинѣ Леонтьевнѣ, тѣло Ник. Ив., вполнѣ уже убранное, лежало въ его кабинетѣ на столѣ, а извѣстный нашъ художникъ, Рѣпинъ начиналъ писать съ покойнаго портретъ, который къ вечерней панихидѣ былъ уже законченъ,—портретъ, изумительный и по сходству, и по технической отдѣлкѣ!..

И, вотъ, незамѣтно промелькнули уже *десять* лѣтъ, какъ мы опустили въ могилу нашего Н. И. Костомарова,—этого высоко-даровитаго, глубоко-ученаго историка,—не только историка народолюбца, правдолюбца, но и историка художника, научившаго изучать и любить не сантиментально, а глубокою любовью прошлое нашего отечества, видѣть въ этомъ прошломъ не приманку, влекущую насъ назадъ, „домой“, а залогъ и фундаментъ свѣтлаго и великаго будущаго великія и малыя Руси.— А между тѣмъ, грустно подумать, по сію пору нѣтъ не только настоящей оцѣнки его произведеній, указанія мѣста, какое безспорно принадлежитъ ему въ русской исторіографіи, но нѣтъ даже солидной біографіи его!...

Село Поддубье, херс. губ. **Н. Подорожный**

Изъ воспоминаній о Николаѣ Ивановичѣ Костомаровѣ.

Десять лѣтъ тому назадъ, 11 апрѣля 1885 года, на полукруглой площадкѣ противъ главнаго подъѣзда Петербургскаго университета, мнѣ пришлось толкаться въ толпѣ людей, ожидавшихъ выноса тѣла Николая Ивановича Костомарова изъ университетской церкви, гдѣ происходило его отпѣваніе. Обширная швейцарская, лѣстница, ведущая на второй этажъ, площадка передъ церковью и сама церковь были наполнены тѣснившимся народомъ. Опоздавшіе и невыносящіе духоты и давки поневолѣ должны были остаться на улицѣ, не смотря на довольно свѣжее апрѣльское утро. Изъ толпы одинъ за другимъ выдѣлились въ небольшой кружокъ нѣсколько старыхъ слушателей Николая Ивановича, студентовъ начала шестидесятыхъ годовъ. Я былъ въ ихъ числѣ. Нѣкоторые изъ насъ не встрѣчались уже по многу лѣтъ и теперь, сведенные здѣсь единою цѣлью и единою мыслью, горячо пожимали другъ другу руки. Обычные при подобныхъ встрѣчахъ разговоры о невозвратно минувшей молодости связывались теперь съ воспоминаніемъ о любимомъ профессорѣ. Помнится, кто-то замѣтилъ по поводу происходившаго вокругъ насъ, что никакое на свѣтѣ наслѣдство не можетъ вызвать такой горячей любви и искренней признательности со стороны наслѣдниковъ, какъ зароненная въ душу человѣческая мысль и пробужденное человѣческое чувство. Въ ожиданіи выноса тѣла покойнаго, намъ невольно пришло на память другое торжество, когда въ стѣнахъ этого же универси-

тета, двадцать пять лѣтъ назадъ, восторженная толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ университетскаго юношества несла на рукахъ профессора Костомарова послѣ вступительной его лекціи. Это было въ концѣ ноября 1859 года.

Уже около мѣсяца между студентами ходилъ слухъ о разрѣшеніи Костомарову занять каѳедру въ нашемъ университетѣ. Всѣмъ хорошо извѣстны были причины оставленія имъ Кіевскаго университета въ сороковыхъ годахъ и пребыванія въ Саратовѣ. Какъ ученаго, Костомарова знали по его сочиненіямъ. „Стенька Разинъ" и „Богданъ Хмельницкій", печатавшіеся въ „Отеч. Зап." въ 1857 и 1858 годахъ, выходили тогда отдѣльнымъ изданіемъ и были у всѣхъ на языкѣ. Приглашеніе Н. И. Костомарова въ Петербургскій университетъ на каѳедру Русской Исторіи, по ходившимъ тогда между студентами слухамъ, состоялось благодаря вліянію К. Д. Кавелина, который пользовался тогда большимъ авторитетомъ въ университетѣ вообще и между студентами въ особенности. Наканунѣ вступительной лекціи, К. Д. Кавелинъ говорилъ студентамъ о Костомаровѣ и старался убѣдить ихъ, что шумныя выраженія симпатій, которыхъ естественно было ожидать со стороны студентовъ послѣ вступительной лекціи Николая Ивановича, могутъ принести ему существенный вредъ. Всѣ это очень хорошо понимали, и между студентами было условлено строго держаться совѣта любимаго тогда профессора. На дѣлѣ вышло нѣчто совсѣмъ противоположное: у толпы своя психологія. Толпа всегда безусловно искренна и въ своихъ дѣйствіяхъ не способна руководствоваться соображеніями, посторонними овладѣвшему ею чувству.

На лекціи дѣло шло о сущности исторіи и о цѣляхъ университетскаго ея преподаванія. По ученію незабвеннаго профессора, основное начало формъ общественной и политической жизни, изученіемъ которыхъ занимается исторія, есть народъ. Внѣшнія формы общежитія относятся къ народу, къ его духовно-нравственному бытію, какъ явленія къ ихъ сущности. Эти формы только тогда станутъ понятными, когда будетъ выяснено, какъ относится къ нимъ народъ и насколько онъ участвовалъ въ ихъ творчествѣ. Исторія народа состоитъ въ изученіи его

духовной жизни. Н. И. Костомаровъ съ ранней юности весь отдавался изученію народа. Это было далеко не легкимъ дѣломъ въ тѣ времена, когда даже Бѣлинскій не признавалъ научнаго и художественнаго значенія народной поэзіи, а люди, стоявшіе тогда во главѣ университетскаго преподаванія, видѣли въ Н. И. Костомаровѣ, благодаря его увлеченію народною поэзіей, какого-то чудака, по современной терминологіи—психопата. Для слушателей, знавшихъ, сколько времени и энергіи профессоръ посвятилъ изученію народа, опредѣленіе сущности исторіи звучало въ его устахъ чѣмъ-то очень вѣскимъ и глубокимъ.

Отъ университетскаго преподаванія Николай Ивановичъ требовалъ изученія внутренняго смысла историческихъ явленій и уясненія метода разработки научнаго матеріала. Впослѣдствіи, по закрытіи Петербургскаго университета въ 1861 году, онъ подробно разработалъ свой взглядъ на университетъ и университетское преподаваніе въ рядѣ писемъ, помѣщенныхъ въ „С.-Петер. Вѣд.“, въ концѣ 1861 года.

Лекція мирно продолжалась. Николай Ивановичъ, по обыкновенію, читалъ стоя, скрестивъ на груди руки, безъ малѣйшей тѣни ораторскихъ пріемовъ, совершенно спокойно и медленно, точно диктуя. Большой университетскій залъ, служившій аудиторіей для нѣкоторыхъ Костомаровскихъ лекцій, всегда, а теперь въ особенности, былъ биткомъ набитъ слушателями. Не смотря на это, въ аудиторіи стояла безусловная тишина. Слова лектора чутко раздавались по залу, такъ что, слушая изъ сосѣдней комнаты, можно было бы подумать, что голосъ его раздается въ пустой аудиторіи. Конечно, никто изъ этихъ внимательныхъ, горячо слѣдящихъ за нитью мыслей профессора слушателей не заботился о томъ, во что превратится эта нѣмая аудиторія черезъ минуту. Я не берусь передать впечатлѣнія дружнаго взрыва энтузіазма, раздавшагося въ аудиторіи, какъ только прозвучало заключительное слово профессора. При оглушительныхъ аплодисментахъ и восторженныхъ крикахъ всѣ шумно оставили свои мѣста, и тѣсной толпой окружили Николая Ивановича. Не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ онъ очутился надъ головами толпы сидящимъ, точно на щитѣ, на высоко поднятыхъ

рукахъ. При непрерывномъ громѣ аплодисментовъ и крикахъ нѣсколькихъ сотенъ голосовъ, толпа двинулась изъ зала по длинному корридору, чрезъ всѣ двѣнадцать Петровскихъ коллегій, къ Невскому подъѣзду, который тогда служилъ главнымъ для профессоровъ и студентовъ. Я стоялъ близко къ профессору и, разъ вглянувъ на его лицо, не могъ оторвать отъ него глазъ. Возбужденное, съ выраженіемъ глубокаго страданія, не мало не напоминавшее лицо тріумфатора, оно и теперь стоитъ передо мною, какъ живое. Все время, пока я могъ его наблюдать, оно не теряло этого выраженія. Съ половины корридора, отброшенный толпой, я могъ только издали слѣдить за фигурой профессора, виднѣвшейся все на той-же высотѣ, пока она не скрылась, вмѣстѣ съ первыми рядами толпы, спускавшимися по лѣстницѣ на первый этажъ, къ выходу. Какъ разстался Николай Ивановичъ съ своими восторженными слушателями и уѣхалъ домой, не знаю; хорошо помню, что на всѣ привѣтственные крики студентовъ онъ отвѣчалъ полнѣйшимъ молчаніемъ.

Никакихъ непріятныхъ послѣдствій для Н. И. Костомарова это буйное проявленіе симпатій къ нему со стороны слушателей не имѣло. Съ ноября 1859 года, лекціи его шли правильно, привлекая огромное число слушателей разныхъ возрастовъ, половъ и общественныхъ положеній. Въ короткій срокъ профессорской дѣятельности Николая Ивановича университетъ гостепріимно открывалъ свои двери для всѣхъ, желающихъ чему нибудь учиться. Съ ними попадали, конечно, и люди, ничего общаго съ наукой не имѣющіе, посѣщающіе университетъ ради моды, но это не мѣшало дѣлу. Студенты-филологи и вообще всѣ обязательные и необязательные слушатели выдѣлялись въ особую группу и записывали рѣчь Николая Ивановича, какъ и всякаго другого профессора, не смущаясь окружающей ихъ толпой.

Между университетскимъ юношествомъ Николай Ивановичъ пользовался безпредѣльнымъ сочувствіемъ, которое вызывалось не только его талантомъ и знаніями, но главнымъ образомъ искренностью, звучащею въ каждомъ его словѣ. Юность на этотъ счетъ очень отзывчива и строга. За одинъ ложный шагъ

въ этомъ отношеніи профессоръ неизбѣжно и навсегда теряетъ симпатію своей аудиторіи. Такіе случаи можетъ десятками указать всякій, знакомый съ нравами университетской молодежи. Николай Ивановичъ иногда ссорился съ своими слушателями, какъ это было, напримѣръ, на извѣстной послѣдней его публичной лекціи въ залѣ думы, о которой будетъ сказано ниже, но это не мѣшало ему до самой смерти сохранить привязанность учащагося юношества, которое пользовалось всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ выразить ему свои симпатіи шумными оваціями.

Говоря о профессорскомъ періодѣ жизни Николая Ивановича, нельзя пройти молчаніемъ надѣлавшаго тогда много шуму въ печати его диспута съ Погодинымъ по вопросу о началѣ Руси. Я могу коснуться здѣсь только внѣшней стороны диспута и отношенія къ нему Николая Ивановича. Въ мартѣ 1860 года, въ „Петерб. Вѣд." Н. И. Костомаровъ напечаталъ письмо къ нему Погодина, въ которомъ московскій ученый требовалъ или отреченія Костомарова отъ Жмуди, или полнаго отраженія приводимыхъ имъ аргументовъ на публичномъ диспутѣ. Шутя, но съ пѣной у рта, Погодинъ предлагалъ Н. И. Костомарову взять себѣ въ секунданты любыхъ рыцарей *свистопляски* и сборъ съ диспута предоставлялъ въ пользу неимущей Жмуди. Диспутъ состоялся со сборомъ въ пользу студентовъ и далъ въ кассу „неимущей Жмуди" три тысячи рублей. Этотъ сборъ показываетъ, до какой степени былъ переполненъ большой университетскій залъ, гдѣ происходилъ диспутъ. Двѣ каѳедры, поставленныя на разстояніи 10—15 аршинъ одна противъ другой, заранѣе были окружены сочувственными группами. Возлѣ каѳедры Погодина стояли пріѣхавшіе изъ Москвы ученые, журналисты и нѣсколько человѣкъ московскихъ студентовъ, а каѳедру пр. Костомарова густою толпой окружили его слушатели, „облягли, мовъ бжолы матку",—сказалъ бы малорусскій крестьянинъ. Въ московской печати говорили тогда о враждебномъ настроеніи этихъ двухъ группъ. Ничего подобнаго не было. Конечно, значительное большинство было на сторонѣ Костомарова; но едва ли не тоже случилось бы, еслибъ диспутъ проис-

ходилъ въ Москвѣ. Погодинъ и въ Москвѣ не пользовался тогда популярностію. Въ толпѣ я слышалъ добродушныя замѣчанія по адресу „Московской Татьяны", поскупившейся удѣлить болѣе обширную свиту своему ученому, но раздраженіе противъ московскихъ гостей или недружелюбное отношеніе къ нимъ ничѣмъ не проявилось, да его и не было. Диспутъ прошелъ мирно. Въ голосѣ Погодина слышалось сдержанное раздраженіе, а его оппонентъ обнаруживалъ полнѣйшее спокойствіе. Кромѣ диспутантовъ, въ залѣ едва ли можно было насчитать десять человѣкъ, понимавшихъ всю тонкость аргументаціи обоихъ оппонентовъ, которая въ большинствѣ случаевъ представляла филологическія экскурсіи въ область литовскаго языка и его грамматики. Публика ловила общій смыслъ и аплодировала удачнымъ выраженіямъ.

Къ своей гипотезѣ Николай Ивановичъ, конечно, относился серьезно, но на форму ея публичной защиты, на сколько можно судить по его отзывамъ о ней впослѣдствіи, онъ смотрѣлъ съ своимъ обычнымъ юморомъ. Нѣсколько дней спустя послѣ диспута, въ „Искрѣ" появилась по поводу его каррикатура, которая, какъ я потомъ слышалъ отъ Николая Ивановича, приводила его въ восторгъ по своей мѣткости. Помнится, она носила заглавіе „Непомнящіе родства передъ судомъ исторіи". Передъ засѣдающими за столами судьями стояли въ нормандскихъ шлемахъ Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ съ дружиною. На вопросы суда объ ихъ имени, званіи, происхожденіи и проч., они давали одинъ отвѣтъ: „Варяги-Русь". Не находя достаточныхъ основаній для окончательнаго приговора о происхожденіи подсудимыхъ, судъ постановилъ отложить дѣло и просилъ подсудимыхъ и публику пожаловать для выслушанія приговора въ этотъ-же залъ черезъ тысячу лѣтъ. Такой именно отвѣтъ „Варяги-Русь", по словамъ Н. И. Костомарова, даютъ на подобные вопросы лѣтописи.

Н. И. Костомаровъ оставилъ университетъ послѣ закрытія его, въ 1861 году, по случаю безпорядковъ, вызванныхъ введеніемъ новаго устава; но званіе профессора онъ сохранилъ до 1862 года. Закрытіе университета не прекратило его профес-

сорской дѣятельности Въ концѣ 1861 и въ началѣ 1862 года, рядомъ съ закрытымъ университетомъ, по почину выбраннаго студентами съ этою цѣлью комитета, въ залахъ городской думы, въ училищахъ св. Петра и св. Анны, въ Морскомъ училищѣ (Чебышевъ) были открыты систематическія публичныя чтенія профессоровъ: Костомарова, Павлова, Стасюлевича, Андріевскаго, Горлова, Кавелина, Лохвицкаго, Спасовича, Утина, Годолина, Бекетова, Менделѣева, Совѣтова, Соколова, Сѣченова, Пузыревскаго, Благовѣщенскаго, Ивановскаго, Калиновскаго, Штейнмана и Петрушевскаго. Проф. Костомаровъ читалъ въ александровскомъ залѣ думы древнюю русскую исторію (введеніе въ исторію цивилизаціи), по четвергамъ, отъ 10³/₄ до 11³/₄ утра. Значеніе этого, какъ именовала его тогда печать, подвижнаго и свободнаго университета не понятно безъ связи съ крайне интересными и, съ нынѣшней точки зрѣнія, крайне своеобразными явленіями университетской и общественной жизни этого періода времени. Все, что касается движенія университетской жизни, обстоятельно и довольно точно изложено въ интересной статьѣ г. Спасовича „Пятидесятилѣтіе С.-Петербургскаго университета“.

Огромное, хотя нѣсколько искусственно построенное зданіе подвижнаго университета рухнуло, какъ карточный домикъ, отъ прикосновенія слѣдующаго, повидимому, посторонняго ему событія. 2-го марта 1862 года извѣстный проф. Петербурскаго (прежде Кіевскаго) университета Павловъ на публичной лекціи въ пользу литературнаго фонда читалъ свою статью „О тысячелѣтіи Россіи“, напечатанную ранѣе въ календарѣ (кажется, академическомъ). Къ напечатанному, слѣдовательно дозволенному цензурой, пр. Павловъ прибавилъ только заключительныя слова: „имѣяй уши слышати да слышитъ“. Чтеніе и обаятельная личность лектора вызвали со стороны публики очень шумныя выраженія сочувствія. На другой день Петербургъ узналъ, что Павлову запрещено публичное чтеніе и сдѣлано распоряженіе объ административной высылкѣ его въ Ветлугу. Въ видѣ протеста противъ этого нарушенія свободы преподаванія предполагалось, по слухамъ, закрыть всѣ публичныя чтенія. Это предположеніе скоро превратилось въ рѣшеніе комитета

по устройству публичныхъ чтеній, состоявшагося подъ вліяніемъ близкихъ къ комитету профессоровъ. Всѣ покорились этому рѣшенію и прекратили чтеніе, за исключеніемъ проф. Костомарова. Сколько ни посылали къ нему депутацій, сколько ни убѣждали его отдѣльные уполномоченные студенты и не студенты, сколько, наконецъ, ни угрожали ему въ анонимныхъ письмахъ свистками, гнилыми яблоками, апельсинами, печенымъ картофелемъ и т. под., ничто не помогало,—Николай Ивановичъ стоялъ на своемъ. Лекція его приходилась на 8 марта. Аудиторія далеко не представляла того вида возбужденнаго, но молчаливаго ожиданія, какъ два года назадъ, передъ вступительной лекціей въ ноябрѣ 1859 года. Теперь слушатели, въ ожиданіи профессора, разбились на отдѣльныя группы ожесточенно спорящихъ между собою людей. Въ залѣ стоялъ невообразимый шумъ, мгновенно смолкшій при появленіи профессора. Скоро шумъ снова возобновился и мѣшалъ чтенію, на что онъ очевидно и былъ разсчитанъ. Многіе встали съ своихъ мѣстъ, заслоняя каѳедру отъ заднихъ рядовъ, которые, поэтому стали на сулья и столы. Вообще въ тотъ день думской мебели не поздоровилось. На крики враждебные и даже свисты отвѣчали яростные аплодисменты и крики доброжелательные. О яблокахъ, картофели и т. п., конечно, не было и помину, но и безъ нихъ стоялъ изрядный содомъ. Не помню, началось ли все это при первыхъ словахъ профессора, или часть лекціи была прочитана, но окончить ее, я помню хорошо, не пришлось. Какъ только замѣтили, что профессоръ желаетъ обратиться къ аудиторіи съ словами, не относящимися къ лекціи, тишина мгновенно возстановилась. Не могу передать дословно рѣчи, съ которою Николай Ивановичъ обратился къ своей буйной аудиторіи, но я какъ теперь вижу его возбужденное блѣдное лицо и слышу, какъ взволнованнымъ голосомъ, гнѣвно отчеканивая слова, онъ упрекалъ расходившееся юношество за неуваженіе къ наукѣ, сравнилъ съ Репетиловымъ за легкость, съ какою интересы знанія приносились въ жертву охотѣ пошумѣть, и, наконецъ, объявилъ, что прекращать лекціи онъ не намѣренъ. Аудиторія притихла, не знаю, потому ли, что воздѣйствовали слова профессора, или

потому, что дѣло было сдѣлано—профессоръ сходилъ съ каѳедры, и волноваться не было уже причины ни противникамъ, ни сторонникамъ. Теперь обсуждали вопросъ о цѣляхъ закрытія публичныхъ чтеній, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше было шансовъ на его благополучное разрѣшеніе. Профессоръ Костомаровъ виновенъ въ томъ, что не пошелъ за всѣми. Его принудили идти. Но что-жъ потомъ?

Слѣдующая лекція профес. Костомарова не могла состояться, вслѣдствіе отказа думы въ помѣщеніи. Затѣмъ 13 марта, профессоръ объявилъ печатно, что чтеніе курса исторіи Московской Руси XVI в., прерванное 8 марта, будетъ возобновлено по пріисканіи помѣщенія. Вслѣдъ за этимъ объявленіемъ посыпались новыя угрозы по адресу Николая Ивановича, которыя усиливали его рѣшимость отстаивать свое намѣреніе, но чтеніе не возобновилось по распоряженію администраціи. Такъ кончилась профессорская дѣятельность Н. И. Костомарова.

Упрямая настойчивость въ преслѣдованіи до конца дѣла, основаннаго на убѣжденіи въ его справедливости—коренная черта характера Николая Ивановича. Не имѣя ни малѣйшей тѣни цеховой заносчивости, съ одинаковымъ интересомъ и вниманіемъ выслушивалъ онъ всякое мнѣніе по предмету его спеціальности и по всякому другому предмету. Никто терпимѣе его не относился къ возраженію и никто легче не сознавался въ ошибкѣ; но убѣдить его отказаться отъ дѣла или мнѣнія ради какихъ-нибудь постороннихъ соображеній не было никакой возможности. Житейскій тактъ очень мало уживался съ натурой Николая Ивановича. Помню, „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“ подоспѣли какъ разъ ко времени польскихъ волненій. Всѣ друзья Николая Ивановича находили, что издавать эту книгу въ такое время—крайняя безтактность, что она можетъ послужить такимъ цѣлямъ, какимъ онъ не можетъ сочувствовать, что книгу могутъ принять, какъ ловкій маневръ, съ цѣлью заслужить милость, что онъ пріобрѣтетъ себѣ враговъ тамъ, гдѣ онъ не желалъ бы ихъ имѣть, и проч., и проч. Никто однако же не брался доказывать, что его точка зрѣнія на причины паденія Рѣчи Посполитой не вѣрна. При сущевовавшихъ

тогда обстоятельствахъ изданіе такого сочиненія, какъ „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, дѣйствительно представлялось чѣмъ то рискованнымъ. Николай Ивановичъ настоялъ, однако, на своемъ, и сочиненіе вышло въ свѣтъ.

Въ началѣ 1866 года, Михаилъ Матвѣевичъ Лазаревскій, близкій другъ и душеприкащикъ Т. Г. Шевченка, предпринялъ изданіе сборника сочиненій поэта „Кобзарь“. По условію съ книгопродавцемъ Кожанчиковымъ, изданіе должно было редактироваться Н. И. Костомаровымъ, а работы по приготовленію сборника къ печати и надзоръ за типографскими работами поручены были мнѣ. Этому счастливому случаю я обязанъ личнымъ знакомствомъ съ Николаемъ Ивановичемъ. Въ первый разъ я отправлялся къ нему съ Михаиломъ Матвѣевичемъ Лазаревскимъ, старымъ пріятелемъ Костомарова. Это было часовъ въ 5 мартовскаго вечера. Николай Ивановичъ былъ не совсѣмъ здоровъ. Онъ прилегъ въ гостинной на диванѣ, въ лѣтнемъ верхнемъ пальто, надѣтомъ прямо на жилетъ, съ классической трубкой на длинномъ чубукѣ съ янтарнымъ мундштукомъ. Возлѣ дивана сидѣлъ Максимовъ, извѣстный авторъ „Годъ на сѣверѣ“. Наше появленіе только на минуту прервало ихъ бесѣду. Я видѣлъ, что на меня никто не обращаетъ вниманія, какъ на давно знакомаго, такъ сказать своего человѣка, и чувствовалъ себя очень хорошо. Рѣчь шла о церковномъ богослуженіи. Собесѣдники припоминали мѣста особенно поэтическія и красивыя по напѣву, и Максимовъ въ полголоса исполнялъ ихъ хорошимъ голосомъ и умѣло. До поздняго вечера слышались восклицанія: „А помните, въ такой то день, въ заутренѣ, послѣ такого то возгласа, такое то мѣсто“! И затѣмъ слѣдовала или длинная цитата Николая Ивановича или пѣніе Максимова. Въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло. Бесѣда шла съ возрастающимъ одушевленіемъ. Николай Ивановичъ забылъ о своемъ недомоганіи, всталъ съ дивана и быстро ходилъ по комнатѣ, останавливался передъ гостемъ, когда онъ исполнялъ особенно интересное мѣсто. Какъ только зажгли лампы, Максимовъ откланялся и ушелъ, мы послѣдовали его примѣру. О Шевченкѣ, противъ моего ожиданія. не было и помину. Да и о чемъ тутъ толко-

вать? Мы знали, что цѣль, ради которой мы шли къ Костомарову, достигнута,—оставалось приниматься за работу.

Между моими пріятелями было нѣсколько хорошихъ знакомыхъ Н. И. Костомарова. Съ однимъ изъ нихъ мы вмѣстѣ жили, въ томъ же домѣ Карманова, на 9 линіи, гдѣ жилъ и Костомаровъ, такъ что задолго до личнаго знакомства я хорошо зналъ Николая Ивановича и весь его домашній обиходъ. Мнѣ не разъ приходилось слышать о феноменальной памяти Николая Ивановича, о томъ, что онъ на память знаетъ церковное богослуженіе на славянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ. Мнѣ было извѣстно, что онъ очень любилъ богослуженіе вообще и церковное пѣніе въ особенности и увлекается тѣмъ и другимъ иногда до чудачества. Въ это памятное для меня первое посѣщеніе Николая Ивановича, услышавъ, о чемъ идетъ рѣчь, я, грѣшнымъ дѣломъ, приготовился быть свидѣтелемъ чего нибудь курьезнаго, чуднаго. Но ничего подобнаго не произошло. Бесѣда шла серьезно о томъ, что глубоко интересовало собесѣдниковъ. Оба до тонкости понимали поэзію и красоту того, о чемъ держали рѣчь, и я, слушая ихъ, понималъ, что цитируемыя ими мѣста Священнаго Писанія и напѣвы молитвъ дѣйствительно прекрасны, хотя прежде не замѣчалъ этого, не смотря на то, что многое изъ слышаннаго мною здѣсь было мнѣ давно извѣстно.

Событіе 4 апр. 1866 годя мѣсяца на четыре задержало изданіе „Кобзаря". Наслѣдство, оставленное намъ Т. Г. Шевченкомъ, состояло, кромѣ напечатаннаго до 1848, т. е. до его ссылки, изъ такъ называемой „маленькой книжечки" и изъ переплетенной въ желтую папку тетради изъ разноцвѣтной почтовой бумаги, въ листъ малаго формата, съ подписью на оборотѣ: „Поэзіи Т. Шевченка". Въ „маленькую книжечку" было переплетено все, написанное поэтомъ въ ссылкѣ, на листикахъ въ 1/16 долю обыкновеннаго большого листа почтовой бумаги, которые поэтъ носилъ за голенищей изъ опасенія обнаружить нарушеніе имъ строгаго запрещенія ему писать и рисовать. Желтую книжечку составляли стихотворенія, перенесенныя изъ маленькой книжечки въ обработанномъ видѣ, и все

написанное поэтомъ послѣ ссылки. Значительная часть стихотвореній, содержащихся въ этихъ книжкахъ, была напечатана въ издававшемся въ 1861—62 году малороссійскомъ журналѣ „Основа“; но по крайней мѣрѣ третья ихъ часть не была издана и предназначалась для помѣщенія въ первый разъ въ приготовляемомъ къ печати Кожанчиковскомъ изданіи „Кобзаря“. Понятно, до какой степени безпокоила Николая Ивановича мысль, что по какой нибудь случайности, а о нихъ ходили самые чудовищные разсказы, эти рукописи попадутъ въ водоворотъ широко развернувшейся тогда дѣятельности Муравьева Виленскаго. По этому поводу шли длинные переговоры на обычныя у насъ въ подобныхъ случаяхъ темы: „нельзя ли отложить, да нельзя ли подождать“. Кончилось, однако, тѣмъ, что работы по изданію „Кобзаря“ были прекращены и рукописи переданы на храненіе г. Кожанчикову.

Взглядъ Н. И. Костомарова на литературное значеніе Т. Г. Шевченка выраженъ имъ въ предисловіи къ Кожанчиковскому изданію „Кобзаря“. Поэтическое творчество Шевченка, по мнѣнію нашего историка, составляетъ прямое продолженіе народнаго творчества. Онъ пѣлъ такъ, какъ, при соотвѣтствующихъ условіяхъ, запѣлъ бы самъ народъ. Въ устахъ Н. И. Костомарова, при его взглядѣ на значеніе народной поэзіи, это найвысшая похвала. Изъ произведеній Шевченка наибольшею, по крайней мѣрѣ очень большою его симпатіей пользовался „Чернецъ“. Онъ часто его декламировалъ, конечно, наизустъ. Онъ зналъ наизустъ всего Шевченка. Также очень ему нравилось: „Наймычка“, баллады изъ юношескихъ произведеній поэта и лирическія мѣста изъ поэмы „Сонъ“. „До мертвыхъ и живыхъ и ненарожденныхъ землякивъ моихъ мое дружнее посланіе“, не смотря на неподражаемый блескъ языка и высоту чувствъ любви къ родинѣ, которымъ проникнуто каждое слово „Посланія“, очень мало привлекало вниманіе историка. Онъ находилъ въ немъ всѣ достоинства ораторской рѣчи, но мало поэзіи. Не удивительно послѣ этого, что онъ не признавалъ поэзіи въ стихотвореніяхъ Некрасова, какъ не признавалъ ее и Тургеневъ. Особенно не по душѣ приходилось Николаю Ивановичу стихо-

твореніе „Убогая и Нарядная“. По его выраженію, оно звучало для него холодною реторикой прокурорскаго обвиненія. Точно также не раздѣлялъ онъ общаго восторга по отношенію къ художественной сторонѣ произведеній Щедрина. Онъ признавалъ за ними огромное значеніе публицистическое, но не могъ помириться съ неясностью и неопредѣленностью художественныхъ образовъ въ сатирахъ и признать законность „рабьяго языка“. Этотъ еретическій взглядъ Николай Ивановичъ не любилъ защищать вѣроятно потому, что художественная сторона въ этихъ случаяхъ всегда отодвигалась на задній планъ многими другими сторонами дѣла, противъ которыхъ онъ не имѣлъ возраженій. Когда къ нему обращались съ такого рода рѣчами, онъ отвѣчалъ полусловами или отмалчивался. По этому вопросу Костомаровъ, кажется, тоже сходился съ Тургеневымъ. Такъ же, какъ и Тургеневъ, Николай Ивановичъ ставилъ неизмѣримо высоко Пушкина. Изъ малороссійскихъ беллетристовъ наибольшею его любовью пользовался Квитка-Основьяненко. Его разсказы онъ находилъ поэтическими, очень цѣнилъ въ нихъ неподдѣльный украинскій юморъ и типичность отдѣльныхъ характеровъ и народныхъ группъ. При воспоминаніи объ украинской ярмаркѣ, онъ всегда цитировалъ ту сцену изъ „Солдацького патрета“, когда городскіе парубки, щеголяя передъ пріѣзжими селянами, заложивъ руки за спины, важно запѣвали *московськои писни*: „При данылушци стояла“. Въ особенности онъ ставилъ высоко языкъ Квитки и часто ставилъ его, какъ примѣръ, молодымъ писателямъ, надъ которыми часто шутилъ, по поводу введенія новыхъ, несвойственныхъ языку словъ, называя такія слова кованными, а авторовъ ихъ ковалями. „Баба Параска“ Левицкаго приводила его въ восторгъ.

Музыку Николай Ивановичъ любилъ до увлеченія. Изъ русскихъ композиторовъ особенною его симпатіей пользовался Глинка. „Жизнь за Царя“, въ продолженіе цѣлаго ряда зимъ, Николай Ивановичъ слушалъ столько разъ, сколько эта опера ставилась на сценѣ Маріинскаго театра. Н. В. Лысенка онъ высоко цѣнилъ, какъ исполнителя. Изъ его сочиненій ему очень нравились нѣкоторыя вещи изъ написанныхъ на слова Шев-

ченка. Кромѣ „Ой чого ты почорнило зеленее поле“, я не могу припомнить, какія именно. Съ большою похвалою оно отзывается также о „Закувала та сыза созуля“ Нищенскаго. Понятно, я называю здѣсь тѣ произведенія, о которыхъ мнѣ приходилось слышать отзывы изъ устъ Николая Ивановича непосредственно.

Какъ ни мало я могу привести фактовъ для характеристики художественнаго вкуса нашего историка, все же, мнѣ кажется, и на основаніи приведеннаго здѣсь матеріала можно составить себѣ довольно опредѣленное понятіе по этому предмету.

Съ 1871 по 1874 годъ мнѣ пришлось, по порученію Николая Ивановича и подъ его руководствомъ, заниматься приготовленіемъ къ изданію части огромнаго этнографическаго матеріала, собраннаго этнографическо-статистическою экспедиціей въ Юго-Западный край, именно томы III, IV и V „Трудовъ Экспедиціи“, обработка которыхъ была возложена на Н. И. Костомарова Им. Рус. Географич. Обществомъ, а въ 1874 г. XVI т. Сборника Им. Историч. Общества, содержащаго переписку князя Николая Васильевича Репнина, относящуюся до эпохи перваго раздѣла Польши. Живое чувство поэзіи и необыкновенная восприимчивость къ художественнымъ впечатлѣніямъ, составляющія коренныя черты нравственнаго облика Николая Ивановича, въ общемъ мнѣ были уже извѣстны. Работы по изданію „Трудовъ Экспедиціи“ дали мнѣ случай познакомиться съ этими свойствами его характера съ особой точки зрѣнія. Поэтическая красота народной пѣсни для меня понятна была съ дѣтства, и встрѣтить пониманіе и чувство этой красоты, много разъ превосходившее мое собственное, въ ученомъ, посвятившемъ лучшую часть своей жизни изученію народной поэзіи, не казалось мнѣ дивомъ. Красоту и поэзію обряда я понималъ гораздо менѣе. Относительно нѣкоторыхъ обрядовъ я сталъ бы скорѣе на сторону, совсѣмъ ихъ отрицающую. Николай Ивановичъ видѣлъ въ обрядахъ, независимо отъ историческаго ихъ значенія, особую красоту и поэзію, и когда двумя-тремя образами онъ помогалъ мнѣ связать данный обрядъ съ его миѳологическимъ первоисточникомъ, мертвыя формы

обряда получали жизнь, и я также понималъ его красоту. Тогда мнѣ уже не могло казаться ни страннымъ, ни непонятнымъ, почему ученый, глубоко ихъ изучившій и обладающій рѣдкою способностью ихъ образнаго воспроизведенія, не только ихъ понимаетъ, но до такой степени живо ихъ чувствуетъ, можно сказать переживаетъ, что, кажется, еще шагъ въ этомъ направленіи—и онъ начнетъ ихъ исполнять. Я убѣжденъ, еслибы Николаю Ивановичу случилось захворать въ какой нибудь захолустной малороссійской деревушкѣ и ему предложили бы позвать ворожку, онъ охотно согласился бы. Это сдѣлалъ бы онъ, конечно, не для медицинскихъ и даже, можетъ быть, не для этнографическихъ цѣлей. Фактъ ворожбы, сопровождающіе ее обряды и самый текстъ заклинаній проникнутъ такимъ искреннимъ и наивнымъ чувствомъ единства человѣка съ природою, а, слѣдовательно, съ поэзіею, а отсюда и съ красотою, что такому знатоку этого дѣла, какъ Николай Ивановичъ, было слишкомъ много достаточныхъ причинъ интересоваться ворожбой, оставя въ сторонѣ даже научныя цѣли. Религіозные обряды Николай Ивановичъ также приводилъ къ ихъ первоначальному источнику и, можетъ быть, поэтому такъ глубоко понималъ ихъ смыслъ и торжественную красоту. Для него пасхальная заутреня, напримѣръ, представляла нѣчто необычайно великое, торжественное и прекрасное. Красотой религіознаго обряда онъ также любовался до увлеченія, но этого рода увлеченіе легко подводится подъ готовую категорію понятій, и никто не находитъ его страннымъ, какъ многіе считали страннымъ его увлеченіе сохранившимися въ народной памяти обломками языческой старины. Если кто скажетъ, что Николай Ивановичъ былъ глубоко религіозенъ, онъ скажетъ правду; но скажетъ слишкомъ мало. Всякій обыкновенный смертный относится къ религіознымъ вопросамъ по своему, а Николай Ивановичъ понималъ ихъ и совсѣмъ по своему. Конечно, начиная съ пасхальной заутрени до паникадила и лампадки въ его спальнѣ, всѣ церковные обряды говорили ему совсѣмъ не то, что намъ, современнымъ среднимъ людямъ, а тѣмъ болѣе не то, что они говорятъ какой нибудь помѣщицѣ Коробочкѣ или старообрядческой начетчицѣ.

Вообще по своей сложной, своеобразной и многосторонне одаренной натурѣ, Николай Ивановичъ, со стороны своей нравственной физіономіи, не подходилъ подъ общепринятые шаблоны. Одинъ изъ друзей его юности назвалъ его въ своихъ воспоминаніяхъ скупымъ. Но развѣ можно наклеить такой ярлыкъ на Н. И. Костомарова только потому, что онъ не любилъ давать взаймы денегъ и книгъ? Къ заработку онъ относился серьезно, какъ смотритъ на него солидный крестьянинъ, а книги онъ любилъ и каждую изъ нихъ считалъ большою драгоцѣнностью, не справляясь съ оцѣнкой ея по прейсъ-куранту книготорговца. У насъ рѣдко можно встрѣтить даже книжныхъ людей, раздѣляющихъ такой взглядъ. Почти съ каждымъ просителемъ Николаю Ивановичу приходилось говорить на разныхъ языкахъ. Онъ долженъ былъ отдать просителю драгоцѣнность, а проситель получалъ отъ Николая Ивановича совсѣмъ незначительную вещь. Всѣ свои наличныя деньги Николай Ивановичъ, какъ извѣстно, отдалъ на устройство школы въ своемъ родномъ селѣ и очень заботился, чтобы ихъ не оказалось мало. Аккуратный въ этихъ отношеніяхъ, Николай Ивановичъ совсѣмъ неразсчетливо устраивалъ изданія своихъ сочиненій, предоставляя большой барышъ книгопродавцамъ; за работы своимъ помощникамъ онъ платилъ очень щедро, отличался гостепріимствомъ, не отказывалъ себѣ въ нѣкоторой изысканности по части стола и особенно бѣлья. За эту послѣднюю привычку тотъ же другъ называетъ Николая Ивановича бариномъ, не замѣчая, что барство и скупость трудно совмѣстимыя качества.

Николай Ивановичъ жилъ со своею матушкой до 1875 года, т. е. до ея кончины. Татьяна Петровна до послѣднихъ своихъ дней была совсѣмъ бодрой и сильной старухой, не дряхлѣе во всякомъ случаѣ своего сына, съ серьезнымъ и очень красивымъ лицомъ. Портретъ, писанный художникомъ Ге, прекрасно передаетъ черты и характеръ этого лица. Николай Ивановичъ былъ единственною ея привязанностью, а домашнее хозяйство—единственнымъ занятіемъ. Она баловала сына разными тонкостями кухни и вообще заботливостью ухода, но болѣе слож-

ной душевной связи между матерью и сыномъ не могло быть. Татьяна Петровна не получила образованія и потому умственные и общественные интересы, волновавшіе сына и приводившіе его въ былое время къ большой бѣдѣ, были ей чужды, хотя эта бѣда не легко отражалась и на ея собственной судьбѣ. Недаромъ соузникъ Николая Ивановича, поэтъ Шевченко, былъ такъ пораженъ ея видомъ, когда изъ окна крѣпости увидѣлъ ее идущею провѣдать своего, тамъ же заключеннаго сына, что сталъ благословлять свое сиротство и одиночество.

„Дывлюсь... твоя, мій брате, маты,
Чорниша чорнои земли,
Иде, съ креста неначе знята...
Молюся! Господы молюсь!
Хвалыть тебе не перестану,
Що я ни зъ кимъ не подилю
Мою тюрьму, мои кайданы.

Для постороннихъ людей отношенія между сыномъ и матерью могли показаться нѣсколько сухими и формальными. Можетъ быть, здѣсь играли нѣкоторую роль нравы старой и современной крестьянской Малороссіи, недопускающіе внѣшняго проявленія нѣжности между родителями и дѣтьми, особенно взрослыми. Когда Николаю Ивановичу случалось уѣзжать куда нибудь надолго, материнская нѣжность и сыновняя привязанность сейчасъ давали себя чувствовать. Потомъ, послѣ усиленной взаимной внимательности въ первые дни свиданія, все возвращалось къ обычному порядку. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ сцены незначительной и обычной въ иной средѣ, которая обнаружила для меня такую пустоту между сыномъ и матерью, которую ничѣмъ нельзя было наполнить. Утромъ, когда Николай Ивановичъ сидѣлъ за работой (послѣдніе годы онъ работалъ только утромъ и не любилъ, когда ему мѣшали), входитъ изъ кухни Татьяна Петровна, взволнованная, съ жалобой на кухарку, которая становится невыносимо груба, не терпитъ вмѣшательства хозяйки въ кухонное хозяйство и т. п., и проситъ это прекратить, потому что дальше терпѣть такой порядокъ она не можетъ.

Николай Ивановичъ молчалъ, но нервное подергиваніе щеки обнаруживало, что это молчаніе происходитъ не отъ равнодушія къ заявленной жалобѣ. Выслушавъ повторенныя доказательства упрямства и грубости кухарки, Николай Ивановичъ чуть не плачущимъ голосомъ обратился къ матери:

„Да не могу же я, маменька....

— Ты всегда такъ, не могу. Я одна должна переносить всѣ эти дрязги. Тебѣ какое до этого дѣло!

— „Вы откажите ей, маменька".

— Не могу я ее прогнать, гдѣ мнѣ искать другую и т. д.

Послѣ обмѣна нѣсколькими подобнаго рода фразами, дѣло кончилось тѣмъ, что Татьяна Петровна ушла обиженная, съ упреками: „ты генералъ, а позволяешь всякой кухаркѣ оскорблять твою мать" и т. п., а Николай Ивановичъ бросилъ перо, нервно забѣгалъ по комнатѣ и скрылся въ своей спальнѣ. Мнѣ передавали, что иногда послѣ такой сцены Николай Ивановичъ схватывалъ себя за голову и выбѣгалъ на площадку лѣстницы, крича что есть силы одну высокую ноту до тѣхъ поръ, пока его не уводили и не укладывали въ постель. Подобныя сцены, сколько мнѣ извѣстно, случались рѣдко и впечатлѣніе оставляли не надолго. Татьяна Петровна никакой злобы въ нихъ не вносила, слѣдовательно, при безконечной незлобивости Николая Ивановича и при его способности признавать свой промахъ и прощать причиненную ему обиду, иначе и быть не могло.

Какъ образецъ незлобивости Николая Ивановича, не могу отказать себѣ въ удовольствіи разсказать слѣдующую совсѣмъ незначительную, но очень характерную сценку. Любимый котъ Николая Ивановича, извѣстный Василій (кажется) Ивановичъ Міофаговъ, въ чемъ то сильно проштрафился,—канарейку загрызъ или что то въ этомъ родѣ. Пойманный en flagrant délit, Міофаговъ не успѣлъ улизнуть. Николай Ивановичъ, взбѣшенный наглостью преступленія, схватилъ Василія Ивановича и стремительно направился къ открытому окошку, чтобы бросить его съ третьяго этажа. У самаго подоконника онъ остановился, бережно поставилъ Міофагова на полъ и сталъ гладить его между ушами, чтобы извиниться за невольную вспышку.

Совершенно такимъ же образомъ онъ поступалъ и въ дѣлахъ болѣе важныхъ. Послѣ лекціи 8 марта 1862 года въ думѣ, студенты, устроившіе ему дебошъ и не скрывавшіе этого, мирно и дружелюбно съ нимъ бесѣдовали въ его же кабинетѣ по поводу этого же дебоша. Такое незлобіе нельзя объяснить равнодушіемъ къ предмету распри. Напротивъ, прекращеніе публичныхъ чтеній, и при томъ съ грубымъ противъ него насиліемъ, Николай Ивановичъ считалъ нападеніемъ на дѣло, которому онъ служитъ, и защищалъ его до послѣдней возможности. Но интересы дѣла онъ не смѣшивалъ съ личнымъ самолюбіемъ, и въ этомъ, я думаю, заключается тайна его незлобія въ подобныхъ случаяхъ. Можетъ быть, изъ этого же источника происходитъ и его неизмѣнное безпристрастіе, подавшее тогда поводъ къ обвиненію его въ сухости и равнодушіи къ нуждамъ ближняго. Мнѣ пришлось слышать, приблизительно, такое обвиненіе по адресу Николая Ивановича: „Помилуйте, онъ со мною былъ всегда внимателенъ и кротокъ, выслушивалъ охотно всякія интимныя вещи, а попросилъ его похлопотать о помѣщеніи статьи въ „Вѣстникѣ Европы“,—наотрѣзъ отказалъ: онъ мягко стелетъ“. Это свойство характера Николая Ивановича и вытекающая изъ нея терпимость—дѣло большого ума и образованія, дѣло весьма почтенное и понятное; но то забвеніе обиды, безъ малѣйшихъ слѣдовъ остатка какой-нибудь горечи на душѣ, которое Николай Ивановичъ проявлялъ къ своимъ литературнымъ противникамъ, сознаюсь, для меня совсѣмъ не понятно, я не могу представить въ себѣ самомъ такое чувство, вообразивъ себя на его мѣстѣ. Изъ многихъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ такого незлобія, приведу слѣдующій: Е. Бѣловъ, старинный, еще саратовскій, пріятель Николая Ивановича, неизмѣнный посѣтитель его вторниковъ, сталъ печатать статьи, полныя злыхъ нападокъ на Николая Ивановича, далеко выходящихъ за предѣлы ученой и литературной критики, намекая на разныя преступленія противъ того особаго патріотизма, который тогда проповѣдывался на страницахъ „Московск. Вѣдомостей“, „Виленскаго Вѣстника“ и т. п. Не понимая, откуда такое озлобленіе со стороны Е. Бѣлова, всегда сочувствовавшаго Николаю

Ивановичу, какъ человѣку неученому, я обратился за разрѣшеніемъ недоразумѣнія къ самому Николаю Ивановичу.

„Не знаю"! Недоумѣвалъ и самъ Николай Ивановичъ. „Чортъ на него какой-то насѣлъ. Съ моей стороны не было никакихъ поводовъ. Переcталъ ходить и вотъ... пишетъ"...

Года два спустя, на мой звонокъ мнѣ отворилъ дверь самъ Николай Ивановичъ. Изъ передней я увидалъ сидящаго въ гостинной Е. Бѣлова и, конечно, снова, шопотомъ и знаками, обратился къ хозяину за объясненіями по поводу его блуднаго гостя.

„Да, это Бѣловъ", подтвердилъ Николай Ивановичъ и, замѣчая, что я неудовлетворенъ его отвѣтомъ, коротко пояснилъ: „Онъ сказалъ, что ошибался".

Между самыми близкими друзьями послѣ ссоры, кончившейся миромъ, всегда остается какой-то пробѣлъ, неловкость котораго чувствуется всю жизнь, который всегда мѣшаетъ возвратить прежнюю простоту и естественность отношеній. Ничего подобнаго не замѣчалось въ отношеніяхъ Н. И. Костомарова къ г. Бѣлову.

Такое же безслѣдное забвеніе обиды было у Николая Ивановича по отношенію къ другому его литературному противнику послѣ того, какъ, нечаянно встрѣтившись въ Московскомъ Архивѣ, онъ подошелъ къ Николаю Ивановичу и, на вопросъ: „что мя гониши"? отвѣтилъ шутливой славянской фразой, сваливая весь грѣхъ на проказы діавола. Этотъ противникъ былъ въ юности крѣпкимъ соратникомъ Николая Ивановича на одномъ и томъ же полѣ и преслѣдовалъ одну съ нимъ цѣль.

Прощеніе такого рода грѣховъ, грѣховъ противъ Духа Святаго, гдѣ идетъ дѣло объ измѣнѣ общимъ идеаламъ, общимъ цѣлямъ, я, какъ сказалъ уже, не понимаю; но такъ какъ мнѣ навѣрное извѣстно, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ равнодушіе и пассивность не имѣютъ мѣста, то разгадку непонятнаго явленія слѣдуетъ, мнѣ кажется, искать или въ болѣе широкомъ пониманіи Николаемъ Ивановичемъ идеаловъ и цѣли общихъ стремленій, или вообще въ необычайной его нравственной высотѣ.

Говоря все это, я далекъ отъ желанія представить Николая Ивановича лишеннымъ всякихъ личныхъ интересовъ, „чело-

вѣкомъ не отъ міра сего". Это было бы большою ошибкой съ моей стороны. Напротивъ, онъ былъ живой и мірской человѣкъ въ самомъ широкомъ смылѣ слова. Онъ интересовался и даже увлекался оперой, драмой, хоровой пѣсней, сказкой, остроумнымъ анекдотомъ, могъ хохотать по поводу мѣткаго слова и разсказа молодого пріятеля надъ неудачами его собственнаго романа. Словомъ, „ничто человѣческое не было ему чуждо". Всѣ чувствовали себя съ нимъ легко и хорошо. Поэтому, онъ имѣлъ множество преданныхъ друзей между людьми разныхъ слоевъ общества и разныхъ степеней образованія.

Зимою 1875 года, Николай Ивановичъ перенесъ тяжкую болѣзнь и потерялъ мать. О его болѣзни я узналъ отъ Н. А. Бѣлозерской. По городской почтѣ она пригласила меня побывать у нея по очень важному дѣлу. Я засталъ ее въ постели, только что начинающей поправляться послѣ тяжелаго тифа. Она была очень удивлена, что я ничего не знаю о томъ, что случилось у Костомаровыхъ, и разсказала мнѣ ужасающія вещи. Николай Ивановичъ уже нѣсколько дней безъ сознанія: у него тифъ. Татьяна Петровна, захворавшая еще до болѣзни Николая Ивановича воспаленіемъ легкихъ, умерла, когда Николай Ивановичъ былъ уже въ безсознательномъ состояніи и похоронена. Н. И. Катеневъ, родственникъ Н. А. Бѣлозерской и старый другъ Костомаровыхъ, позаботился устроить похороны покойной и наблюдать за больнымъ. (Онъ жилъ въ одномъ этажѣ съ Костомаровыми, двери ихъ квартиръ выходили на одну и туже площадку лѣстницы). Теперь ему предстояло уѣхать изъ Петербурга по дѣламъ, и надзоръ за больнымъ необходимо было передать въ другія руки.

На квартирѣ Николая Ивановича, куда я тотчасъ отправился, была глубокая тишина. Въ спальнѣ лежалъ больной Николай Ивановичъ, а возлѣ него дремала сидѣлка. Отъ Н. И. Катенева, который, повидимому, поджидалъ меня и вслѣдъ за мною вошелъ къ Костомаровымъ, я узналъ, что прислуга—кухарка и старый слуга Николая Ивановича Миронъ—имъ от-

пущена. Оставшись безъ хозяйки и, значитъ, безъ надзора, они связали въ узелъ все бѣлье своихъ господъ и вообще все, что удобно было увезти, наняли уже извощика и совсѣмъ собрались уѣхать; Н. И. Катеневу только случайно удалось помѣшать ихъ намѣренію. Въ квартирѣ, такимъ образомъ, никого не оставалось. Необходимо было завести порядокъ по хозяйству и устроить уходъ за больнымъ; послѣднее было необходимо уже потому, что сидѣлка не могла одна справиться съ больнымъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда для этого требовалась мужская сила. Знакомыхъ и почитателей Николая Ивановича между молодежью было немало и организовать что нибудь въ родѣ дежурства было весьма легко. Въ тотъ же вечеръ я отправился къ Николаю Витальевичу Лысенку и нашелъ тамъ цѣлое общество земляковъ, праздновавшихъ именины хозяина. Это было 6 декабря. Въ нѣсколько минутъ составилось дежурство, въ которомъ приняли участіе, кромѣ меня, Н. В. Лысенко, А. А. Русовъ и, кажется, еще кто-то четвертый, не помню кто. Отсюда я возвратился къ Николаю Ивановичу, чтобъ начать дежурство съ этой ночи.

Первые дни больной не обнаруживалъ никакихъ признаковъ сознанія, и врачъ, въ виду его 58-ми лѣтъ, не разсчитывалъ на выздоровленіе. На мой вопросъ о состояніи больного врачъ громко отвѣтилъ:

„Ну, батенька, нашъ Николай Ивановичъ едва ли выскочитъ". Приговоръ этотъ, произнесенный въ присутствіи больного громко, безъ опасенія причинить преждевременное горе членамъ семьи, прозвучалъ полной безнадежностью. Больной казался еще больше заброшеннымъ и осиротѣлымъ. Тяжелое впечатлѣніе этой минуты и теперь въ моей памяти.

Дня три, четыре спустя, температура стала падать и сознаніе возвращалось. Больной сталъ узнавать окружающихъ, меньше бредилъ и немножко капризничалъ, какъ всѣ выздоравливающіе. Его наболѣвшее тѣло очень безпокоили частыя смѣны бѣлья, особенно постельнаго. Чтобы упростить эту операцію, поставили рядомъ двѣ кровати. Это дало возможность поднимать его съ постели когда новая уже готова, не заставляя ждать. Помню, когда Николай Ивановичъ былъ уже совсѣмъ въ

сознаніи, я, приготовясь переложить больного въ свѣжую постель, держалъ его на рукахъ, закутаннаго въ простыню почти такъ-же, какъ это дѣлаютъ съ грудными дѣтьми. Взлянувъ случайно въ зеркало, я увидѣлъ пресмѣшную группу: бородатую няньку съ такимъ же бородатымъ младенцемъ на рукахъ. Трудно было отказать себѣ въ удовольствіи позабавить такою оригинальною картиной моего больного. Я придалъ ему положеніе, еще больше напоминающее ребенка на рукахъ няньки, и, напѣвая колыбельную пѣсню, поднесъ его къ зеркалу. У Николая Ивановича, всегда чуткаго къ шуткѣ, лицо освѣтилось давно уже невиданною улыбкою. На слѣдующее мое дежурство онъ самъ назвался на повтореніе этой шутки. Впослѣдствіи, онъ часто объ этомъ вспоминалъ и вообще всегда нѣжно относился къ своимъ тремъ бородатымъ нянькамъ.

Въ одинъ изъ тяжкихъ дней болѣзни Николая Ивановича приходила навѣстить его Алина Леонтьевна Кисель. Когда ей сказали, что врачи находятъ посѣщеніе больного и особенно разговоры съ нимъ вредными для него, она ушла, не видавъ больного. Мы тогда уже знали, что Алина Леонтьевна Кисель, рожд. Крагельская, бывшая невѣста Николая Ивановича, свадьба съ которою разстроилась по случаю ареста жениха наканунѣ вѣнчанія.

Силы Николая Ивановича возстановлялись очень медленно. Первыя сознательныя слова его, обращенныя къ окружающимъ, были, конечно, вопросы о матери. Онъ припомнилъ, что Татьяна Петровна была очень больна, и потому не трудно было успокоить Николая Ивановича, сказавъ, что ее, какъ выздоравливающую, ради необходимаго покоя, на время переселили къ знакомымъ. О кончинѣ Татьяны Петровны ему сообщили гораздо позже. Николай Ивановичъ былъ искренне и глубоко опечаленъ потерею матери. Свою скорбь онъ выразилъ въ оригинальной и трогательной эпитафіи на памятникѣ надъ ея могилой. Татьяна Петровна Костомарова похоронена на Смоленскомъ кладбищѣ, на краю главной дороги, почти противъ церкви.

Ранней весною Николай Ивановичъ уѣхалъ въ имѣніе Алины Леонтьевны, близь города Прилуки, полтавской губерніи.

Осенью онъ вернулся въ Петербургъ вмѣстѣ съ Алиной Леонтьевной, уже его женою.

Не помню, при какихъ обстоятельствахъ Николай Ивановичъ, говоря мнѣ о своей женитьбѣ, замѣтилъ, что въ его жизни ничто важное не давалось ему сразу: диссертацію пришлось писать два раза[1]), кафедру онъ занялъ тоже со второго раза[2]), а вотъ и жениться пришлось на бывшей своей невѣстѣ.

Послѣ женитьбы Костомаровы поселились на той же квартирѣ, гдѣ и прежде жилъ Николай Ивановичъ съ своей матушкой. По прежнему тамъ можно было встрѣтить по вторникамъ тѣхъ же старыхъ знакомыхъ; но теперь эти вечера стали посѣщать дамы, что придало вторникамъ совсѣмъ иной характеръ. Трудно себѣ представить, какъ могъ бы существовать Николай Ивановичъ, при своей совершенной неумѣлости по части мелочей домашняго обихода, если бы не устроилась его семейная жизнь. Семья давала ему заботливый уходъ, необходимый при его пошатнувшемся здоровьѣ, а также составляла для него и общество, безъ котораго ему трудно было бы обойтись въ послѣдніе годы, когда слабость зрѣнія не позволяла ему читать и писать по вечерамъ.

Послѣ перенесенія имъ болѣзни, Николай Ивановичъ прожилъ 10 лѣтъ, но прежнія силы не возвратились къ нему вполнѣ. Въ этотъ періодъ жизни Николая Ивановича, мнѣ не часто приходилось его видѣть, и, можетъ быть, поэтому яснѣе замѣчались побѣды надъ нимъ старости. Онъ замѣтно дряхлѣлъ: скоро уставалъ и часто засыпалъ въ креслѣ, когда вокругъ него шла бесѣда. Можетъ быть, поэтому усвоилась привычка обходить его въ бесѣдѣ, говорить при немъ, какъ бы не замѣчая его присутствія. Это бросалось въ глаза каждому новому

---

[1]) Первая дессертація Н. И. Костомарова „О значеніи уніи въ западной Руси“ была запрещена и по распоряженію графа Уварова (Министра Нар. Пр.). сожжена. Вторая его диссертація носила заглавіе „Объ историческомъ значеніи Русской народной поэзіи“.

[2]) Избранный на каѳедру Русской Исторіи въ Кіевскомъ университетѣ въ 1844 г., онъ потерялъ ее вслѣдствіе ареста, весною 1847 года, по подозрѣнію въ намѣреніи составить украинско-славянское общество. На каѳедру въ Петербургскомъ университетѣ онъ избранъ въ 1859 году.

посѣтителю и заставляло его подумать: „какъ однако одряхлѣлъ Николай Ивановичъ“. Не смотря на ослабленіе здоровья и потерю физической бодрости, душевныя способности Николая Ивановича сохранились и по временамъ проявлялись почти съ прежнею силою и свѣжестью.

Въ моей памяти сохранился одинъ вечеръ въ послѣдній уже годъ жизни Николая Ивановича. Онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, у письменнаго стола, въ глубокомъ мягкомъ креслѣ, опустивъ голову и согнувшись комочкомъ, точно ему отказывался служить спинной хребетъ. Въ углу кабинета, на диванѣ, передъ круглымъ столомъ помѣстились нѣсколько человѣкъ гостей, обычныхъ посѣтителей Николая Ивановича, привыкшихъ къ безучастному отношенію хозяина къ окружающему и мало обращавшихъ на него вниманія. Здѣсь шелъ оживленный разговоръ. По временамъ Николай Ивановичъ приподнималъ голову и вставлялъ свое слово—цитату, хронологическую справку, и разговоръ долженъ былъ перемѣнить направленіе или обратиться, послѣ паузы, къ новой темѣ.

По поводу невѣрно приведенной кѣмъ то изъ гостей ссылки, онъ замѣтилъ, что это стихъ изъ Данте, который читается такъ— и продекламировалъ десятка два стиховъ изъ „Божественной комедіи“ на языкѣ подлинника.

Въ послѣдніе годы жизни маститый историкъ напоминалъ руину, по каждому обломку которой можно было угадать, что она представляла когда то огромное, свѣтлое, искусно возведенное зданіе, высотою котораго пользовались, чтобы оріентироваться въ незнакомой странѣ, а гармонія его частей служила молодымъ художникамъ образцомъ строительнаго искусства. Зданіе обветшало. Добрые сосѣди стали потаскивать изъ него понемножку изразцы, карнизы и колонны для украшенія собственныхъ жилищъ. Литературные друзья и враги питались его идеями, пользовались сокровищами его феноменальной памяти; по счастливому выраженію одного изъ друзей Николая Ивановича, пили съ одной съ нимъ чарки, часто однако забывая, что эта чарка всегда была Костомаровская чарка. Между ученіемъ историковъ-государственниковъ и современными тече-

ніями монизма и государственнаго матеріализма лежитъ обширнымъ цвѣтущимъ полемъ школа, которая въ основу историческихъ явленій ставила психологію народа и въ основаніе изученія этихъ явленій этнографію. Трудовъ этой школы не смоютъ никакія послѣдующія теченія, которыя обязаны будутъ строить свое зданіе на нихъ, а не вмѣсто нихъ. Этнографія установила чуждое старой наукѣ, самостоятельное и неудобовыражаемое на чужихъ языкахъ понятіе—народъ. Она показала огромную силу его творчества, создавшую ему самостоятельные идеалы, обширную написанную поэзію и музыку, вѣрованія, нравы, юридическіе обычаи и т. под., безъ особенной заботы о томъ, что̀ объ этомъ думаетъ и по какой дорогѣ желаетъ идти почти сверху его лежащій культурный слой. Оба слоя не могли вліять другъ на друга, потому что другъ друга не знали. Этнографія дала это знаніе, которымъ могъ овладѣть только культурный слой, и въ немъ слѣдовательно, только и могло зародиться движеніе къ общей цѣли. Это движеніе перешло уже за границы исторіи въ тѣсномъ смыслѣ слова, и теперь едва-ли можно указать культурное движеніе въ какой бы то ни было области нашей общественной жизни, которое бы шло въ иномъ направленіи.

Таковы результаты дѣятельности народнической школы. Рожденіе ея не было признано въ сороковыхъ годахъ цеховыми учеными Харьковскаго университета, отклонившими избраніе Николая Ивановича на каѳедру исторіи на томъ основаніи, что онъ, точно какой то „блаженный“, ходитъ по хатамъ и кабакамъ для собиранія народныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. под. пустяковъ. Точно также цехъ ученыхъ не призналъ расцвѣта школы, присвоивъ профессору Костомарову титулъ историка-беллетриста. Нарождающаяся наука народовѣдѣнія вспомнитъ Костомарова: его слава еще впереди.

Весною 1885 года, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ первой болѣзни и женитьбы Николая Ивановича, его постигла снова тяжкая болѣзнь, изъ которой онъ уже „не выскочилъ“. Теперь его окружала самая нѣжная заботливость и самый тщательный

уходъ, но у него лежалъ теперь на плечахъ 68 лѣтній возрастъ. Все же, даже въ самые послѣдніе дни его жизни, когда онъ уже не могъ двигаться безъ посторонней помощи, его не переставали интересовать всѣ вопросы дня. Онъ желалъ знать, о чемъ говорятъ въ газетахъ, что дѣлается въ Петербургѣ, и просилъ читать ему и разсказывать. Услыхавъ оживленные толки о выставленной тогда художественной картинѣ Рѣпина „Іоаннъ Грозный", Николай Ивановичъ пожелалъ ее видѣть, и желаніе его было исполнено. Его внесли на рукахъ и, минуя всѣ картины выставки, помѣстили на креслѣ передъ „Іоанномъ Грознымъ". Николай Ивановичъ любовался картиной около двадцати минутъ. Дома Николай Ивановичъ, на вопросы о томъ, какъ онъ находилъ новую картину Рѣпина, сказалъ, что Іоаннъ, изображенный въ глубокомъ ужасѣ отъ совершеннаго имъ же самимъ кроваваго дѣла, на его взглядъ, болѣе похожъ на человѣка, чѣмъ всѣ извѣстныя ему художественныя воспроизведенія грознаго царя.

Дней за 6—7 до смерти, Николай Ивановичъ, протестуя противъ стѣсненія его свободы, всталъ съ постели, сѣлъ у письменнаго стола и сталъ писать. Въ четверть часа онъ написалъ почти половину маленькаго почтоваго листа. Это была живая и сжатая характеристика—если не измѣняетъ мнѣ память—идеалиста, котораго собирались казнить, принимая за еретика, и котораго спасъ отъ смерти фельдмаршалъ Минихъ. Минихомъ Николай Ивановичъ занимался наканунѣ болѣзни и встрѣченный въ бумагахъ Миниха эпизодъ о сектантѣ, намѣревался обработать въ формѣ беллетристическаго разсказа.

Больной ожидалъ смерти совершенно спокойно и всякую попытку утѣшать его, подавать надежду останавливалъ строгимъ укоряющимъ взглядомъ. Одинъ разъ въ глазахъ его блеснула надежда вотъ по какому случаю. Изъ Малороссіи получили съ почты адресованный Н. И. Костомарову небольшой бумажный мѣшечекъ съ какой то мелко изрубленной травкой и письмо, въ которомъ неизвѣстный корреспондентъ Николая Ивановича умолялъ его испытать посылаемое лекарство и клялся всѣми святыми, что оно поставитъ его на ноги. На это лекарство въ

общей суетѣ не обратили вниманія. Какъ то оно попало въ мои руки, и мнѣ пришло на мысль: чѣмъ эта травка хуже всякаго другого медицинскаго снадобья, которыя въ данномъ случаѣ были такъ-же слѣпы, какъ и это народное? Отчего его не попробовать, если медицина вполнѣ опредѣленно высказывается за совершенную безнадежность больнаго? Признаюсь, я подѣлился этою мыслью съ больнымъ, онъ замѣтно оживился и пожелалъ его испробовать. Достаточно было сказать, что это лекарство народное, чтобы расположить Николая Ивановича въ его пользу. Травку послали для опредѣленія къ профессору Бекетову. Оказалось, что это очень извѣстная *гусиная травка,* по малорусски *спорышъ.* Докторъ (Николая Ивановича лечилъ профессоръ Кошлаковъ) сначала сказалъ, что онъ противъ нашего эксперимента ничего не имѣетъ, а потомъ прислалъ письмо, въ которомъ въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ отказывался его допустить. Сказали объ этомъ Николаю Ивановичу, и онъ очень покорно принялъ рѣшеніе доктора.

Онъ скончался ночью 7 апрѣля. Обстоятельства, сопровождавшія его кончину, разсказаны уже давно и лучше, чѣмъ могъ бы это сдѣлать я. Погребальная процессія съ множествомъ вѣнковъ, крестовъ и хоругвей отъ разныхъ корпорацій тянулась не менѣе, какъ на версту. Похоронили Николая Ивановича на Волковомъ кладбищѣ, у извѣстныхъ „литературныхъ мостковъ“.

Послѣ похоронъ, возвращаясь съ кладбища цѣлыми толпами, мы принуждены были выслушать рѣзкія выраженія неудовольствій по поводу того, что похороны Костомарова захватили въ свои руки разныя бараньи шапки, преобладавшія въ толпѣ, какъ будто Костомаровъ не общерусскій ученый, какъ будто придавать ему значеніе только украинскаго дѣятеля не значитъ унижать его достоинство, и проч., и проч. Что на это возражать? Конечно, ограничивать значеніе ученой и литературной дѣятельности Н. И. Костомарова одною Малороссіей—болѣе, чѣмъ странно; но тысячи людей, явившіяся провожать его до могилы, никѣмъ не сортировались, и вся процессія сложилась безъ заранѣе обдуманнаго плана, за часъ до похоронъ. Кто хотѣлъ предъявлять къ ней какія-нибудь требованія, тотъ долженъ

былъ подумать объ этомъ заранѣе. Черезъ мѣсяцъ, на похоронахъ К. Д. Кавелина я имѣлъ удовольствіе обратить вниманіе антагониста бараньихъ шапокъ на ихъ преобладаніе и на похоронахъ ученаго, на котораго они уже никакъ не могли заявлять какихъ нибудь исключительныхъ притязаній; я спросилъ его о причинахъ этого явленія, но на мой вопросъ отвѣта не послѣдовало.

Г. Вашкевичъ.

КЪ БІОГРАФІИ Н. И. КОСТОМАРОВА[1].

Какъ извѣстно, родиною Николая Ивановича Костомарова была слобода Юрасовка, острогожскаго уѣзда, воронежской губерніи. Нѣсколько дней тому назадъ, вслѣдъ за дошедшею до насъ вѣстью о смерти нашего высокоталантливаго историка, намъ пришлось производить подворную перепись въ этой именно слободкѣ. Изслѣдуя экономическій бытъ юрасовцевъ, пишущій эти строки считалъ себя нравственно обязаннымъ разспросить послѣднихъ о человѣкѣ, имя котораго особенно дорого имъ и, безъ всякаго сомнѣнія, навсегда останется цѣннымъ для русскаго народа и науки.

Мѣстоположеніе Юрасовки ничѣмъ особеннымъ не выдѣляется изъ ряда другихъ мѣстностей уѣзда. Въ широкомъ оврагѣ, вдоль незначительной рѣченки Ольховатки, растянулась по двумъ направленіямъ, съ изломомъ подъ прямымъ угломъ, длинная вереница убогихъ малорусскихъ усадьбъ. Съ запада окаймляютъ Юрасовку крутые скаты, переходящіе сѣвернѣе въ бѣлые, мѣловые обрывы, съ востока тянется отлогая глинисто-черноземная покатость, на сѣверъ двоятся и расходятся овраги Ольховатки. Вокругъ взоръ какъ то стѣсняютъ и путаютъ голыя, холмистыя возвышенія, рѣка теряется въ зеленыхъ покровахъ вербъ и лозы, а самыя строенія тамъ и сямъ чередуются съ традиціонными малорусскими садочками. Глядя, однимъ словомъ, на Юрасовку, вы получаете впечатлѣніе хотя и оживленной природою и людьми, но ординарной мѣстности, и только мѣловые обрывы своимъ рѣзкимъ контрастомъ придаютъ нѣсколько своебразный видъ окрестностямъ этой слободы.

---

[1]) Съ разрѣшенія автора перепечатываемъ эту статью изъ „Русск. Вѣдом." 1885 г., № 144, чтобы сохранить этотъ очень цѣнный матеріалъ для біографіи Н. И. Костомарова.—Ред.

Въ самомъ углу селенія, вблизи церкви, уцѣлѣлъ еще домъ „старого Костомара“, какъ называютъ крестьяне отца Николая Ивановича. Это также самый заурядный, помѣщичій домъ, одноэтажный, квадратный, съ зеленою крышею и съ небольшимъ балкономъ или „крыльцомъ“, обращеннымъ на востокъ. Съ запада къ дому примыкаетъ маленькій садикъ, съ естественнымъ, образуемымъ самою Ольховаткою прудомъ, заросшимъ по окраинамъ ветлами и затянутымъ тиною. Въ этомъ самомъ домѣ родился Николай Ивановичъ и провелъ первые годы своего дѣтства. Позже, послѣ несчастнаго случая съ отцомъ, Николай Ивановичъ жилъ съ матерью на концѣ слободы, въ другомъ еще болѣе скромномъ помѣщеніи, „подъ защитою“ дѣда по матери и ея родни.

Вотъ и все, что осталось въ Юрасовкѣ отъ прошлаго, какъ свидѣтель тѣхъ первыхъ впечатлѣній на юную душу будущаго историка, о которыхъ можно теперь лишь предполагать и догадываться. Повидимому, окружающая природа не могла имѣть особаго, подавляющаго вліянія на складъ характера Николая Ивановича въ дѣтствѣ. Мальчикъ и юноша Костомаровъ всегда долженъ былъ стоять ближе къ людямъ, чѣмъ къ природѣ. „Любилъ ли Николай Ивановичъ охоту? ѣздилъ ли онъ на лошадяхъ“? спрашивалъ я одного изъ стариковъ, помнившихъ Николая Ивановича.—„Нѣтъ,—отвѣчалъ мнѣ мой собесѣдникъ,—только разъ, когда Николай Ивановичъ былъ уже „парубкомъ“ (взрослымъ парнемъ), онъ сдѣлалъ, помнится мнѣ, „бѣгунку“ и ѣздилъ на ней по полямъ и вдоль рѣки. А больше онъ любилъ возиться съ людьми. Гдѣ, бывало, соберется кучка молодежи—вотъ туда навѣрное затешется и онъ“... Люди и люди, живые люди и ихъ прошлое, какъ выражалось оно въ пѣсняхъ и сказаніяхъ, очень рано, съ дѣтства начали поглощать вниманіе и способности Николая Ивановича. Таковы, по крайней мѣрѣ, указанія юрасовцевъ на этотъ счетъ.

По пріѣздѣ въ Юрасовку мы совершенно случайно попали на квартиру, хозяйка которой доводилась отдаленною роднею Н. И. Костомарову по матери. Первыя свѣдѣнія о Николаѣ Ивановичѣ или, точнѣе, объ его отцѣ и матери, поэтому, были

переданы намъ этою женщиною. Она же указала и на своего дядю, Максима Степановича Мыльника[1]), семидесяти трехълѣтняго старика, троюроднаго брата Н. И. по матери, какъ на человѣка, помнившаго Костомарова съ дѣтства. Но наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія сообщилъ намъ Фома Степановичъ Ткачевъ или Ткачъ, семидесяти-семи лѣтній старикъ, сторожъ мѣстной церкви. Другіе изъ жителей Юрасовки большею частію лишь повторяли переданное этими тремя лицами. Въ общемъ оказалось, что юрасовцы помнили болѣе отца Костомарова, чѣмъ сына.

Юрасовцы не могли разсказать, какъ и когда поселились въ Юрасовкѣ Костомаровы, но у нихъ сохранилось преданіе, что раньше Костомаровыхъ здѣсь жилъ какой-то помѣщикъ Уразовъ или Юрасовъ, отъ котораго получила свое названіе и самая слобода. Помѣщикъ этотъ „выкликалъ на свои земли охотниковъ“, и поселенцы приходили сюда съ разныхъ сторонъ. Впослѣдствіи Юрасовка перешла къ Костомаровымъ, и Николаю Ивановичу повидимому предстояло быть помѣщикомъ, но судьба распорядилась совершенно иначе—отцовское имѣніе попало въ другія руки.

Но перейдемъ къ самымъ разсказамъ юрасовцевъ о семьѣ Костомарова. Вотъ что сообщили намъ юрасовцы о матери Николая Ивановича.

„Жили тутъ у насъ Петренки, дѣти Петра Мыльника, и была между ними дѣвочка Татьяна. Старый Костомаръ взялъ ее въ горничныя во дворъ, а потомъ она ему понравилась—и онъ отвезъ ее въ Москву обучать разнымъ языкамъ. Когда французъ бралъ Москву, то Костомаръ загналъ тройку лошадей, и какъ только подъѣхалъ къ дому, въ которомъ жила Татьяна Петровна, и взялъ ее съ собою, такъ французъ и выстрѣлилъ сейчасъ же въ тотъ домъ и разбилъ его вдребезги“. Такими красками юрасовцы описываютъ превращеніе простой

[1]) На вопросъ: какъ старикъ произноситъ свою фамилію—Мыльникъ или Мельникъ, Мельниковъ, по выговору юрасовцевъ—старикъ назвалъ себя Мыльниковымъ. Такъ мы и записали его фамилію.

крестьянки изъ ихъ среды въ барыню Костомариху. Симпатичная личность этой барыни-крестьянки и теперь еще съ любовью вспоминается стариками. По словамъ ихъ, родня помѣщика Костомарова была противъ женитьбы его на крестьянкѣ. Костомаровъ даже вѣнчался гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Старый Костомаръ любилъ свою жену, какъ красавицу и очень умную женщину, хотя и держалъ ее, какъ и всѣхъ вообще въ домѣ, въ почтительномъ отдаленіи. Николай Ивановичъ былъ рожденъ „до вѣнца", но старый Костомаровъ любилъ его едва-ли не болѣе жены, а послѣдняя, какъ говорится, души въ сынѣ не чаяла. Вообще въ воспоминаніяхъ юрасовцевъ все свѣтлое концентрируется около двухъ личностей—Николая Ивановича и его матери.

Не таковъ былъ для юрасовцевъ старый Костомаръ. По разсказамъ, это былъ крутой помѣщикъ, безсердечный и жестокій, какими такъ изобиловали крѣпостныя времена. Самое убійство Костомарова крѣпостными людьми объясняется его чрезмѣрными жестокостями. Но передадимъ этотъ печальный фактъ въ той его формѣ, какъ разсказываютъ юрасовцы.

Какъ то вечеромъ старый Костомаръ уѣхалъ на пасѣку, которая была въ „Рахминовскомъ лѣсу". Онъ любилъ ѣздить ночью и такъ убиралъ лошадей серебромъ, что, бывало, упряжь даже въ темнотѣ блеститъ, а бубенчиковъ столько навѣшивалъ на лошадей, что было слышно за нѣсколько верстъ, какъ они гремятъ. И въ тотъ вечеръ, когда Костомаровъ ѣхалъ съ пасѣки, юрасовцы слышали, какъ гремѣли и дребезжали бубенцы и колокольчики вдали и какъ потомъ сразу оборвалось ихъ дребезжаніе. Въ ту же минуту такъ страшно завыли собаки на господскомъ подворьѣ, что даже юрасовцы повыскочили изъ своихъ хатъ. Спустя нѣсколько времени прибѣжалъ кучеръ Костомарова Савка, рослый мужчина-силачъ, съ крикомъ: „ой! ой! ой! руку кони выбылы и пана вбылы"! Но, увидавши его, ключникъ Барданъ въ свою очередь закричалъ: „закуйте его, закуйте! винъ бреше"! Кучера заковали въ кандалы. Родня и крестьяне бросились на мѣсто самаго происшествія, и вотъ-что представилось ихъ глазамъ. Лошади съ эки-

пажемъ были загнаны въ болото, у Костомарова оказались замотанными въ вожжи руки съ выкрученными пальцами, а на льбу зіяла рана отъ лошадиной подковы. Все повидимому было обставлено такимъ образомъ, чтобы показать, что перепугавшіяся лошади убили помѣщика. Но родня Петровны не повѣрила этому, тѣмъ болѣе, что и подкова оказалась на лбу „на выворотъ", не въ томъ положеніи, въ какомъ она должна бы быть, если бы лошадь ударила Костомарова заднею ногою, а вверхъ шипами. По ходу дѣла каждому сразу же стало яснымъ, что убійство было совершено частію изъ мести, а частію изъ-за грабежа. Въ то время, когда всѣ бросились на мѣсто происшествія, костомаровскій домъ былъ ограбленъ—было взято много денегъ, которыя Костомаровъ будто-бы собралъ для поѣздки въ Петербургъ и „узаконенія сына". Завязалось дѣло. Заподозрѣнные въ убійствѣ крестьяне сорили деньгами и всюду замазывали щели, гдѣ онѣ оказывались. Такъ было и кануло въ вѣчность убійство помѣщика. Но чрезъ 7 лѣтъ, послѣ новаго покушенія на домъ Петровны и ея родни, одинъ изъ участниковъ въ убійствѣ Костомарова самъ проговорился въ кабакѣ слишкомъ ужъ открыто, а за дѣло въ это время взялся энергичный слѣдователь Граниковъ. Убійцы при новомъ веденіи дѣла сознались. Они разсказали, что первый ударъ нанесъ помѣщику кучеръ Савка желѣзнымъ ключемъ отъ экипажа, отчего Костомаровъ сразу свалился, что, убивши помѣщика, они выкрутили ему пальцы, обмотали ихъ вожжами, приложили ко лбу подкову и вогнали ее въ лобъ ключемъ. Виновные получили кару и пошли въ Сибирь, но народная молва до сихъ поръ упорно утверждаетъ, что наказаны были не всѣ. Юрасовцы крайне неодобрительно отзываются о вымершихъ уже теперь наслѣдникахъ старика Костомарова, къ которымъ перешли земли и имущество послѣдняго, которыхъ и не любилъ самъ Костомаровъ, отецъ не пускалъ ихъ дальше кухни, запирался отъ нихъ въ комнатахъ и пр.

Какъ бы тамъ ни было, но тотъ фактъ, что Костомаровъ-отецъ былъ убитъ своими же крѣпостными, во всякомъ случаѣ остается фактомъ. Что послужило причиною убійства—деньги ли, подговоръ или еще что-нибудь—неизвѣстно, но тутъ много

значилъ и личный характеръ суроваго помѣщика. „Когда, по разсказамъ стариковъ, убили Костомарова, то вся Юрасовка твердила: „слава Богу! Теперь буде хоть и гиршый та иншый"!— Что же это былъ за ужасный помѣщикъ?

„Когда, бывало, идешь мимо паньской усадьбы,—разсказывалъ одинъ изъ стариковъ,—то вотъ такъ и катится у тебя по ребрамъ, не знаешь, бывало, какъ ступить, куда смотрѣть— и только молишь Господа Бога о томъ, чтобы панъ не увидѣлъ тебя. Вѣрите-ли, что и теперь даже, проходя мимо панской горницы, шапку снимаю и все мнѣ чудится, что вотъ-вотъ тамъ изъ окна увидитъ меня старый Костомаръ и закричитъ на меня".

Среди барскаго двора была большущая деревянная колода, которую крестьяне называли „Катериной". Здѣсь разгнѣванный помѣщикъ „сажалъ на цѣпь" провинившихся, т. е. по-просту надѣвалъ на шею виновному цѣпь, прикрѣпленную къ колодѣ, и оставлялъ его въ такомъ положеніи на день на два, а то и на цѣлую недѣлю. Но сажанія эти, производившіяся большею частію за попойки, считались крестьянами не особенно еще страшными. Они носили опредѣленный характеръ и все-таки слѣдовали вслѣдъ за видимою виною. Гораздо страшнѣе для крестьянъ были вспышки барскаго гнѣва, вспышки внезапныя и часто совершенно непонятныя, за которыми неминуемо слѣдовала самая жестокая расправа.

„Разъ,—разсказывалъ старикъ,—панъ всталъ рано утромъ, сѣлъ на крыльцо и сталъ смотрѣть на проѣзжающихъ мимо двора крестьянъ. „Куда ѣдешь"?—спрашиваетъ каждаго. „На поле, пане", отвѣчаетъ ему всякій хозяинъ.—„Ну, молодецъ! Ступай съ Богомъ"!—И такъ всѣхъ переспросилъ. Только чрезъ часъ или два этакъ поднялось уже солнце, ѣдетъ на степь одинъ мужикъ,—тутъ коваль[1]) у насъ былъ. „Стой! кричитъ панъ. Ты куда это ѣдешь"?—„На поле"—отвѣчалъ перетрусившій коваль.—„На поле! Ахъ, ты сякой-такой! Такъ-то ты работаешь? Самъ панъ давно уже не спитъ, а онъ вылеживается возлѣ жены. Плетей"! И такъ его, несчастнаго, отсте-

[1]) Кузнецъ.

галъ, что сѣсть человѣку нельзя было. И хотя бы тебѣ разспросилъ, отчего человѣкъ запоздалъ"!

„Въ другой разъ панъ вышелъ на крыльцо съ вечера, послѣ ужина, позвалъ ночнаго сторожа и говоритъ ему: „ну, что возятъ крестьяне снопы"?—„Возятъ, пане".—отвѣчаетъ тотъ.—„Всю ночь"?—„Всю ночь, пане".—„Брешешь! Брешешь"! Затопоталъ на него панъ ногами. „Огдуть тебя, подлеца, надо! Ступай сейчасъ по дворамъ и кого найдешь дома, пусть запряжетъ воловъ и пріѣдетъ ко мнѣ на дворъ. Пошелъ сторожъ по дворамъ и началъ гнать крестьянъ на панску усадьбу. А въ это время люди только-что поужинали и, передохнувши, ладились ѣхать вновь за снопами. Страшно каждому показалось, отчего это пану вздумалось ко двору всѣхъ крестьянъ собирать? Пріѣхало насъ къ панской усадьбѣ хозяевъ тридцать. Стоимъ мы и совѣтуемся шепотомъ на счетъ того, чтобы говорили за всѣхъ старики. Когда глядь на крыльцо,—панъ показался, присматриваемся, во что панъ одѣтъ—„душа разомъ похолонула". Бѣда! Панъ вышелъ въ свиткѣ съ капелюхами, а когда онъ выходилъ на дворъ въ свиткѣ съ капелюхами—это означало, что онъ людей будетъ сѣчь. „За что, Господи Боже нашъ"? думаемъ мы и ждемъ, что наши старики скажутъ. И только-что заикнулся было одинъ дѣдъ говорить, такъ сейчасъ панъ и закричалъ: „Молчи, стара собако! Плетей! Валяйте его"! Повалили нашего старика; одинъ изъ дворни на одну руку сѣлъ, другой—на другую, третій—повалился на ноги, а четвертый—какъ ужаритъ тройчаткою—не своимъ голосомъ закричалъ дѣдъ: „Ой, паночку! Ей Богу, не буду"! а чего не будетъ и самъ, сердечный, не зналъ. Просто морозъ по кожѣ подралъ, а тутъ женщины, услыхавши, что сѣкутъ мужчинъ, прибѣжали на панское подворье, да какъ заголосятъ: „Ой, Боже-жъ нашъ милостивый, Боже праведный, и шо-жъ намъ съ такимъ паномъ робыть"! Какъ услышалъ это панъ, затрясся даже весь, а все-таки крикнулъ: „довольно! ѣзжайте, мерзавцы, за снопами"! Тогда мы скорѣе на воловъ: „гей, гей, волыки"! да подальше отъ усадьбы, а старикъ нашъ держитъ въ рукахъ штаны и, шатаясь, плетется къ своимъ воламъ, а кровь такъ и течетъ съ

него. „Я казавъ,—говоритъ,—що мени первому за заступничество буде, такъ воно и выйшло“. Тогда всѣ мы бухъ ему въ ноги. „Прости насъ, диду! ты самъ знаешь, шо мы не выновати“. Уложили его на возъ и повезли на поле; оставлять дома—побоялись пана. „А гдѣ твои, дѣдъ, копны“?—спросили мы его на полѣ, и когда дѣдъ указалъ намъ свой хлѣбъ, то мы вразъ перевезли его на усадьбу и говоримъ: „ну, лѣчись, дѣдъ, да не сердись на насъ“! И только послѣ уже толкомъ разузнали, за что панъ такъ больно высѣкъ дѣда а насъ хотѣлъ сѣчь“.

Мы ограничиваемся этими фактами, полагая ихъ совершенно достаточными для того, чтобы судить объ отношеніяхъ старика Костомарова къ своимъ крестьянамъ, объ отношеніяхъ, имѣвшихъ несомнѣнно вліяніе на самое убійство крѣпостными своего барина. Поневолѣ какъ-то приходятъ на память слова: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“! Всего обиднѣе, по словамъ стариковъ, было то, что самъ Костомаровъ-отецъ не велъ своего хозяйства и наказывалъ ихъ совсѣмъ „не за провинности противъ барскаго добра“, а такъ себѣ „мѣшался не въ свое дѣло“. Крестьяне Костомарова были на оброкѣ, который и платили исправнымъ образомъ. Всѣ они жили богато, косили не менѣе 6 стоговъ сѣна на дворъ, имѣли достаточно скота и хлѣба, „однимъ словомъ были настоящими чумаками“, по выраженію теперешнихъ стариковъ, видящихъ въ чумачествѣ идеалъ экономическаго благосостоянія крестьянина. И при всемъ томъ „старый Костомаръ“ мѣшался въ ихъ хозяйство и часто наказывалъ ни за-что, ни про-что тѣхъ крестьянъ, которые во всякомъ случаѣ пеклись о своемъ добрѣ не меньше барина. „Лютый,—пояснялъ старикъ-сторожъ,—по временамъ панъ былъ: точно находило на него“.

Какъ отражались подобные факты на впечатлительномъ мальчичѣ-Костомаровѣ, крестьяне не могли сказать. Когда убили Костомарова-отца, Николаю Ивановичу было всего 11 лѣтъ. Одинъ изъ стариковъ однако указывалъ на то, что Николай Ивановичъ, придя въ возрастъ, „утикъ“, убѣжалъ съ матерью изъ Юрасовки, и убѣжалъ потому, что ему непріятно было

жить тамъ, гдѣ убили его отца. Проще, впрочемъ, этотъ уходъ, съ родины объясняется какъ склонностью Н. И. къ ученой карьерѣ, такъ, можетъ быть, и тѣмъ обстоятельствомъ, что имѣніе Костомарова-отца, состоявшее изъ 5,000 дес. земли, перешло послѣ неожиданной смерти хозяина къ его двоюроднымъ братьямъ [1]), Ровневымъ, и что только незначительная доля этого имѣнія или, точнѣе, деньги за причитавшуюся часть были выданы матери Костомарова, которая и купила себѣ небольшой клочекъ земли съ крестьянами. Впослѣдствіи былъ проданъ и этотъ клочекъ. Такимъ образомъ, Н. И. Костомаровъ, какъ помѣщикъ, не имѣлъ почти никакой связи съ родиною. Онъ долженъ былъ просить, по словамъ крестьянъ, наслѣдниковъ о томъ, чтобы они отпустили на волю родню матери Костомарова что и удалось ему сдѣлать по отношенію къ двумъ дядямъ, Ивану и Захару, и къ теткѣ съ семьями [2]).

Съ самаго ранняго дѣтства Николай Ивановичъ, по разсказамъ юрасовцевъ, обнаружилъ такіе поступки и черты, которые казались крестьянамъ малопонятными и несвойственными панскимъ дѣтямъ въ тѣ жестокія времена. И мальчикъ, и юноша Костомаровъ „пальцемъ никого не тронулъ и со всѣми былъ, какъ товарищъ, чему крестьяне не мало дивились и были серьезно убѣждены „въ юродствѣ паныча“. Вотъ что передаютъ юрасовцы на этотъ счетъ.

„Посмотришь, бывало,—разсказывалъ старикъ сторожъ,—на Николая Ивановича—со взгляда настоящій старый Костомаръ, точь въ точь, какъ двѣ капли воды въ него вышелъ, строгій такой съ виду, а души столь добрѣйшей былъ, что я и не видывалъ подобныхъ людей. Со всякимъ могъ говорить и ко всякому относился съ пріятствомъ: съ господами—онъ господинъ, съ духовными—другъ, а съ крестьянами—все одно, что

---

[1]) По словамъ крестьянъ.

[2]) Старый Иванъ Петровичъ Мыльникъ или Мельниковъ приписался къ Обществу государственныхъ крестьянъ сл. Новой Калитвы, острогожскаго уѣзда, а младшій Захаръ Петровичъ къ Обществу с. Ивановки, той же волости. Послѣдній какъ намъ передали, и теперь еще живъ. Мы были, въ Новокалитвенской волости, въ то время, когда намъ были неизвѣстны эти факты.

нашъ братъ—мужикъ. Странно намъ казалось, что панычъ, а такъ „панибратски" обращался съ нами. Нечего грѣха таить, всѣ мы думали, что онъ „немного дурненькій (юродивый) бувъ", потому посудите сами: хозяйствомъ, какъ помѣщики, онъ не занимался, никого не обижалъ, ни передъ кѣмъ не величался, съ нами, какъ съ роднею, обходился, всюду безъ дѣла ходилъ, ко всему какъ-то чудно присматривался—странно, очень странно все это намъ казалось! А все таки начнетъ онъ, бывало, говорить о чемъ-нибудь, каждый изъ насъ видѣлъ, что много-много въ головѣ у нашего паныча было. „Нѣтъ, говоримъ мы бывало,—онъ притворяется: на самомъ дѣлѣ онъ не такой, потому что очень ужъ разумно говоритъ—всякое слово съ толкомъ у него выходитъ"!

Удивительныя времена, странныя человѣческія отношенія! Крестьяне, послѣ недавнихъ жестокостей отца, не могли понять гуманныхъ отношеній къ нимъ его сына. И почему же? Потому, что вокругъ все иначе было, потому, что самъ молодой помѣщикъ пальцемъ никого не тронулъ, не любилъ попоекъ, не заглядывалъ на свадьбы и нескромныя игрища и, ведя дружбу съ парнями, „бѣгалъ отъ дивчатъ и страсть какъ не любилъ всякаго баловства"! Просто баснями кажутся теперь всѣ эти разсказы, а между тѣмъ все это передавали намъ тѣ лица, которыя пережили тяжелую годину крѣпостнаго произвола и насилій!

Николай Ивановичъ жилъ мало въ Юрасовкѣ, и поэтому воспоминанія крестьянъ о немъ довольно ограничены. Юрасовцы хорошо помнятъ его доброту, религіозность и пытливость. Этими тремя чертами и исчерпываются собственно ихъ воспоминанія.

„Бывало,—разсказывалъ старикъ-сторожъ,—увидитъ молодый Костомаръ бѣднаго человѣка, и сейчасъ же самъ, безъ всякой просьбы поможетъ ему въ нуждѣ. Такъ, зря никому ничего не давалъ, а помогать всегда помогалъ. Идетъ теперь кто нибудь, свой-ли мужикъ, или чужой человѣкъ, но если Н. И. увидитъ, что прохожій босой или безъ свитки, то непремѣнно спроситъ: „а шо у тебе и чобитъ нема"?—„Нема, паничу".—„Ну, на, каже, грошей и купи". Вынетъ деньги и дастъ, сколько нужно,

но непремѣнно потребуетъ, чтобы купилъ. Такимъ образомъ, по разсказамъ тѣхъ же удивлявшихся крестьянъ, Николай Ивановичъ помогалъ имъ въ нуждѣ разумно и осмотрительно, не смотря на казавшіяся имъ чудачества.

Церковь Николай Ивановичъ посѣщалъ самымъ исправнымъ образомъ и здѣсь опять таки поражалъ крестьянъ своими странностями. „Войдетъ, бывало нашъ панычъ въ церковь—и сейчасъ же „зиркъ-зиркъ“ по сторонамъ, „якъ тотъ звирочекъ“, всѣхъ осмотритъ, а потомъ какъ станетъ на одномъ мѣстѣ, какъ подниметъ очи на иконы, такъ и стоитъ уже „до конца службы“, какъ вкопанный, и все на Бога смотритъ или, можетъ быть, молится. Только, бывало, когда ктиторъ возьметъ колокольчикъ и пойдетъ по церкви деньги собирать, Н. И. взглянетъ на него, а ктиторъ уже зналъ его привычку, шелъ къ нему. Тогда Н. И вынетъ, бывало, изъ кармана рубль и положитъ его въ церковный кошелекъ, а самъ возьметъ у ктитора колокольчикъ, пойдетъ къ Егоровнѣ (такая помѣщица у насъ была), станетъ передъ нею и звонитъ, звонитъ и звонитъ, пока она не положитъ рубля въ кошелекъ,. затѣмъ такимъ манеромъ перейдетъ къ Николайченку (тоже помѣщикъ у насъ былъ) и передъ нимъ звонитъ, а когда обойдетъ помѣщиковъ, снова отдастъ кошель ктитору, который потомъ и ходитъ уже по церкви“.

Но особенно поражалъ крестьянъ Николай Ивановичъ своею простотою и безпритязательностью, о чемъ мы говорили уже выше. По словамъ юрасовцевъ, Н. И. любилъ больше всего вращаться въ средѣ „парубковъ“, холостой молодежи, сверстниковъ по лѣтамъ. Съ ними онъ проводилъ цѣлые часы и дни и „потому, должно быть, пояснялъ намъ одинъ старикъ, что самъ молодымъ былъ“. Когда Н. И. жилъ уже внѣ Юрасовки и „настоящимъ паномъ былъ“, то пріѣзжалъ (вѣроятно, въ періодъ особенно горячаго собиранія народныхъ пѣсенъ и сказаній), въ Юрасовку на нѣсколько дней. „И какъ только онъ пріѣхалъ къ намъ, разсказывалъ старикъ-сторожъ, такъ мы сейчасъ и подумали: „оце винъ до насъ; мабудь, нашимъ паномъ буде; отъ якъ бы Господь Богъ давъ—добре намъ було-бъ“! А онъ между тѣмъ собралъ всѣхъ парубковъ къ себѣ и заставилъ ихъ пѣть

всякія пѣсни. Пропоютъ одну пѣсню, дастъ имъ по стакану водки, и опять: „спивайте другу“! а самъ только черкъ-черкъ, такъ и пишетъ, такъ и выводитъ, какъ поютъ. Такимъ способомъ четыре дня собиралъ парубковъ и все заставлялъ ихъ пѣть пѣсни. Всѣ пѣсни, какія знали ребята, переписалъ. А мы и говоримъ между собою: „и на что ему тѣ пѣсни? Или онъ куда-нибудь будетъ представлять? Или ему такъ приказано“? А видимъ, хорошо видимъ, что дѣло не спроста: такой человѣкъ—и пѣсни записываетъ, значитъ—нужно! И какъ только записалъ пѣсни Николай Ивановичъ, такъ сейчасъ же отъ насъ и укатилъ. Только и видѣли мы его“.

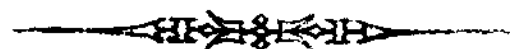
Впослѣдствіи Н. И. Костомаровъ время отъ времени „подавалъ, по выраженію юрасовцевъ, вѣсточки въ Юрасовку“, присылая въ разное время въ мѣстную церковь то Евангеліе, то плащаницу, то подсвѣчники, то книги и т. п. Старики съ удовольствіемъ разсказывали объ этомъ и видимо всегда съ интересомъ слѣдили за тѣмъ, гдѣ и что дѣлалось съ ихъ любимымъ паномъ.

„Да, говорилъ намъ одинъ изъ этихъ стариковъ, нашъ Николай Ивановичъ, когда былъ молодымъ, все „шкилювавъ“, т. е. шутилъ, чудачилъ, а на дѣлѣ-то вышло, что онъ умнѣйшимъ человѣкомъ былъ, всѣхъ могъ обучать, разные языки зналъ, писалъ книги и у самого царя, говорятъ, вторымъ совѣтникомъ былъ“! Откуда и какъ почерпнули юрасовцы всѣ эти свѣдѣнія, сами они не могли намъ толкомъ разсказать. „Такъ всѣ люди говорятъ“, твердили они. Одно несомнѣннымъ было для юрасовцевъ, что Николай Ивановичъ былъ „великій чоловикъ“ и свѣтлая личность этого человѣка даже теперь уже начинаетъ пріобрѣтать нѣсколько легендарную окраску. „Не удостоились-ли вы говорить съ нашимъ Николаемъ Ивановичемъ?—спрашивалъ меня сѣдобородый старикъ. Правда-ли, что „молодый Костомаръ“ самымъ ученымъ человѣкомъ въ Россіи былъ“? И каждый разъ, когда я въ отвѣтъ на эти вопросы поминалъ Николая Ивановича добрымъ словомъ, самодовольная улыбка освѣщала старческое лицо моего собесѣдника.

Объ одномъ сожалѣли и продолжаютъ сожалѣть юрасовцы, что Николаю Ивановичу въ свое время „не досталось надъ ними попанувать". Странными казались эти сожалѣнія съ перваго разу, но за ними очень ясно просвѣчивало убѣжденіе въ томъ, что будь Н. И. Костомаровъ помѣщикомъ у юрасовцевъ—имъ и теперь жилось бы лучше. И конечно, крестьяне по своему правы; попади въ руки Костомарова имѣнія, навѣрное не было бы теперь ни дарственныхъ надѣловъ, ни малоземелья въ Юрасовкѣ. Разсчетъ совершенно вѣрный и практическій.

Заканчивая эти бѣглыя замѣтки, касающіяся родины и прошлаго Н. И. Костомарова, мы позволимъ себѣ здѣсь высказать сожалѣніе о томъ, что ни время, ни лежавшія на насъ прямыя обязанности не позволили намъ пожить въ Юрасовкѣ столько, сколько хотѣлось бы, и собрать болѣе подробныя свѣдѣнія... сравнительно съ тѣмъ, что сказали мы. Подѣлиться же сказаннымъ съ читателями мы считали необходимымъ по двумъ причинамъ: во 1-хъ, мы передали то, что говоритъ о нашемъ незабвенномъ историкѣ самъ народъ, и старались быть при этомъ возможно точнымъ пересказчикомъ, а во 2-хъ, и сами по себѣ факты настолько характерны, что было бы грѣшно молчать о нихъ. Позволитъ время, укажутъ обстоятельства—и мы пополнимъ недосказанное, исправимъ упущенное или спутанное въ памяти стариковъ-крестьянъ.

Ф. Щербина.



ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УРАИНЫ[1].

По І. Ролле.

IV. Передъ паденіемъ Польши.

Въ началѣ 18-го вѣка, первыя два его десятилѣтія, Украина на-ново переживаетъ то, что уже переживала когда-то, послѣ Люблинской уніи—усиленную польскую колонизацію. Но какъ различны были условія тогда и теперь! Тогда польскій элементъ, привлекаемый просторомъ и непочатыми природными богатствами Украины, шелъ сюда бодро и радостно, полный вѣры въ свою культурную миссію, полный надежды на свѣтлое будущее, и на первыхъ порахъ не наталкивался здѣсь ни на вражду, ни на отпоръ, въ худшемъ случаѣ лишь на выжидающее недоумѣніе. И теперь Украина была по-прежнему прекрасна и изобильна, по-прежнему зеленѣли и благоухали ея безбрежныя степи, но ея роскошная растительность укрывала пепелища и бѣлѣющія кости; а безобразныя развалины, которыя еще не успѣла спрятать мать-земля, разсказывали безконечныя легенды объ ужасахъ братоубійства. Атмосфера была насыщена воспоминаніемъ недавняго кроваваго прошлаго. И людскія души питали въ себѣ это воспоминаніе, какъ свое дорогое наслѣдство. Скудное населеніе Украины встрѣчало пришельцевъ съ чувствомъ безсильной и глубоко затаенной злобы. Тѣ являлись съ смѣшанными чувствами страха, ненависти и злораднаго торжества. На такой нездоровой психологической почвѣ предстояло создавать на-ново общественную жизнь.

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1894 г., № 11.

Поляки начали возвращаться на Украину тотчасъ „post hosticum“, т. е. послѣ удаленія турокъ. Но движеніе это было задержано новыми волненіями, о которыхъ была рѣчь выше. Только послѣ 1711—13 гг., т. е. послѣ Прутскаго мира и новаго массоваго выселенія жителей Украины на лѣвобережье, край сдѣлался польскимъ: русское государство окончательно отказалось отъ всякихъ на него притязаній. Украина была открыта не только для польской политики, но и для польскаго права: слабое, кое-гдѣ разбросанное населеніе уже не представляло никакого сопротивленія. Шляхетство могло устраиваться по своему.

Не надо забывать, что уже больше полстолѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ украинскіе владѣльцы покинули свои имѣнія. Огромное большинство ихъ умерло, не дождавшись возвращенія на родину; и только дѣти и внуки изгнанниковъ, разсѣянныхъ по разнымъ уголкамъ Рѣчи-Посполитой, вскормленные мечтами о благословенной Украинѣ, текущей медомъ и млекомъ, могли увидѣть обѣтованную землю. Конечно, это относится не къ магнатамъ, а къ рядовой шляхтѣ. Какіе-нибудь Конецпольскіе могли совсѣмъ не интересоваться своими заброшенными и пустынными украинскими латифундіями. Но шляхетская масса, вытолкнутая изъ Украины народными волненіями, не имѣла владѣній въ глубинѣ Литвы или Польши; а какъ-нибудь устроиться такому безземельному шляхтичу на территоріи, и безъ того переполненной шляхтой, конечно, могло быть лишь дѣломъ исключительнаго счастливаго случая: всякій трудъ, кромѣ войны и хозяйства, считался для шляхтича позоромъ, который могъ лишить человѣка даже шляхетскаго достоинства со всѣми его огромными прерогативами. Не мудренно поэтому, что возвращеніе на Украину было для огромнаго большинства изгнанниковъ вмѣстѣ съ тѣмъ и возвратомъ къ прочному общественному положенію, обезпеченному завтрашнему дню, благосостоянію, и все это къ тому же облеченное въ таинственную и заманчивую неизвѣстность, гдѣ въ неопредѣленныхъ и фантастическихъ образахъ и краскахъ рисовалась роскошная Украина. Да и въ самомъ дѣлѣ она была неисчерпаемо богата со своею плодородной почвой,

отдохнувшей цѣлые полвѣка отъ плуга, куда достаточно было бросить беззаботной рукой горсть зерна, чтобъ получить богатый урожай, съ лѣсами фруктовыхъ деревьевъ, съ изобиліемъ всякой дичи—и звѣря, и птицы, и рыбы, которая безпрепятственно размножалась все это долгое время. Естественно, что изгнанники тосковали за своей Палестиной и рвались къ ней. Но на встрѣчу этимъ радужнымъ надеждамъ шли тяжелыя разочарованія. Конечно, каждый возвращающійся думалъ прежде всего о своемъ родовомъ гнѣздѣ. Онъ не могъ не предполагать, что оно запущено, разорено; но мысль, что оно существуетъ въ какомъ бы то ни было видѣ была большой отрадой для бездомнаго скитальца. Каково же бывало пораженіе, когда возвращающіеся не только не находили гнѣзда или его остатковъ, но часто не находили слѣда того, что оно существовало когда-нибудь на свѣтѣ. На мѣстѣ защищеннаго и благоустроеннаго панскаго двора, окруженнаго бѣлыми хатами, разукрашенный образъ котораго крѣпко держался въ семейной традиціи, была холмистая поляна или лѣсъ, выросшій изъ запущеннаго сада, и только деревья привѣтствовали бѣднаго пришельца, отыскивающаго свой родной уголъ. Цѣлыя большія поселенія исчезли такъ, что не осталось отъ нихъ камня на камнѣ, и, случалось, даже самое имя пропадало, а вмѣстѣ съ нимъ и всецѣло воспоминаніе о томъ, что было когда-то на данномъ мѣстѣ. Но главная бѣда была не въ огорченіяхъ и разочарованіяхъ, а въ тѣхъ безконечныхъ юридическихъ затрудненіяхъ, какія вытекали изъ указаннаго положенія вещей. Чѣмъ и какъ было доказывать свои владѣльческія права? Настоящихъ магнатовъ эти затрудненія опять-таки не касались. Ихъ территоріи, захватывавшія по нѣсколько уѣздовъ, легко поддавались опредѣленію: какія затрудненія могли встрѣтить, напр., Потоцкіе, которымъ прямо и просто принадлежало Поднѣстровье отъ Смотрича за Могилевъ? Совсѣмъ иное было положеніе рядовой шляхты, которая владѣла, на правахъ-ли собственности, или заставнаго державства, небольшими имѣніями. У многихъ пропали документы: извѣстно, съ какой ожесточенной ненавистью истреблялъ украинскій народъ всѣ шляхетскія бумаги. Но чѣмъ могли помочь

и документы, если не было фактической опоры для утвержденія владѣльческихъ правъ на опредѣленный участокъ: не было старожиловъ, на показаніяхъ которыхъ можно было основаться, не было межевыхъ или граничныхъ знаковъ, не сохранилось, случалось, даже старыхъ названій урочищъ. Отсюда вышло то, что и должно было выйти—безконечный правовой хаосъ. Часто возвращающійся шляхтичъ совсѣмъ не могъ найти своего наслѣдства; иногда онъ его заставалъ уже захваченнымъ другимъ лицомъ, какимъ-нибудь сосѣдомъ, расширившимъ не въ мѣру свои границы, или заставнымъ державцей, который яко-бы получилъ землю подъ капиталъ отъ третьяго лица—и нечѣмъ было отстранить этихъ фактическихъ владѣльцевъ. На каждый земельный кусокъ являлось нѣсколько, а, случалось, и нѣсколько десятковъ претендентовъ; безспорныхъ владѣльцевъ, можно сказать, не было вовсе. Сыпались безконечныя жалобы, манифесты, дѣлались заѣзды; сутяжничество развилось до самой высокой степени. Жалкіе украинскіе „гроды", только что начавшіе оправляться отъ разоренія, были полны юристами-сутягами, кормившимися этой безурядицей, и наслѣдниками, которые рады были отступиться отъ всѣхъ своихъ правъ, лишь бы получить за нихъ хоть что-нибудь наличными деньгами.

Не лучше было возвратившейся шляхтѣ и въ экономическомъ отношеніи. Шляхетское благосостояніе опиралось исключительно на трудъ зависимаго населенія, подданныхъ. А между тѣмъ населеніе на владѣльческихъ земляхъ Кіевщины, Брацлавщины и Подолья было крайне скудно. Напр., въ Кіевщинѣ „Хвастовъ, Черногородка и деревни, принадлежащія къ Хвастову, такъ опустошены, что нѣтъ ни одного человѣка, кромѣ 8 подданныхъ въ Черногородкѣ"; или на Подольѣ, въ Могилевскомъ ключѣ, состоящемъ изъ большого мѣстечка и 4 селъ, оказалось по счисленію коммиссара Потоцкихъ, всего на-все 178 душъ обоего пола, „хозяевъ, женъ ихъ, вдовъ, паробковъ и дѣвокъ". Трудно было приняться за хозяйство при такомъ состояніи „живаго ремanента". Да и это скудное населеніе надо было эксплуатировать осторожно, такъ какъ ему, при данномъ пустынномъ положеніи края, очень легко было уйти отъ владѣльца,

которымъ оно было недовольно. Быть или не быть украинской шляхтѣ стало въ зависимость отъ того, успѣетъ-ли она привлечь и удержать хлопа.

Магнаты, располагавшіе большими средствами, не зависѣли отъ своихъ украинскихъ имѣній и здѣсь нашли выходъ изъ затрудненія. Они стали привлекать населеніе изъ другихъ областей Польскаго государства и даже изъ-за границы. Замойскіе вывели себѣ подданныхъ съ надъ Вислы; Сѣнявскіе, Ржевусскіе и иные подольскіе паны вызывали людей изъ Галиціи, съ территоріи Пшемысла и Санока, такъ что цѣлыя деревни на Подгорьѣ запустѣли; Любомірскій привлекъ въ свои Шаргородскія имѣнія мазуровъ, а на Побережье волоховъ, которые очень охотно стали переселяться на лѣвый берегъ Днѣстра; призывали выходцевъ изъ-за Днѣпра, не забывшихъ своей правобережной родины, даже великорусскихъ раскольниковъ, такъ-называемыхъ филипоновъ. Но все это поглощалось панскими латифундіями, да и тамъ составляло каплю въ морѣ: громадныя пространства земли все-таки лежали пустыми. А заурядному шляхтичу ничего не оставалось, какъ заманивать къ себѣ какими-нибудь способами простого украинскаго хлопа или отъ своихъ собственныхъ сосѣдей, или изъ ближайшихъ мѣстностей болѣе густаго заселенія. Такими мѣстностями были по отношенію къ собственной Украинѣ Волынское, Русское, Бельзское воеводства и сѣверная часть Подольскаго.

Всѣ способы заманиванія группировались около одного главнѣйшаго—„слободы". Владѣльцы, желавшіе имѣть свои земли заселенными, должны были приманивать населеніе обѣщаніемъ свободы отъ обязательствъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Сроки эти обращались между 15 и 30-ю годами, при чемъ кратчайшіе сроки были на Подольѣ, и, все удлинняясь по направленію къ востоку, они въ Кіевщинѣ достигали своего максимума. На все это время владѣлецъ ограничивался нѣсколькими злотыми годоваго чинша и нѣсколькими днями лѣтней работы; бывала и полная свобода отъ обязательствъ, но, повидимому, лишь какъ исключеніе.

Надо было во чтобы то ни стало приманивать хлопа, удерживать его въ сладкой надеждѣ, что хоть и длиненъ срокъ свободы, а все таки онъ кончится, и изъ полувольнаго слобожанина вылупится подданный, предоставленный польскимъ правомъ на полный произволъ его пана. Не могъ не знать грозящей ему участи и украинскій народъ, но онъ, закрывая глаза, шелъ ей на встрѣчу. Да что-же бы, впрочемъ, ему оставалось дѣлать? Вѣдь въ силу господствующаго теперь права посполитый не могъ быть владѣльцемъ земли, а долженъ былъ садиться на чужую землю и тѣмъ поступать въ подданство землевладѣльца. Исторія дала украинскому хлопу небольшую отсрочку, и онъ старался воспользоваться ею возможно шире. Изъ всего этого создались на Украинѣ на цѣлые полвѣка, пока истекли сроки послѣднихъ „слободъ“—что имѣло мѣсто лишь въ началѣ второй половины столѣтія—особыя условія.

Шляхтичъ, желавшій призвать людей на свою пустующую землю, поручалъ обыкновенно это дѣло опытному человѣку, какому-нибудь заслуженному дворянину (служащему при панскомъ дворѣ) простонароднаго происхожденія или мелкому оффиціалисту изъ тѣхъ, кому приходилось, по обязанностямъ своего званія, быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ народомъ. Необходимымъ условіемъ успѣха было то, чтобы агентъ хорошо зналъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ будетъ имѣть дѣло, и всѣ способы ихъ уловленія. Такой вербовщикъ набиралъ съ собой запасъ хлѣба и горѣлки и ѣхалъ въ мѣстечко на ярмарку, на престольный праздникъ—туда, гдѣ можно было встрѣтить много народа. Тамъ, на людномъ пунктѣ, онъ вбивалъ жердь съ дощечкой, на которой написаны были условія предлагаемой „слободы“, а самъ, стоя подъ жердью, приглашалъ всѣхъ желающихъ на хлѣбъ и горѣлку. Прохожіе останавливались; кто-нибудь, чаще всего дьячекъ, читалъ написанное; начинались разговоры, вербовщикъ не жалѣлъ красокъ, чтобы представить въ соблазнительномъ видѣ богатство земли, всѣ ея необычайныя удобства для поселенія, исключительную доброту пана. И разстояніе-то до мѣста рукой подать, и топлива сколько угодно—цѣлые дубовые лѣса, и водопой въ самой деревнѣ, громадный какъ озеро ставъ, гдѣ и рыбы, сколько хо-

чешь, и мельницъ на немъ можно устроить хоть нѣсколько. Однимъ словомъ, все являлось въ описаніяхъ вербовщика фантастически окрашеннымъ въ самые идеальные цвѣта; а обильное угощеніе располагало умы къ довѣрію. Впрочемъ, являлся обыкновенно на сцену и достовѣрный свидѣтель, какой-нибудь подготовленный Иванъ или Петръ, который собственными глазами видѣлъ этотъ земной рай и готовъ былъ расписывать его красоту. Не бѣда, если вмѣсто лѣса оказывался корявый кустарникъ въ буеракѣ на голой степи, а вмѣсто рыбнаго става болото: главное дѣло было сдѣлано, условія написаны писаремъ, который былъ у вербовщика на готовѣ, и народъ двигался на условленное мѣсто. Положимъ, что, обманутый и разочарованный въ своихъ надеждахъ, онъ часто кидалъ мѣсто своей новой осѣдлости; но это было съ его стороны уже противозаконнымъ дѣйствіемъ.

Но такое свободное зазываніе на „слободы" могло практиковаться лишь первое время, пока еще были люди, не имѣвшіе осѣдлости на панскихъ земляхъ, и пока еще не подвергалось такимъ строгимъ преслѣдованіямъ переманиваніе хлоповъ отъ сосѣдей. Но мало-по-малу это переманиваніе „живаго ремамента" приняло характеръ злостнаго противообщественнаго преступленія, возбуждавшаго усиленное преслѣдованіе со стороны закона и общественное негодованіе. Но часто экономическая необходимость все-таки заставляла его совершать, хотя и кондрабандным способомъ. Вотъ тогда-то и появились на свѣтѣ тѣ контрабандные торговцы запретнымъ живымъ товаромъ, которые назывались „выкотцами".

„Выкотца"—это беззастѣнчивый человѣкъ, который брался за извѣстное вознагражденіе доставить владѣльцу пустыхъ земель столько-то кметей, способныхъ къ работѣ. Занимались этимъ непочетнымъ и небезопаснымъ дѣломъ бѣдные шляхтичи и евреи. Шляхтичъ пріѣзжалъ въ намѣченную деревню верхомъ, яко-бы отыскивая себѣ службу; еврей притаскивался въ корчму на возу подъ предлогомъ скупки чего-нибудь, напр.—овчинокъ. Переходя изъ хаты въ хату, выкотца уговаривалъ крестьянъ оставить свою осѣдлость и перейти на новую, обѣщая всякія блага.

Сама по себѣ соблазнительна была уже мысль начать свой срокъ слободы съ начала, если онъ на старомъ мѣстѣ былъ въ значительной долѣ выжитъ. Если выкотца добивался согласія, то условливались, когда приступать къ опасному предпріятію: конечно, крестьянамъ надо было нѣкоторое время, чтобъ ликвидировать свои дѣла. Въ означенной срокъ выкотца являлся съ подводами, забиралъ охотниковъ и съ большою осторожностью, окольными дорогами, велъ ихъ въ назначенное мѣсто. Ремесло выкотца было несомнѣнно выгоднымъ ремесломъ: за доставку семьи изъ Гусятина до Ходоркова шляхтичъ уплатилъ, въ извѣстномъ случаѣ, напр., 120 злотыхъ; за крестьянскую чету, выведенную отъ Брацлавля подъ Бердичевъ, другой предлагалъ 70 злотыхъ: очень вліяло на увеличеніе платы количество дѣтей. Но за то жъ приходилось и тяжело расплачиваться за эти выгоды, если случай отдавалъ выкотцу въ руки обиженнаго имъ владѣльца. До суда обыкновенно не доводили дѣла: владѣльцы расправлялись сами. Слава Богу, если выкотца отдѣлывался побоями, могло быть и хуже—до висѣлицы, включительно. Въ одномъ случаѣ шляхтичъ, поймавши двухъ такихъ выкотцевъ, которые увели у него цѣлый поселокъ, распорядился такъ: взыскать съ нихъ всѣ свои убытки, а чтобы принудить ихъ къ выполненію, кромѣ лишенія соободы, присудилъ одного изъ нихъ, шляхтича, получать каждую пятницу по двадцать ударовъ—на коврѣ, чтобы не нанести ущерба шляхетскому достоинству, а другого, еврея, запрягалъ вмѣстѣ съ клячей въ соху и борону и заставлялъ пахать. Таковъ былъ самосудъ въ этихъ обстоятельствахъ.

Такимъ образомъ между землевладѣльцами и хлопами шла неустанная партизанская война. Шляхтичи пускали въ ходъ всякія хитрости, чтобъ словить уходящихъ хлоповъ; тѣ, съ своей стороны, употребляли еще болѣе усилій, чтобы выскользнуть изъ разставленныхъ имъ силковъ. Конечно, это говорится о гуртовомъ выселеніи, цѣлыми партіями. Въ одиночку хлопу уйти было не трудно: окольными дорогами, минуя деревни и мѣстечки, проводя ночи въ лѣсахъ или бурьянахъ,—конечно, терпя и холодъ и голодъ, держалъ онъ путь на полдень и обыкновенно

не обманывался въ разсчетѣ на пріютъ, который на первое время всегда оказывался гостепріимнымъ. Иное дѣло, если приходилось уходить таборомъ. Тутъ шляхтичи поднимались въ погоню съ надворными отрядами и выслѣживали бѣглецовъ съ тѣми пріемами, съ какими плантаторы выслѣживали бѣглыхъ негровъ. Когда догоняли, дѣло нерѣдко доходило до кровопролитной стычки. Но на одной сторонѣ было огнестрѣльное оружіе, а на другой только палки и колья, и дѣло обыкновенно принимало невыгодный для этой другой стороны оборотъ. Бѣглецамъ приходилось тяжко выкупать свою предпріимчивость: ихъ били, лишали всѣхъ льготъ и сажали на тяжкую панщину, а изувѣченныхъ въ битвѣ отсылали въ замки, гдѣ они должны были работать при тачкахъ. Но если хлопскій таборъ достигалъ назначеннаго мѣста, тутъ уже выходило иначе: шляхтичъ, на землѣ котораго садились бѣглецы, самъ выступалъ на ихъ защиту противъ преслѣдователей, и начиналась битва по всѣмъ правиламъ искусства.

А рядомъ съ войной изъ-за хлопа возникла и охота на хлопа. Бѣдный шляхтичъ, у котораго была земля, а не было денегъ, чтобы ее заселить, находилъ такой выходъ изъ затрудненія: конно, самъ-другъ или самъ-третей, отправлялся онъ выслѣживать краснаго звѣря, т. е. хлопа, мѣняющаго осѣдлость. Укрываясь за придорожной могилой или въ лѣсу, выжидалъ такой шляхтичъ бѣглеца, нападалъ на него неожиданно, захватывалъ и подъ угрозой пули велъ его къ себѣ, чтобъ поселить на своей землѣ. Бывало и еще хуже. Шляхетская застѣнковая бѣднота сбиралась партіями и устраивала облавы на переселяющихся хлоповъ съ простой цѣлью грабежа, чтобъ поживиться добромъ, которое тѣ несли съ собой на мѣсто новой осѣдлости. Все это если и не считалось въ шляхетской средѣ рыцарскимъ и почетнымъ дѣломъ, то сходило все-таки за дозволенное: вѣдь бѣглый хлопъ былъ, по польскому праву, persona vagabunda, лицо внѣ закона, отданное тѣмъ самымъ на произволъ перваго встрѣчнаго, достаточно сильнаго, чтобъ имъ овладѣть. Жестокіе нравы и нелюдскія отношенія выростали на почвѣ Украины, отравленной потоками пролитой крови. Украинскій шляхтичъ ди-

чалъ и деморализировался въ этой безславной борьбѣ, въ которой и тѣни не было идеальныхъ мотивовъ, въ видѣ ли защиты христіанства отъ басурманъ, или культуры и государственности отъ варварства и анархій. Украинскій крестьянинъ утрачивалъ то, на чемъ держится въ осѣдлой земледѣльческой массѣ ея нравственная крѣпость: привязанность къ своей землѣ, къ родному углу. Страхъ передъ крѣпостнымъ подданствомъ, въ которое попадалъ крестьянинъ, какъ только кончался договорный срокъ, гналъ его изъ одной мѣстности въ другую, по преимуществу въ юго-восточномъ направленіи. Обитатели сѣверныхъ частей Украины тянулись на Подолье, подольскіе поселенцы двигались въ Брацлавщину, брацлавскихъ точно выпирала какая-то сила въ кіевскія степи... Трудъ дѣлался постылымъ земледѣльцу, который вѣчно мечталъ о какомъ-то отдаленномъ земномъ раѣ, его ожидающемъ, если у него хватитъ отваги и счастья порвать связывающія его узы; осѣдлое населеніе развивало вновь утраченные было имъ кочевые инстинкты.

Такъ прошло полвѣка. Въ періодъ между 1715 и 1730 гг. движеніе достигло своего апогея; затѣмъ начало слабѣть, хотя не прекращалось почти все столѣтіе, въ концѣ его выливаясь уже за предѣлы Рѣчи посполитой, въ новороссійскія степи.

Какъ бы то ни было, Украина заселялась. Ея населеніе было неустойчиво, непрочно, но оно было, и на роскошной украинской почвѣ быстро размножалось. Съ прекращеніемъ сроковъ слободъ земля стала усиленно повышаться въ своей цѣнности. То, что въ началѣ столѣтія переуступалось за безцѣнокъ, въ половинѣ его уже составляло часто значительное имущество. Янъ-Александръ Конецпольскій въ завѣщаніи, писанномъ въ 1702 г., оцѣнилъ свои огромныя украинскія пустыни всего лишь въ 50,000 злотыхъ; лѣтъ 20—30 спустя эти пустыни перешли къ Любомірскимъ уже за милліонъ злотыхъ; въ концѣ же столѣтія Любомірскіе продали одну лишь четвертую ихъ часть за 60 милліоновъ, но это были уже, конечно, не пустыни.

Магнаты въ первый періодъ новаго заселенія края совсѣмъ пренебрегали своими украинскими имѣніями. Всѣ эти Сѣнявскіе, наслѣдниками которыхъ были Чарторижскіе, Потоцкіе, Любо-

мірскіе, Яблоновскіе, Замойскіе—жили въ столицѣ или въ другихъ своихъ имѣніяхъ въ глубинѣ Рѣчи-Посполитой, все предоставляя своимъ оффиціалистамъ. Оффиціалисты того или другого магнатскаго дома, напр. дома Потоцкихъ, были такъ многочисленны, что составляли своего рода обособленную группу среди украинской шляхты. Во главѣ оффиціалистовъ стояли губернаторы, которые держали себя по образцу своихъ вельможныхъ принципаловъ. Они жили въ укрѣпленныхъ дворахъ, или замкахъ, имѣли въ своемъ распоряженіи артиллерію, состоящую изъ нѣскольких пушекъ, и надворную милицію, пѣшую и конную, а, главное, владѣльцы передавали имъ всѣ свои огромныя права надъ подданными до права жизни и смерти включительно. Въ особенности велики были полномочія губернаторовъ болѣе отдаленныхъ и угрожаемыхъ юго-восточныхъ окраинъ. Но по мѣрѣ того, какъ край заселялся и имѣнія пріобрѣтали прочную, и притомъ съ страшной быстротой возрастающую, цѣнность, и магнаты начали все больше и больше удѣлять вниманія своимъ украинскимъ латифундіямъ. Въ концѣ-концовъ, украинское магнатство, опираясь на эти латифундіи, сдѣлалось главной руководящей силой Рѣчи-Посполитой, рѣшительницей ея судебъ. Здѣсь, на украинской территоріи, и были окончательно рѣшены эти судьбы.

Пышнымъ экзотическимъ цвѣткомъ со всѣмъ его блескомъ и дурманомъ развернулась на Украинѣ панская жизнь.

Прежде всего надо сказать, что украинское панство было теперь уже сплошь польскимъ и католическимъ. Еще въ началѣ описываемаго періода можно было встрѣтить кое-гдѣ, въ особенности на Волыни, дворянина православнаго, а слѣдовательно—и помнящаго свою національность. Это уже не магнатъ, но еще и не какой-нибудь захудалый обыватель шляхетской околицы: случалось, хотя какъ большая рѣдкость, попадался даже и на сеймѣ православный посолъ. Въ качествѣ анахронизма можно встрѣтить волынскаго православнаго дворянина еще и во второмъ десятилѣтіи описываемаго вѣка. Но логика исторіи дѣлаетъ свое жестокое дѣло, неумолимо разворачивая дальше и дальше цѣпь причинъ и слѣдствій. Еще немного—и православный дво-

рянинъ дѣлается уже невозможностью, соціальной нелѣпостью. Православіе, какъ и прочіе аттрибуты русской національности, соединяются неразрывно съ низшимъ, зависимымъ, презираемымъ общественнымъ положеніемъ. Русскіе дворянскіе роды, въ своемъ стремленіи возможно скорѣе и цѣльнѣе забыть свои старыя связи, не стѣсняясь ни здравымъ смысломъ, ни историческими фактами, фабрикуютъ самыя нелѣпыя генеалогіи. Фабрикаціей этой занимаются обыкновенно ученые спеціалисты изъ монаховъ, напр.—бердичевскіе кармелиты. Эти генеалогіи возводятъ родословныя дерева обыкновенно не ближе, какъ къ Попелю, миѳическому польскому королю, а то къ какому-нибудь еще болѣе миѳическому Литталеову, правителю Литвы, который жилъ чуть-чуть что не до Рождества Христова; переселеніе же протопластовъ рода на Русь никакъ не предполагалось позже 12—13 в.в.

Украина представляла собой теперь нѣсколько самодержавныхъ магнатскихъ государствъ, въ промежуткахъ между которыми были разсѣяны владѣнія простой шляхты. На первый планъ между украинскими магнатами выдвигались, конечно, Потоцкіе и Чарторижскіе, съ именами которыхъ такъ неразрывно связана вся послѣдняя эпоха исторіи Польши,—представители и главы двухъ лагерей, двухъ политическихъ теченій, своимъ антагонизмомъ подготовившихъ окончательную гибель государства. Украинскія имѣнія Потоцкихъ занимали большую часть Брацлавскаго воеводства; они разбросаны были въ треугольникѣ, углы котораго отмѣчаются Тарговицей, Могилевомъ, Тульчиномъ. Впрочемъ, эти земельныя богатства долго были раздроблены между отдѣльными вѣтвями дома Потоцкихъ, и только во второй половинѣ столѣтія соединились въ рукахъ кіевскаго воеводы Франциска Салезія, котораго современники не даромъ звали „русскимъ королькомъ“, а затѣмъ сына его Щенснаго-Потоцкаго, сыгравшаго такую большую и неудачную роль въ послѣднихъ судьбахъ Рѣчи-Посполитой. Съ Чарторижскими могли равняться во всемъ Польскомъ королевствѣ развѣ одни только Радзивиллы. Колыбелью рода Чарторижскихъ была Клевань на Волыни. Извѣстный Адамъ-Казиміръ, генералъ земель подольскихъ,—который былъ подготовленъ въ преемники къ Августу

III—кромѣ огромныхъ литовскихъ имѣній, земель въ Коронѣ и Русскомъ воеводствѣ, родовой Клеванщины, владѣлъ еще Грановщиной въ воеводствѣ Брацлавскомъ и большими имѣніями на Подольѣ: Межибожемъ съ его территоріей и гродовыми староствами Каменецкимъ и Литичевскимъ. На Волыни никто, конечно, не могъ потягаться земельнымъ богатствомъ съ наслѣдникомъ князей Острожскихъ, княземъ Сангушкой; но этотъ ничтожный человѣкъ, въ половинѣ столѣтія, раздарилъ или распродалъ, словомъ, разбросалъ свои громадныя богатства, хотя и не имѣлъ на это права, и ихъ разобрали украинскіе магнаты и ихъ кліенты, во главѣ съ Чарторижскими: такимъ образомъ Чарторижскимъ достались еще и Старо-Константиновскія волости князей Острожскихъ. Немногимъ уступало владѣніямъ Потоцкихъ и Чарторижскихъ по величинѣ территоріи, хотя и уступало по доходности, Побережское государство Любомірскихъ, занимавшее огромныя пространства между Бугомъ и Днѣстромъ, такъ-называемые Бужскій и Днѣстровый тракты: земли Любомірскихъ начинались подъ Винницей и кончались подъ Ягорлыкомъ и Конецполемъ. Надо, впрочемъ, сказать, что имѣніе Любомірскихъ, какъ пріобрѣтенное куплей, а не наслѣдствомъ или вѣномъ, не могло сообщить своимъ обладателямъ, въ глазахъ современниковъ, всего должнаго престижа. Если къ этому счету присоединить еще Ржевусскихъ и Яблоновскихъ—огромныя имѣнія тѣхъ и другихъ разбросаны были по всей Украинѣ, то вотъ почти и всѣ магнатскіе роды, дѣлившіе между собой господство надъ Украиной. Изрѣдка случалось, что достигалъ магнатскаго значенія и не магнатъ по происхожденію: такимъ значеніемъ пользовался, напр., одно время кіевскій воевода Стемпковскій.

Владѣнія магнатовъ дѣлились, въ административныхъ и экономическихъ видахъ, на ключи, размѣры которыхъ были различны, смотря по особенностямъ территоріи, густотѣ населенія и типу поселеній, характеру хозяйства. Одно дѣло сѣверная Волынь съ ея тѣсными старыми поселеніями и лѣснымъ хозяйствомъ, другое—безконечный степной просторъ заселяющейся южной Украины. Клеванскій ключъ Чарторижскихъ,

со всѣми его неисчерпаемыми лѣсными богатствами, состоялъ всего изъ одного мѣстечка и десяти деревень,—а въ Грановскомъ, степномъ, ключѣ считалось 26 большихъ поселеній, хотя главный доходъ ключа составляли не эти поселенія, а степи, гдѣ свободно гуляло стадо изъ 700 кобылицъ, а волы выпасались тысячами. Побережское государство князей Любомірскихъ состояло изъ 11 ключей: къ Немировскому ключу, напр., относился Немировъ и пятьдесятъ деревень.

Въ каждомъ магнатскомъ государствѣ была, конечно, столица; случалось, и не одна. По крайней мѣрѣ, резиденцій у болѣе притязательныхъ пановъ, тянувшихся за тѣмъ, чтобъ воспроизводить образъ жизни владѣтельныхъ особъ, бывало до четырехъ, и между ними распредѣлялъ такой панъ свой годъ по сезонамъ. Въ главной резиденціи былъ, само собой разумѣется, дворецъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующій магнатскому достоинству. Правда, все это пришлось возводить на ново, но богатая Украина легко доставляла средства, а панъ не жалѣлъ ихъ для такой цѣли.

Теперь панскому дворцу не зачѣмъ было представлять собою феодальный замокъ; ничто не угрожало безопасности его обитателей, по крайней мѣрѣ, въ глубинѣ края. Но искусственная традиція не легко уступала свое мѣсто. Немудрено, что старый дворецъ степнаго Тульчина, позднѣйшей главной резиденціи Потоцкихъ, былъ защищенъ валами и бастіонами, у которыхъ стояли огромныя гранатныя бомбы, съ висѣлицей у воротъ. Но и дворецъ Яблоновскихъ въ тихихъ и безопасныхъ Ляховцахъ надъ Горынью, выстроенный въ половинѣ столѣтія, имѣлъ тотъ же феодальный видъ. Стѣны и глубокіе рвы, окружающіе массивный, неуклюжій пятиугольникъ, были сверхъ всего защищены огромнымъ прудомъ, воды котораго разливались вокругъ замка въ болота и топи. Подъемный мостъ, въѣздная брама съ башнями и стрѣльницами, бастіоны, снабженные пушками, все было разсчитано на средневѣковый замокъ,—кромѣ необходимости и цѣлесообразности всѣхъ этихъ приспособленій. Впрочемъ, иные магнатскіе дворцы позднѣйшаго сооруженія уже свободны отъ этихъ феодальныхъ затѣй. Новый великолѣп-

ный Тульчинскій дворецъ Потоцкихъ, на которомъ была знаменательная надпись: „чтобъ всегда былъ жилищемъ вольныхъ и честныхъ“, поражалъ современниковъ роскошной мебелью, хрусталемъ, бронзами, картинной галлереей, заключавшей въ себѣ драгоцѣнные оригиналы, нумизматическимъ кабинетомъ, обширной библіотекой, изящнымъ театромъ, садомъ съ руинами, прудами и водопадами, съ померанцевыми и ананасными оранжереями. Въ изящномъ Лабуньскомъ дворцѣ Стемпковскаго вниманіе останавливалось, прежде всего, на роскошной бальной залѣ и искусно разбитомъ садѣ, полномъ клумбъ и газоновъ, рощицъ и бесѣдокъ—идиллическихъ уголковъ, разсчитанныхъ на „амуретки“. Движимость Подгорецкаго дворца Ржевусскихъ оцѣнивалась ни больше, ни меньше, какъ въ 2800000 золотыхъ. Главная резиденція Чарторижскихъ была не на Украинѣ, а въ Коронѣ: когда русскіе сожгли ихъ дворецъ въ Пулавахъ, то вмѣстѣ съ ественно-историческимъ музеемъ погибла и ихъ библіотека, состоявшая изъ 40,000 томовъ. Вообще можно сказать, что въ дворцахъ украинскихъ пановъ была собрана масса произведеній искусства и наукъ, остатки которыхъ пошли потомъ на украшеніе перворазрядныхъ музеевъ и галлерей въ столицахъ.

Образъ жизни магнатовъ соотвѣтствовалъ ихъ обстановкѣ. Магнатъ—человѣкъ не изъ дюжины; въ немъ самомъ и въ окужающихъ жило сознаніе этой его недюжинности, какъ бы лучъ величія, почивающаго на главахъ избранниковъ и помазанниковъ; онъ чувствовалъ себя призваннымъ выражать каждымъ своимъ дѣйствіемъ, каждымъ шагомъ, что онъ есть монархъ въ миніатюрѣ, король in partibus.

Двора магнатовъ по многолюдству, богатству, этикету, конечно не уступали дворамъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей. При дворѣ тульчинскаго самодержца было больше четырехсотъ придворныхъ слугъ и дворянъ. Сорокъ солдатъ постоянно держали стражу при замковой брамѣ; по мѣстечку то и дѣло сновали придворные козаки, разбѣгаясь въ разныя стороны съ порученіями отъ центральнаго управленія—двѣ сотни козаковъ исполняло эту службу поочередно; собственные уланы пана

Потоцкаго охраняли порядокъ. Все указывало на пребываніе владѣтельнаго лица. А внутри замка, въ магнатскихъ покояхъ, толпилась одѣтая въ цвѣтныя ливреи куча слугъ, цѣлый легіонъ дворянъ ждалъ панскаго кивка, чтобы летѣть сломя голову, другой легіонъ прибывшихъ по какому-нибудь дѣлу или просто на поклонъ жилъ при дворѣ въ терпѣливомъ ожиданіи, пока магнатъ удостоитъ аудіенціи или вообще какого-нибудь знака вниманія. И придворные дворяне, и пріѣзжая шляхта садились за панскій столъ, проводили время, какъ хотѣли, забавлялись музыкой въ постные дни, танцами въ разрѣшенное церковью время: многочисленный женскій штатъ ясновельможной пани, ея „фрауцимеръ", доставлялъ въ изобиліи дамъ. Такимъ образомъ, при магнатскомъ дворѣ шелъ вѣчный пиръ: будни ничѣмъ не отличались отъ праздничныхъ дней. Магнатъ и его супруга могли по цѣлымъ недѣлямъ не показывать своихъ ясныхъ очей ни дворянамъ, ни гостямъ. Охоцкій въ своихъ скандалезныхъ, но тѣмъ не менѣе крайне интересныхъ, мемуарахъ разсказываетъ, что двѣ недѣли прожилъ при дворѣ прежде, чѣмъ ему удалось увидѣть тульчинскаго монарха и робко изложить свою просьбу. Но такъ какъ магнату, въ его политическихъ видахъ, нельзя было слишкомъ открыто третировать шляхту, то онъ держалъ при своемъ дворѣ ловкихъ и умныхъ людей, чтобъ принимать и занимать гостей, подслащая всякими способами горькую пилюлю, преподносимую шляхтетскому достоинству магнатскимъ высокомѣріемъ. Вообще, магнаты старались украшать свои дворы резидентами, или „вѣчными гостями" изъ людей, интересныхъ въ какомъ-нибудь отношеніи: хорошими разсказщиками и балагурами, артистами, учеными, въ особенности—поэтами: почти всѣ настоящіе магнатскіе дворы имѣли своихъ „бардовъ". Надо сказать, что, при общихъ чертахъ, жизнь каждаго магнатскаго двора имѣла и свой индивидуальный характеръ, зависѣвшій отъ личности самого монарха. При Тульчинскомъ дворѣ все было широко и пышно, но чинно и однообразно. Въ то же время при Лабуньскомъ дворѣ у воеводы кіевскаго Стемпковскаго шелъ уже не пиръ, а просто разгулъ, непрерывная вакханалія. Не „бардъ" былъ здѣсь предметомъ вни-

манія, а пьяница, который могъ выпить разомъ кубокъ въ восемь бутылокъ; охота смѣнялась картежной игрой и танцами, а рядомъ, въ отдаленныхъ комнатахъ, въ тѣни лимонныхъ и апельсинныхъ дрвевьевъ, въ бесѣдкахъ, увитыхъ плющемъ, завязывались и развязывались нескромные романы. Въ Чудновскомъ дворцѣ кн. Адама Понинскаго, сосѣда воеводы—тоже одного изъ украинскихъ магнатовъ—шла самая отчаянная азартная игра, и жизнь прожигалась такъ, что въ концѣ-концовъ оказалось, что на имѣніяхъ князя лежитъ ни больше, ни меньше, какъ 83 милліона злотыхъ долгу. А въ скучномъ Ляховецкомъ дворцѣ кн. Яблоновскаго, между тѣмъ, царствовала невыносимая натянутость и этикетъ, доходившій до высокаго комизма. Каждый шагъ былъ точно опредѣленъ и тонко разсчитанъ въ тѣхъ видахъ, чтобъ не произошло какого-нибудь ущерба княжескому достоинству владѣльца. Пріемъ вассаловъ—такъ называлась зависимая шляхта—былъ точной копіей съ пріемовъ при настоящихъ дворахъ коронованныхъ особъ: князь сидѣлъ на тронѣ въ горностаевой мантіи, вассалы, являясь на торжественную аудіенцію, должны были три раза преклонить колѣно и и потомъ цѣловать руку; самымъ тяжелымъ наказаніемъ для вассала было недопущеніе къ панскому лицезрѣнію втеченіе такого-то времени. Соотвѣтственно была устроена и вся жизнь князя. Впрочемъ, надо сказать, что подобная утрировка магнатскаго положенія возбуждала уже въ современникахъ порицаніе и насмѣшки.

Такъ жили магнаты дома. Конечно, когда они появлялись въ Варшавѣ, они держали себя иначе: даже Щенсный-Потоцкій оставлялъ дома свою угрюмость и высокомѣріе и дѣлался доступнымъ и привѣтливымъ. Магнаты были прежде всего люди политики, а политика требуетъ приспособленія. Но путешествія ихъ, а особенно по своимъ владѣніямъ, были обставлены тѣмъ же церемоніаломъ и пышностью. Когда кн. Адамъ Чарторижскій дѣлалъ въ 1782—3 гг. осмотръ своихъ украинскихъ имѣній, онъ имѣлъ при себѣ дворъ изъ 200 человѣкъ, а обозъ его везло 400 лошадей и еще нѣсколько верблюдовъ, навьюченныхъ походными шатрами. Вообще, подобный панъ

никуда не выѣзжалъ безъ вооруженной стражи и множества слугъ, безъ того, чтобъ за его тяжелой каретой еще не слѣдовала какая-нибудь брика съ кухней, погребомъ, съѣстными припасами, всѣми принадлежностями домашняго комфорта.

Такой образъ жизни обусловилъ собой огромные расходы. Расходы предполагали соотвѣтственные доходы. Доходы съ земельныхъ имуществъ, о размѣрахъ которыхъ было сказано выше, тоже не могли не быть огромными. Правда, Щенсный-Потоцкій получалъ съ 3 милліоновъ морговъ и 130,000 крестьянскихъ хозяйствъ всего-на-все два милліона злотыхъ годового дохода; но не здѣсь находился главный источникъ доходности его имѣнія, а въ торговлѣ водкой. Кромѣ того, каждое украинское панское хозяйство отправляло на сѣверъ, главнымъ образомъ въ Данцигъ, стада рогатаго скота и огромныя партіи разнаго хлѣба, особенно пшеницы. Доходы Любомірскихъ съ ихъ 2½ милліоновъ морговъ были не такъ значительны. Но доходы Чарторижскихъ во всякомъ случаѣ равнялись, если не превышали, доходы Потоцкихъ, хотя количество крестьянскихъ хозяйствъ на ихъ земляхъ было нѣсколько меньше. За то въ ихъ имѣніяхъ господствовалъ образцовый порядокъ, и хозяйство шло, какъ машина. Главнымъ рычагомъ этой машины была строгая отчетность и точная хозяйственная статистика, для веденія которой былъ знающій, опытный и добросовѣстный люстраторъ. До сихъ поръ сохранилось до 60 фоліантовъ, заключающихъ подробныя люстраціи имѣній Чарторижскихъ втеченіе 30 лѣтъ. Въ нихъ мы находимъ описаніе хозяйственныхъ построекъ и инвентаря, перечисленіе дохода съ арендъ, млиновъ и ставовъ, затѣмъ реестры подданныхъ съ ихъ повинностями и въ заключеніе множество замѣтокъ экономическаго и историческаго характера. Имѣя всегда подъ рукой столь точный матеріалъ, хозяйственная администрація могла легко и свободно направлять движеніе хозяйственнаго механизма. Славился хозяйственностью и Щенсный-Потоцкій, но его заботы были направлены на другое: на разнаго рода хозяйственныя амеліораціи. Онъ заботился о сохраненіи лѣсовъ, о заведеніи садовъ, распространялъ въ краѣ фруктовыя деревья, выписалъ изъ Молдавіи милліоны тополей, забо-

тился также объ улучшеніи рогатаго скота, дѣлалъ опыты скрещиванія венгерской породы съ молдавской, выписывалъ дорогихъ мериносовъ, довелъ до высокой степени совершенства лошадей своихъ заводовъ. Такимъ образомъ, его дѣятельность отражалась на хозяйственной культурѣ края. Вообще, можно сказать, что украинскіе магнаты,—по крайней мѣрѣ, лучшіе ихъ представители,—понимали, что они не свободны отъ извѣстной нравственной отвѣтственности за всѣ тѣ огромныя прерогативы, которыми они пользовались, благодаря своему соціальному положенію. Надо замѣтить, что магнаты стояли, въ общемъ, значительно выше рядовой шляхты по своему образованію, къ которому прилагались большія заботы. Магнаты добровольно брали на себя починъ въ такихъ общественныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, какія обыкновенно лежатъ на государствѣ.

И то сказать, впрочемъ: вѣдь значительный процентъ въ массѣ ихъ земельной собственности составляли королевщины, староства, державства, т. е. государственныя имущества, въ которыхъ они были, по настоящему, лишь распорядителями, и только путемъ узурпаціи и принадлежащихъ имъ правъ выступали собственниками. Какъ бы то ни было, Щенсный-Потоцкій былъ не единственнымъ образцомъ магната, который думаетъ и заботится о вещахъ, полезныхъ и нужныхъ не только ему, но и окружающему обществу, краю. Типографіи на Украинѣ были лишь въ панскихъ имѣніяхъ; ученыя изслѣдованія дѣлались только магнатами, по ихъ почину и на ихъ средства: такъ, Дзѣдушицкій—частью подольскій, но главнымъ образомъ галицкій магнатъ—взялъ на себя, и не только расходами, но и личнымъ трудомъ и рискомъ, нелегкое дѣло изслѣдованія Днѣстра въ цѣляхъ пользованія имъ для навигаціи; на счетъ Ржевускихъ предпринято было изслѣдованіе флоры Подолья. Но не на это направлены были, главнымъ образомъ, средства и силы магнатовъ, а на политику. Политика заслоняла собой все. Можно-ли видѣть въ этомъ одно лишь стремленіе каждаго магната стать у того источника благъ, откуда изливались всѣ эти староства, державства, широкое пользованіе которыми такъ питало магнатское могущество? Надо полагать, что было частью

и такъ. Но при этомъ нельзя отрицать, что лучшіе представители магнатства безкорыстно полагали, что на нихъ лежитъ нравственная отвѣтственность за направленіе государственнаго корабля, и что потому они имѣютъ не только право, но и обязанность вести политику за собственный страхъ и рискъ. Сколько всяческихъ стараній прилагаемо было, чтобы усилить политическое значеніе своего рода путемъ установленія связей съ коронованными особами, съ другими сильными родами; какихъ жертвъ стоило это иногда; какія трагедіи разыгрывались на этой почвѣ за толстыми стѣнами магнатскихъ замковъ: самъ Щенсный-Потоцкій всю жизнь носилъ на себѣ отпечатокъ угрюмости и меланхоліи, вынесенный имъ изъ впечатлѣній молодости, отравленной трагической смертью его первой любимой жены, которая пала жертвой политическихъ разсчетовъ его отца, гордаго „королька Руси“.

По строю польскаго государственнаго механизма, политическія права принадлежали всему польскому народу, подразумѣвая, конечно, лишь народъ шляхетскій, шляхту. Роль магнатовъ заключалась въ томъ, чтобъ направлять слѣпую силу этой шляхты въ тѣхъ или иныхъ, своихъ, политическихъ видахъ.

Конечно, магнаты сдѣланы были изъ того же тѣста, что и остальная шляхта. Они были плоть отъ плоти и кость отъ кости всей массы шляхетскаго народа, насквозь пропитаннаго сознаніемъ своей чрезвычайной привиллегированности, возносящей ея голову чуть-что не на высоту коронованныхъ головъ, свободно, весело и открыто попирающей право, особенно здѣсь, на Украинѣ, легкомысленной и буйной, своевольной и заносчивой. Были, какъ это всегда водится въ каждомъ обществѣ, многочисленныя промежуточныя ступени, которыя вязали первѣйшаго изъ магнатовъ съ послѣдними представителями шляхетской бѣдноты, съ какимъ-нибудь ходачковымъ или загоновымъ шляхтичемъ, который развѣ только тѣмъ напоминалъ о своей привиллегированности, что неохотно брался за плугъ и предпочиталъ, бросивши свой клочекъ, пристроится куда-нибудь на службу, а то и просто промышлять чужимъ добромъ, по большимъ дорогамъ. Какіе-нибудь Чацкіе или Велегорскіе,

Гижицкіе, Ильинскіе, Мнишки могли не имѣть ни богатствъ, ни политическаго вѣса Потоцкихъ или Чарторижскихъ, но, тѣмъ не менѣе, могли не только равняться съ ними, но и превосходить роскошью своихъ баловъ и пріемовъ, изысканностью кухни, качествомъ художественныхъ произведеній, украшающихъ ихъ дворцы. Но и небогатая шляхта тянулась изъ послѣдняго, чтобъ обставить себя сообразно своему достоинству.

Вотъ, напр., передъ нами захудалый княжескій родъ князей Четвертинскихъ на Волыни. Обширное жилище надъ живописной Горынью все-таки напоминаетъ замокъ, и замкомъ зоветъ его окрестное населеніе: дворъ обнесенъ квадратной стѣной, по угламъ неуклюжіе приземистые бастіоны со стрѣльницами. Большую залу украшали турецкіе ковры, козацкіе бунчуки, какъ военные трофеи, шлемы и проч.; между окнами висѣли фамильные портреты, а колонны, поддерживающія тяжелые своды, обвѣшены были кругомъ небольшими венеціанскими зеркалами въ тяжелыхъ бронзовыхъ рамахъ. По стѣнамъ лавки, обтянутыя коврами, посреди дубовый столъ, вокругъ него тяжелыя кресла, украшенныя вырѣзанными гербами, на столѣ громадный пергаментовый свитокъ съ генеалогіей рода. Но послѣдній грошъ изъ скудныхъ доходовъ тратился на содержаніе приличной по количеству службы, которая могла бы въ случаѣ нужды быть надворнымъ войскомъ: такимъ образомъ, человѣкъ тридцать толкалось по дому и двору. Во главѣ этой службы стояло нѣсколько человѣкъ резидентовъ съ военными титулами неизвѣстнаго происхожденія; правда, все это было одѣто въ потертое платье, выѣзжало въ полѣ на очень скромныхъ и скромно убранныхъ лошадяхъ, но за то было буйно и крикливо, вѣчно готово какъ ухватиться за саблю, такъ и выпить добрую чарку.

Къ той же „кармазиновой"—въ противоположность сѣрой, ходачковой, или загоновой—шляхтѣ принадлежала еще и масса „одновеськовыхъ" (весь—деревня), „двувеськовыхъ" владѣльцевъ, всюду въ изобиліи разсѣянныхъ по Украинѣ. Они не могли содержать „службы", а жены ихъ „фрауцимера"; они личнымъ трудомъ должны были участвовать въ веденіи своего маленькаго хозяйства; но они все-таки носили, вмѣстѣ съ сознаніемъ

своей шляхетской привиллегированности сознаніе своей личной независимости. Конечно, они должны были въ общественныхъ дѣлахъ примыкать къ тому или другому магнату, но это было дѣломъ ихъ свободнаго выбора. Магнатъ долженъ былъ, въ извѣстномъ смыслѣ, заискивать передъ ними, склоняя ихъ на свою сторону, привлекать ихъ „czapką i papką, trunkiem i pocałunkiem“ (шапкой и хлѣбомъ, напиткомъ и поцѣлуемъ).

И такъ, вся эта шляхта разныхъ степеней богатства и знанія добровольно группировалась около того или другого магната, поддерживала его на сеймикахъ, сеймахъ и въ трибуналѣ, а за то получала его вліятельное содѣйствіе въ пріобрѣтеніи должностей, званій, знаковъ отличія. Но на ряду съ этой независимой шляхтой стоялъ огромный контингентъ шляхты зависимой, тѣсно связавшей свою судьбу узами подчиненія или денежныхъ интересовъ съ тѣмъ или другимъ магнатскимъ домомъ, такъ что для нея уже не было свободы выбора. Отношенія, связавшія эту шляхту съ магнатами, разнообразны.

Каждый магнатскій дворъ былъ полонъ шляхтой. Большая часть этой шляхты состояла просто на положеніи слугъ и получала жалованье: такой шляхтичъ ѣлъ за панскимъ столомъ, хоть и на нижнемъ концѣ, а за провинность могъ потерпѣть и тѣлесное наказаніе, правда, не на голомъ полу, а на диванѣ или коврѣ. Выше этихъ слугъ стояли „пріятели“ магнатскаго дома: это шляхтичи, не лишенные самостоятельнаго матеріальнаго обезпеченія, но предпочитавшіе проводить весело и привольно жизнь при дворѣ магната, которому они умѣли быть чѣмъ-нибудь полезными или пріятными. Постоянные „резиденты“ имѣли вблизи панскаго двора отведенные имъ самостоятельные дворики, гдѣ они могли проживать даже съ семьей. Затѣмъ панскій дворъ былъ окруженъ цѣлымъ роемъ оффиціалистовъ, т. е. шляхтичей, отправлявшихъ тѣ или другія обязанности въ громадныхъ магнатскихъ имѣніяхъ: губернаторы, подстаросты, лѣсничіе, ловчіе, люстраторы, скарбники и т. д. и т. д. Оффиціалисты дома Потоцкихъ или Чарторижскихъ составляли на Украинѣ силу, и много значительныхъ панскихъ домовъ выросло изъ ихъ среды. И, наконецъ, еще была одна группа

шляхты, зависящей вполнѣ отъ того или другого магнатскаго дома: это такъ называемые „державцы“, своего рода арендаторы. Шляхта съ разныхъ концевъ Рѣчи Посполитой въ цѣляхъ наживы являлась на Украину, чтобъ „ходить державцами“. Такой шляхтичъ продавалъ свою тощую, выпаханную родовую землю, пріѣзжалъ на Украину и помѣщалъ свой капиталецъ у магната, получая за то кусокъ земли. Не смотря на страшный ростъ колонизаціи, свободныхъ земель было все-таки много, такъ что магнаты даже сами разыскивали подобныхъ державцевъ. Щенсный-Потоцкій каждой своей поѣздкой въ Варшаву пользовался, чтобъ разыскать ихъ тамъ человѣкъ до десяти и больше. Иногда онъ не требовалъ даже и внесенія капитала, замѣняя это обезпеченіе рекомендаціей извѣстнаго ему лица. Кромѣ этихъ „заставныхъ державцевъ“, были еще и безплатные державцы, которые получали отъ магнатовъ землю, случалось, и заселенную, какъ выраженіе магнатскаго благоволенія за какую-нибудь услугу. Въ заключеніе укажемъ еще на способъ, какимъ независимые по положенію шляхтичи привязывали свои утлыя ладьи къ магнатскимъ кораблямъ. Если у шляхтича появлялся капиталъ, то онъ не зналъ другого способа дать ему вѣрное и доходное помѣщеніе, какъ внести „на провизію“ въ кассу того или другого магната. Такимъ образомъ, всѣ эти „интерессанты“, державцы—полноправные осѣдлые земяне—составляли главную политическую силу магната на сеймикахъ, отъ которыхъ зависѣлъ выборъ пословъ на сеймъ или депутатовъ въ трибуналъ.

Но что же представлялъ собой этотъ шляхетскій народъ, оттѣснившій и подтоптавшій себѣ подъ ноги тотъ настоящій народъ, который дѣлалъ до сихъ поръ украинскую исторію?

Украинская шляхта первыхъ десятилѣтій 18-го в. была очень груба и невѣжественна, особенно на отдаленныхъ окраинахъ, брацлавскихъ, кіевскихъ и подольскихъ. Одичаніе было естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ условій, о которыхъ была рѣчь выше. Даже мѣстное духовенство, этотъ всегдашній носитель просвѣщенія, раздѣляло съ паствой ея темноту: преоры, префекты школъ, пробощи, уніатскіе попы, монахини, на обязан-

ности которыхъ лежало образованіе шляхетскихъ дочерей,—все это едва умѣло подписать свое имя. Одни іезуиты составляли въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе. Съ теченіемъ времени положеніе стало мѣняться. Съ ростомъ колонизаціи и упорядоченіемъ отношеній на Украинѣ появились магнаты, и магнатскіе дворы сдѣлались источниками просвѣщенія для окружающей шляхты. Положимъ, просвѣщеніе это не захватывало глубоко: оно касалось больше смягченія формъ жизни, лоска и утонченности въ обстановкѣ и взаимныхъ отношеніяхъ. Дѣло шляхетскаго образованія пошло успѣшнѣе, когда за него взялись піаре и базиліане, которые вытѣснили изъ Украины іезуитовъ. Параллельно замѣчается идущее crescendo развитіе французскаго вліянія. Къ концу столѣтія вліяніе это проникло до самыхъ отдаленныхъ окраинъ, изгоняя изъ шляхетской среды національный обычай. Распространилась игра на цитрѣ, арфѣ или гитарѣ, танцы, мода начала забирать свою неограниченную власть надъ внѣшними формами жизни. Румяна и бѣлила, духи и пудра вошли въ общее употребленіе въ самыхъ отдаленныхъ шляхетскихъ деревушкахъ. Мѣсто четокъ и молитвенника замѣнили сочиненія г-жи Жанлисъ. Литература, печатная и писанная, въ видѣ стиховъ разнообразнаго содержанія, сатиръ, газетъ, заграничныхъ и варшавскихъ, начала входить въ обыденный обиходъ у самой захолустной шляхты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли, конечно, полный доступъ въ шляхетскую среду и французскія идеи, служившія ферментомъ для жизни и мысли всей Европы. Но имѣя полный доступъ, онѣ, эти идеи, не имѣли тѣмъ не менѣе никакого вліянія. Ни liberté, ни egalité не были для шляхтича какими-нибудь новыми понятіями: онъ самъ постоянно кричалъ на сеймикахъ въ защиту „золотой вольности“ шляхетскаго народа, и послѣдній шляхтичъ на огородѣ зналъ, по пословицѣ, что онъ равенъ воеводѣ. Но не смотря на это, а, можетъ-быть, именно поэтому, истинный гуманный смыслъ французскихъ идей былъ совершенно чуждъ украинскому шляхтичу. Мало того: тѣ гражданскія чувства, въ которыхъ мы не можемъ отказать шляхтѣ стараго времени, какъ-бы вымираютъ въ шляхтѣ 18-го в.. Въ политическихъ

вопросахъ украинскіе шляхтичи слѣпо слѣдуютъ указаніямъ магнатовъ, которые группируютъ ихъ около себя приманками разныхъ выгодъ. Такой шляхтичъ, въ интересахъ того или другого лица, свободно беретъ на себя презрѣнную роль тормаза общественной жизни, „срывача“ сеймиковъ; выбранный въ послы, готовъ онъ нести на сеймѣ, въ угоду своему магнату, безконечно длинныя, безмѣрно скучныя рѣчи; безъ всякой критики, безъ всякаго обращенія къ своей совѣсти и своему личному убѣжденію, поворачиваетъ онъ за всѣми поворотами магнатскаго корабля. Однако корыстный разсчетъ могъ побудить шляхтича и отцѣпиться отъ своего магната: извѣстно, какъ много украинской шляхты всѣхъ партій перешло на сторону политическихъ русскихъ симпатій, руководствуясь стремленіемъ получить свою долю въ выгодахъ отъ подрядовъ по поставкѣ провіанта и фуража для русскихъ войскъ. На такой нездоровой почвѣ ложно направленной общественной жизни развилось въ средѣ украинской шляхты мелочное честолюбіе, стремленіе къ титуламъ, званіямъ, знакамъ отличія. Стемпковскій, пользуясь исключительной благосклонностью короля Понятовскаго, держалъ при помощи этой приманки въ своихъ рукахъ всю шляхту кіевскаго воеводства. Онъ не способенъ былъ указывать другимъ дорогъ чести и патріотизма, такъ какъ самъ не зналъ ихъ, но шляхта тѣмъ не менѣе готова была идти за нимъ куда угодно: за то же около Стемпковскаго не было шляхтича, хотя бы изъ одноводськовыхъ, который бы не былъ украшенъ какой-нибудь ленточкой.

Чувство привиллегированности выродилось въ шляхетской массѣ въ чудовищный сословный эгоизмъ. Отечество есть каста гербовныхъ, осыпанная съ головы до ногъ привиллегіями; свѣтъ созданъ на то, чтобъ доставлять шляхтичу возможно больше всякихъ удобствъ, которыми онъ имѣетъ право пользоваться, не давая себѣ труда двинуть пальцемъ; никто не въ правѣ требовать у него ни малѣйшей жертвы, хотя бы отъ этого зависѣло спасеніе отечества: таковъ былъ общепринятый кодексъ шляхетскихъ понятій. Шляхтѣ принадлежитъ только легкая, веселая и выгодная сторона жизни. Однако, можетъ-ли пра-

вильно двигаться общественная жизнь, если руководящія его единицы кладутъ въ основаніе своихъ дѣйствій подобные принципы? Очевидно, нѣтъ; это было слишкомъ ясно. Но здѣсь на выручку явилась оригинальная формула: Polska stoi nierządem (т. е. Польша держится безпорядкомъ), слѣд.—поведеніе, неумѣстное и пагубное въ иныхъ мѣстахъ, въ шляхетской Польшѣ какъ разъ правильно и спасительно. Жизнь разбила эту иллюзію, выросшую на почвѣ грубаго сословнаго эгоизма.

А. Ефименко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Слѣды водопроводныхъ сооруженій въ г. Кобелякахъ полтавской губ. и надъ рѣкой Высью на границѣ кіевской и херсонской губ.

(въ связи съ нѣкоторыми данными о колонизаціи полтавщины).

Лѣтомъ въ 1890 г. въ г. Кобелякахъ, на Юрьевкѣ, мнѣ пришлось произвести небольшую раскопку съ цѣлью прослѣдить положеніе и направленіе заложенныхъ въ грунтѣ „глиняныхъ трубъ", о существованіи которыхъ въ этой мѣстности узналъ я отъ мѣстныхъ жителей. Послѣ недолгихъ неудачныхъ попытокъ опредѣлить мѣстонахожденіе этихъ трубъ, на слѣдъ ихъ пришлось попасть въ огородѣ козака Мелентія Ткаченка. Трубы изъ красной глины, довольно слабаго обжога, представлявшія собою небольшіе, однообразные по конструкціи, рукава вершковъ въ 6 длиною и отъ $1\frac{1}{4}$ до 2 вершковъ шириною въ узкой части рукавовъ; въ болѣе же широкой ихъ части ширина достигала $2\frac{1}{2}$—$3\frac{1}{2}$ вершковъ (приблизительно). Толщина стѣнокъ рукавовъ около $\frac{1}{2}$ дюйма.

Трубы заложены были въ грунтѣ на глубинѣ $\frac{3}{4}$ аршина отъ поверхности. Рукава трубы узкими своими сторонами были вставлены въ болѣе широкія отверстія, при чемъ черезъ 5—6 рукавовъ направленіе узкихъ и широкихъ отверстій обратно измѣнялось. Обнаруженная водопроводная труба шла по направленію отъ запада къ востоку, отъ небольшой рѣчки Кобелячка по направленію къ сравнительно возвышенной площади, занятой въ настоящее время выгономъ и застроенной вѣтряками, почти въ центрѣ современной городской черты. Направленіе водопро-

водной трубы можно опредѣлять и обратно, смотря потому, для водопровода ли, въ ближайшемъ смыслѣ этого слова, или для дренажа заложена была въ грунтѣ водопроводная труба.

Мѣстность, гдѣ найдены отмѣченные слѣды водопроводной трубы, представляетъ низменную, съ самымъ незначительнымъ склономъ, долину рѣчки Кобелячка. Мѣсто нашей находки (огородъ козака Мелентія Ткаченка) по прямой улицѣ отъ отмѣченнаго выше выгона съ вѣтряками прямо на западъ къ рѣчкѣ Кобелячку лежитъ приблизительно на $^1/_3$ разстоянія къ этому послѣднему, что составляетъ до 300 погонныхъ саженей. Мнѣ, въ сотрудничествѣ мѣстнаго псаломщика С. Л. Сысоева, удалось найти только часть водопроводной трубы, занимавшей около 2 саженъ въ длину и состоявшей изъ двухъ съ лишнимъ десятковъ рукавовъ различной толщины. Довольно продолжительныя попытки наши найти продолженіе этой трубы какъ по направленію къ возвышенному выгону, такъ и по направленію къ рѣчкѣ были безуспѣшны. Но необходимо замѣтить, что, по свѣдѣніямъ мѣстныхъ жителей, части, повидимому, этой же водопроводной трубы найдены были однимъ изъ учителей мѣстной прогимназіи до 1890 года и еще какими-то пріѣзжими любителями мѣстной старины послѣ этого времени. Было-бы весьма желательно, чтобы и объ этихъ находкахъ появилось въ печати извѣщеніе съ фактическими подробностями.

Одинъ изъ рукавовъ водопроводной трубы, найденныхъ въ одной изъ этихъ послѣднихъ находокъ, доставленъ между прочимъ въ полтавскій земскій естественно-историческій музей. Свыше десятка рукавовъ водопроводной трубы изъ нашей экскурсіи хранится пока у С. Л. Сысоева [1]).

Переходя къ выясненію вопросовъ о томъ, къ какому времени и къ какому сооруженію слѣдуетъ отнести несомнѣнно существовавшую въ отмѣченной нами мѣстности водопроводную трубу, необходимо замѣтить, что для рѣшенія этихъ вопросовъ нѣтъ точныхъ данныхъ. Допуская болѣе или менѣе вѣро-

---

[1]) Если этотъ остатокъ старины возбудитъ у какого либо изслѣдователя особый интересъ, то мы съ полною готовностью передадимъ ему нашу находку.

ятныя предположенія въ данномъ случаѣ, мы обращаемъ вниманіе прежде всего на ту характерную черту, что въ памяти мѣстныхъ старожиловъ, ни на Юрьевкѣ, ни вообще въ городѣ Кобелякахъ, ни въ окрестности не сохранилось ни малѣйшихъ слѣдовъ воспоминаній о какомъ-либо сооруженіи или о какихъ-нибудь приспособленіяхъ, къ которымъ можно бы было пріурочить водопроводную трубу. Обстоятельство это побуждаетъ насъ отодвинуть возможность какого-либо сооруженія въ этой мѣстности по крайней мѣрѣ на 150—200 лѣтъ отъ нашего времени. Если мы обратимся къ тому времени, то передъ нами будетъ послѣдняя пора гетманщины въ лѣвобережной Украинѣ. Существовавшая въ то время система хозяйства и вообще бытовая культура на Украинѣ, въ одной изъ наименѣе культурныхъ мѣстностей вслѣдствіе близости къ татарской границѣ, не допускаютъ возможности существованія ни усовершенствованнаго дренажа въ цѣляхъ осушенія мѣстности, ни тѣмъ болѣе водопровода въ цѣляхъ снабженія рѣчной водой поселеній на прирѣчной возвышенности. Хозяйство на Украинѣ лѣтъ 150—200 назадъ, какъ свидѣтельствуетъ относящійся къ этому времени дневникъ генеральнаго подскарбія Марковича, велось самое примитивное, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ сравнительнаго избытка земель, представлявшихъ въ то время весьма незначительную цѣнность, почему и интенсивная культура, обычно сопровождающая густое населеніе въ предѣлахъ тѣсной территоріи, не могло имѣть мѣста въ то время, и допускать въ данномъ случаѣ примѣненіе дренажа, излишняго при многоземельи, было бы неосновательно. Еще менѣе основательнымъ явилось бы предположеніе о существованіи на мѣстѣ Кобелякъ за время гетманщины поселенія, пользующагося искусственнымъ и сравнительно дорого стоющимъ водопроводнымъ сооруженіемъ.

Многочисленныя документальныя данныя приведенныя въ „Очеркахъ изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства“ Д. И. Багалѣя, а также во 2 томѣ „Исторіи Запорожскихъ козаковъ“ Д. И. Эварницкаго, свидѣтельствуютъ, что во второй половинѣ 17 столѣтія мѣстность по Ворсклѣ въ предѣлахъ нынѣшняго Кобелякскаго уѣзда пред-

ставляла такую окраину, гдѣ только начиналъ возникать культурный бытъ, при чемъ устраивавшіеся въ ту пору укрѣпленные города носятъ опредѣленные признаки несложныхъ земляныхъ укрѣпленій и созидаются обычно на мѣстахъ, не представляющихъ затрудненій по водоснабженію. Относящаяся еще къ болѣе раннему времени (ко второй четв. 17 столѣтія) обстоятельная карта поселеній на Украинѣ, составленная Бопланомъ, также даетъ прямыя указанія на почти пустынный характеръ мѣстностей по Ворсклѣ, ниже г. Полтавы и до впаденія этой рѣчки въ Днѣпръ. На всемъ этомъ протяженіи ниже Полтавы мы находимъ только Терешки, Старки и Новые Сенжары, представлявшія тогда незначительныя поселенія (на картѣ знакъ рація—деревня), Бѣликовъ бродъ и городъ Кобилакъ. (Kobilak). Укрѣпленіе этого города отмѣчено на Боплановской картѣ такимъ же знакомъ, какимъ отмѣчены и укрѣпленія Полтавы, Гадяча, Миргорода, Лохвицы и другихъ нынѣшнихъ уѣздныхъ городовъ полтавской губерніи, за исключеніемъ Зѣнькова и Пирятина, которыхъ, судя по картѣ Боплана, еще не существовало въ то время, даже въ видѣ незначительныхъ поселеній. Допускать сооруженіе въ эту пору водопровода на мѣстѣ нынѣшняго города Кобелякъ не представляется основательнымъ уже по одному тому, что какъ въ чертѣ этого города, даже въ самыхъ высокихъ его пунктахъ, такъ и вообще во всей этой мѣстности не представляется никакихъ затрудненій пользоваться водою изъ колодцевъ. Въ такое близкое къ намъ, въ геологическомъ отношеніи, время въ этой мѣстности уровень почвенной воды былъ, разумѣется, такой же, какъ и въ настоящее время, и колонизующіе въ ту пору приворсклянскую мѣстность южнорусскіе козаки могли вполнѣ удовлетвориться водою изъ колодцевъ. О какой либо интенсивной культурѣ за время Боплана на мѣстѣ Кобелякъ также не можетъ быть рѣчи въ виду того, что, какъ видно на названной картѣ, вся мѣстность между рѣчками Ворсклою и Псломъ представляла „чистое поле", при чемъ весьма характерно то обстоятельство, что на лѣвомъ берегу этой рѣки не было ни одного поселенія на протяженіи всего теченія ея въ границахъ нынѣшней полтавской губерніи,

тогда какъ правый берегъ осаженъ былъ сравнительно частыми поселеніями, начиная отъ литовскаго рубежа, близъ Гадяча, и до впаденія въ Пселъ рѣки Голтвы, при устьи которой на мѣстѣ нынѣшняго мѣстечка Голтвы былъ старый укрѣпленный городъ этого же имени. Таковъ былъ характеръ занимающей насъ мѣстности въ 2-ой четверти XVII вѣка.

Акты о заселеніи Юго-Западной Россіи [1]), заключающіе между прочимъ въ нѣкоторомъ родѣ статистическія описанія приднѣпровскихъ замковъ, съ опредѣленными указаніями относительно большей половины территоріи нынѣшней полтавской губерніи, представляютъ весьма убѣдительныя доказательства того, что въ началѣ второй половины XVI вѣка очень значительная часть Полтавщины только начинала заселяться. Акты эти указываютъ, что Полтавщина въ ту пору не только не имѣла самостоятельныхъ культурныхъ центровъ, но и въ хозяйственномъ отношеніи непосредственно тяготѣла къ днѣпровскимъ укрѣпленнымъ городамъ: къ Кіеву, Каневу и къ Черкассамъ. Мѣщане и козаки этихъ „замковъ" пользовались уходами по р. Трубежу (Кіевск. замокъ), по нижнему и среднему теченію р. Сулы, по Оржицѣ, Удаѣ, Сулицѣ, по Хоролу, по нижнему и среднему теченію Псла (уходы Каневскаго замка); къ Черкасскому замку на территоріи нынѣшней полтавской губ. тянули „Бѣлобережье" при Днѣпрѣ (гдѣ-то между устьями Супоя и Сулы), „станъ" при устьи Сулы, „станъ" при горѣ „Пива близъ Градижска" и уходы по Ворсклѣ и Орели; весьма интересно, что остальные уходы Черкасскаго замка лежали внизъ по Днѣпру, на значительномъ разстояніи отъ предѣловъ нынѣшней полтавской губ. по Самарѣ, Протовчѣ, обоихъ Ингулахъ на Днѣпровскихъ порогахъ, по р. Базавлуку, по р. Томаковкѣ, даже—до Тавани. На этихъ уходахъ ухожаи ловили рыбу, бобровъ, устраивали ловы на звѣрей, добывали медъ (борты и свепеты); хлѣбопашествомъ занимались только въ „селахъ" (на поляхъ) близъ замковъ. Весьма характерно, что въ значительную часть этихъ уходовъ для промысловъ приходили

---

[1]) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. I, стр. 77—122.

не только жители названныхъ замковъ, но и Чернобыльцы, Мозырцы, Петриковцы, Быховцы, Могилевцы и иные чужегородцы, уплачивая въ пользу старосты частью деньгами и различнымъ товаромъ, частью натурою изъ предметовъ добычи.

Въ названныхъ актахъ отмѣчены какъ отдѣльные уходы, между прочимъ земля „Лубъни" по Сулѣ, земля Пирятинская на „Удои". О такихъ „земляхъ" въ актахъ говорится, что по нимъ *ходятъ:* или такой-то отчитъ, или половиники—козаки; или говорится безлично „ходятъ на замокъ". Очевидно, что мы видимъ территорію, только начинавшую заселяться, послѣ того какъ новгородъ-сѣверское, переяславское княжества прекратили свое существованіе.

Существенно важное значеніе имѣетъ указаніе актовъ на то, что въ то время, какъ различные отчичи, мѣщане, драбы и чужегородцы приходили въ эти уходы только временно, козаки, по записи люстратора со словъ опрашиваемыхъ имъ современниковъ, начинали „уставичне (т. е. постоянно) тамъ жить на мясе, на рыбе, на меду зъ пасекъ, зъ свенетовъ... сытятъ тамъ собе медъ, яко дома". Въ этомъ свидѣтельствѣ, какъ намъ кажется, заключается ключъ къ выясненію дальнѣйшей колонизаціи полтавщины. Не менѣе важною въ этомъ же смыслѣ является запись, приводимая въ актахъ „о почятку (началѣ) Черкассъ и Канева" [1]). Въ этой записи, передающей намъ, вѣроятно, частію мѣстное преданіе, частію историческія свѣдѣнія люстратора о времени сравнительно къ нему близкомъ, говорится, что уходы по рѣкамъ (изъ которыхъ названы выше только главнѣйшіе, тянувшіе къ Каневу) доступны были каневцамъ съ самаго начала существованія Черкассъ и Канева въ силу того, что каневцы всѣ тѣ рѣки также и другія рѣчки „Севирскія" считали прежней своей отчизной, и все время съ основанія Канева ходили туда для промысловъ въ качествѣ ухожаевъ. Передвинуты были каневцы изъ своей отчизны великимъ княземъ Литовскимъ Витовтомъ (котораго люстраторъ по ошибкѣ или обмолвкѣ назвалъ Гедиминомъ) послѣ его завоевательныхъ походовъ противъ

[1]) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. I, стр. 103.

крымскихъ татаръ и кавказскихъ горцевъ. Набравъ плѣнниковъ на Кавказѣ, Витовтъ поселилъ часть ихъ надъ Днѣпромъ въ основанномъ тогда же городѣ Черкассахъ, а другую часть осадилъ по р. Слѣпороду, въ предѣлахъ нынѣшнихъ пирятинскаго и лубенскаго уѣздовъ; коренные же жители этой мѣстности, „слѣпорожане“ поселены были Витовтомъ въ Каневѣ. Вотъ откуда возникло право каневцевъ на уходы. Запись люстратора въ той части, которая касается основанія города Черкассъ, подтверждается данными и изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ [1]). Что касается части о переселеніи слѣпорожанъ въ Каневъ, то и эта подробность вполнѣ вѣроятна при отмѣченныхъ нами выше соображеніяхъ объ источникахъ этой записи. Подробность эта подтверждается, по нашему мнѣнію, также другимъ довольно вѣскимъ источникомъ, а именно—картой распространенія говоровъ малорусскаго языка П. Чубинскаго. На этой картѣ отмѣченный выше Путивльскій рубежъ, проходящій подъ Княжей горой по р. Сулицѣ, поразительно совпадаетъ съ границей по одну ея сторону каневско-полтавскаго говора, по другую—говора сѣверско-полѣшскаго. Совпаденіе врядъ-ли случайное. Во всякомъ случаѣ приведенныя данныя о заселеніи Черкассъ и Канева проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на начало колонизаціи нынѣшней Полтавщины въ періодъ Литовской Руси [2]). Въ этотъ періодъ, весьма вѣроятно, мѣстность при впаденіи Кобелячка въ Ворсклу лежала пустою, точно такъ же, какъ пустовали различныя земли по Сулѣ, Удаѣ Хоролу и Пслу.

Углубляясь постепенно въ болѣе давнія времена, не представляется основанія допускать сооруженія водопроводной трубы на мѣстѣ Кобелякъ въ теченіе всего періода со времени татарскаго нашествія. Весь XII и конецъ XV вѣка наполнены чрезвычайно частыми и разрушительными набѣгами какъ на Литовскую, такъ и на Московскую Русь, а до этого времени, съ самаго начала татарскаго нашествія, занимающая насъ мѣст-

---

[1]) Антоновичъ В. Б., Исторія Руси до Монголовъ.

[2]) П. Чубинскій. III ч., VII т. Малоруссы Юго-Западнаго края.

ность находилась подъ безраздѣльнымъ владычествомъ татаръ. Трудно допустить, чтобы въ эту пору могъ существовать затерявшійся въ степи при впаденіи р. Кобелячка въ Ворсклу какой-то безвѣстный городъ съ водопроводнымъ сооруженіемъ.

Уходя еще въ болѣе далекое прошлое, въ при-Днѣпровскихъ степяхъ мы видимъ кочевниковъ тюркскаго корня: половцевъ, торковъ, берендѣевъ, печенѣговъ, обитавшихъ здѣсь частью послѣдовательно, начиная съ печенѣговъ, частью въ неясной для насъ путаницѣ, со времени выступленія древней кіевской Руси на историческую сцену. И эти кочевыя племена, не строившія городовъ, какъ доказано въ трудѣ г. Голубовскаго „О южно-русскихъ степяхъ“, не могли оставить послѣ себя слѣда въ видѣ водопроводной трубы на мѣстѣ Кобелякъ.

Далѣе двигаться въ глубь исторіи занимающей насъ мѣстности мы не компетентны. Кобелякская водопроводная труба, имѣющая, повидимому, значеніе весьма серьезнаго вещественнаго памятника исторіи для данной мѣстности, принадлежитъ культурѣ народа жившаго здѣсь, правдоподобно, до эпохи великаго переселенія народовъ изъ Азіи въ Европу,—быть можетъ, того самаго народа, который строилъ водопроводныя сооруженія въ Крыму и на Кавказѣ, гдѣ они сохранились, какъ свидѣтель глубоко интереснаго прошлаго, до нашего времени.

Остановиться на высказанномъ предположеніи побуждаютъ насъ также данныя, относящіяся къ другому слѣду, повидимому, точно также водопроводной трубы, на границѣ кіевской и херсонской губерніи, при впаденіи рѣки Липянки въ р. Высь, на правомъ берегу этой послѣдней, близъ д. Арсеньевки. Данныя, относящіяся къ этому слѣду, къ сожалѣнію очень скудны. Узнавъ по слухамъ о существованіи вещественныхъ признаковъ какой-то загадочной трубы въ земляномъ грунтѣ на берегу р. Выси, я посѣтилъ эту мѣстность лѣтъ 8 назадъ. Данная мѣстность, верстахъ въ 2 отъ д. Арсеньевки, представляетъ слѣдующія особенности. Противъ низкаго лѣваго берега р. Выси (Елисаветградская сторона) возвышается на 2 — 3 сажени правый холмистый ея берегъ, круто спускающійся къ рѣкѣ на разстояніи 10—15 саженей отъ современнаго ея русла, дости-

гающаго, впрочемъ, и въ наше время до подъема праваго берега при значительныхъ весеннихъ разливахъ. Высокій берегъ незначительной въ настоящее время рѣчки Выси представляетъ въ этомъ мѣстѣ небольшой выступъ. Въ этомъ-то выступѣ, аршина на 2 ниже поверхности праваго берега, слегка поднимающагося въ глубину звенигородскаго у. (кіевской губ.) и заложена водопроводная труба. Въ экскурсіи, предпринятой не съ археологической цѣлью, мнѣ не удалось здѣсь произвести раскопку, а пришлось ограничиться наблюденіемъ цѣлой кучи свѣже-разбитыхъ черепковъ, отъ смыканія которыхъ, дѣйствительно, получались рукава трубы шириною около 3—3$^1/_2$ вершковъ въ діаметрѣ (опредѣлить длину рукавовъ по смыканію черепковъ намъ не удалось). Матеріаломъ для выдѣлки этой трубы послужила мѣстная красная глина съ значительной примѣсью желѣзной руды, вслѣдствіе чего стѣнки рукавовъ трубы при сильномъ обжогѣ получили темноватый цвѣтъ съ свинцовымъ отливомъ, при чемъ на значительную примѣсь въ глинѣ желѣзной руды указываютъ довольно частыя блестки, наблюдаемыя при разламываніи черепковъ. Мой спутникъ по экскурсіи въ эту мѣстность, свящ. села Копанокъ елисаветградскаго у., объяснилъ, что масса битыхъ черепковъ при разрытомъ въ небольшую пещеру отверстіи, указывавшемъ на мѣсто нахожденія трубы, образовалась въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ однимъ пастухомъ случайно открытъ былъ крайній рукавъ трубы; по разсказамъ пастуха въ сосѣднихъ поселкахъ разнеслась молва, что въ этомъ мѣстѣ открытъ ходъ въ какой-то загадочный погребъ, вслѣдствіе чего найболѣе любопытные и предпріимчивые крестьяне изъ сосѣднихъ деревень приходили сюда, ломали головы по поводу незначительности отверстія и изумлялись, находя, что отверстіе это сплошь заложено диковинными для нихъ рукавами глиняной трубы. Однимъ изъ первыхъ посѣтителей этого мѣста былъ и сопровождавшій меня священникъ с. Копанокъ, встрѣча съ которымъ и привела меня сюда. Теперь я узналъ отъ моего спутника, что крестьяне, расковыривая заступами мѣсто выхода трубы въ сторону рѣки и доставая ненужные и неинтересные для нихъ рукава ея,

обыкновенно здѣсь же и разбивали ихъ, пробуя крѣпость матеріала, изъ котораго сдѣланы трубы. Этимъ и ограничиваются фактическія данныя, относящіяся непосредственно къ водопроводной трубѣ при впаденіи рѣчки Липянки въ р. Высь. Мѣстность по небольшой рѣчкѣ Выси, впадающей въ Синюху (историческая рѣка Синія-воды), представляетъ слегка холмистую поверхность какъ по правую, такъ и по лѣвую сторону этой рѣчки. Характерна рѣчка Высь многочисленными притоками, вливающимися въ нее какъ съ кіевской, такъ и особенно съ херсонской стороны [1]). Окрестности р. Выси отличаются живописнымъ характеромъ, о чемъ между прочимъ свидѣтельствуютъ и такія названія примыкающихъ къ мѣсту закладки водопроводной трубы мѣстностей, какъ Краснополье, Красногорка. На ряду съ этими явно славянскими названіями встрѣчаются въ окрестности и названія, свидѣтельствующія о пребываніи здѣсь чуждыхъ славянамъ народовъ. Таковы названія: Калигорка (рѣчка и поселеніе) Кильтень (рѣчка и поселеніе) Тикичъ (рѣка), Ятрань (рѣка, воспѣтая въ южнорусскомъ пѣсенномъ творчествѣ за свои живописные берега); верстахъ въ 50 по прямому направленію отъ занимающаго насъ мѣста находится и знаменательный для изслѣдователя историческаго прошлаго Южной Руси г. Ольвіополь (Орликъ—тожъ), при впаденіи Синюхи въ Бугъ.

Отмѣченныя топографическія данныя приведены здѣсь не для того, чтобы изъ нихъ сдѣлать какой-либо выводъ по занимающему насъ вопросу, а для того, чтобы отчетливѣе охарактеризовать мѣстность, для которой въ смыслѣ выясненія ея прошлаго есть достаточно прямыхъ и косвенныхъ указаній какъ въ различныхъ изданіяхъ историческихъ актовъ, такъ и въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ, относящихся къ южной Россіи. Отмѣченные источники представляютъ эту мѣстность почти совершенно пустынною, по крайней мѣрѣ съ XV вѣка. За Синюхой и Высью, служившими границей Запорожскихъ владѣній въ

---

[1]) Названія этихъ незначительныхъ рѣчекъ не обозначены на картѣ, которою мы пользуемся; эти названія извѣстны б. ч. только мѣстнымъ жителямъ.

сторону степи, начиналось „Дикое поле", гдѣ пролетали лишь время отъ времени татарскіе чамбулы, направлявшіеся для добычи въ правобережную Украину и возвращавшіеся оттуда съ ясыремъ по боковымъ сакмамъ Чернаго шляха; или проносились запорожскіе сторожевые отряды, оберегавшіе границы Запорожскаго войска отъ хищныхъ сосѣдей.

Невозможно и надъ Высью представить существованія какого-либо поселенія, какъ за время татарскаго владычества въ черноморскихъ степяхъ, такъ равно и за время обитанія здѣсь названныхъ выше кочевыхъ тюркскихъ племенъ. Время сооруженія водопроводной трубы надъ р. Высью еще съ большимъ основаніемъ, чѣмъ при впаденіи Кобелячка въ Ворсклу, приходится отодвинуть до эпохи, предшествующей великому переселенію народовъ.

Мы останавливаемся передъ исторической гипотезой о распространеніи племени греческой культуры не только по Нижнему Днѣпру, изумляющему изслѣдователя дивными остатками старины, но въ области средняго Днѣпра до Кіева. Отвергать эту гипотезу мы не имѣемъ данныхъ, но и въ подтвержденіе ея къ извѣстнымъ въ исторической литературѣ соображеніямъ по данному вопросу съ своей стороны почти ничего не можемъ прибавить.

Нелишеннымъ извѣстнаго значенія, быть можетъ, окажется въ свое время фактъ находки хранящейся у меня маленькой урны очень тонкой, изящной, по всѣмъ признакамъ греческой работы. Урна найдена въ чертѣ крестьянскаго надѣла с. Мироновки александрійскаго уѣзда, херсонской губ. въ курганѣ, раскопанномъ крестьянами въ надеждѣ на отысканіе чего-либо цѣннаго. Въ курганѣ, кромѣ названной урны, найдены крестьянами также каменныя и стекляныя бусы и серьги изъ зубовъ какого-то животнаго. Бусы и серьги въ настоящее время хранятся въ археологической коллекціи елисаветградскаго реальнаго училища [1]):

---

[1]) Сообщенныя подробности раскопки нѣсколькихъ кургановъ Мироновскими крестьянами изложены въ работѣ В. Н. Ястребова о раскопкахъ въ херсонской губ. въ XIII т. „Древностей".

Не лишены фактическаго значенія по затронутому вопросу также находки на Днѣпровскомъ о—вѣ Каменоватомъ противъ м. Лоцманской Каменки, близъ Екатеринослава [1]). Лѣтомъ 1884 г. на этомъ о—вѣ, на половину разрушенномъ Днѣпромъ на памяти мѣстныхъ старожиловъ, найденъ мною въ ряду другихъ предметовъ далекой старины остатокъ маленькаго сосуда матоваго стекла, искусной работы, и оловянныя пломбы съ оттиснутыми на нихъ довольно отчетливыми иниціалами. Нижняя часть маленькаго сосуда признана В. Б. Антоновичемъ за остатокъ слезницы греческаго типа, а пломбы, по опредѣленію этого же почтеннаго историка и археолога, носятъ слѣды также греческой культуры временъ Имперіи. Тотъ и другой предметы вмѣстѣ съ другими моими находками на Каменоватомъ о—вѣ хранятся также въ коллекціи при Реальномъ училищѣ въ Елисаветградѣ.

Левъ Падалка.

[1]) Островъ Каменоватый при Бопланѣ носилъ названіе Князева о—ва, съ каковымъ названіемъ вошелъ онъ и въ „Описаніе Украины“.

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ѲЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.[1]).

Весьма часто мнѣ припоминаются рекреаціи тогдашняго времени. Ученики собираются 1-го мая въ классъ, потомъ, посовѣтовавшись и переговоривши, выходятъ и становятся въ шеренги въ нѣсколько рядовъ возлѣ окошекъ инспекторскаго дома и вдругъ вскрикиваютъ всѣ въ одинъ тактъ. На крыльцо съ веселымъ видомъ выходитъ инспекторъ, привѣтствуетъ съ первымъ мая и отпускаетъ погулять на весь день, по заведенному тогда порядку, въ Еловщину, приказываетъ не шумѣть, не драться и не ссориться, говоря, что и онъ самъ туда прибудетъ съ учителями.

Семинаристы же отправляются въ Елецкій монастырь къ ректору, гдѣ также получаютъ отпускъ.

Богословы дѣлаютъ складчину, заблаговременно закупаютъ вино и закуски, которыя хранилъ въ моемъ большомъ сундукѣ нашъ учитель Гордіевскій, бывшій распорядителемъ и казначеемъ. Вслѣдствіе этого все приготовленное и хранилось въ его квартирѣ. Въ моемъ сундукѣ хранились также и деньги мѣдныя, какъ расхожія, такъ и харчевыя. Ключъ иногда находился у меня, но я большею частію отдавалъ его учителю, боясь, чтобы его у меня не стащили и не поворовали хранящагося тамъ.

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1895 г., № 2.

По прибытіи на квартиру снѣдали блины или хлѣбъ съ саломъ и, не дожидаясь обѣда, отправлялись въ Еловщину, запасшись провизіей для полудня. Обыкновенно накупалось побольше говядины, которая наскоро зажаривалась и забиралась, и больше всего хлѣба и сала. Учитель нашъ Гордіевскій съ нѣсколькими товарищами нагруживалъ нанятую повозку заготовленной провизіей: боченками съ виномъ, квартъ по пять, штофами съ пуншевкой, а также закусками: икрой, балыкомъ, копчеными колбасами, селедками и пр. Въ повозку же укладывали нѣсколько самоваровъ и сундукъ, еще раньше нагруженный посудой чайной и для закуски.—Изъ богослововъ здѣсь присутствовало два товарища-дружка Зосимовичъ и Прозоровъ, очень часто посѣщавшіе и безъ того квартиру нашу. (Бесѣда всегда оканчивалась нѣсколькими крючками водки и закуской изъ сала или, если случались колбасы, то тутъ же въ грубкѣ зажаривались съ яйцами, въ которыхъ, особенно весною, недостатка не было). Другая партія богослововъ также припасала все нужное, отвозила столъ и стулья. Дня за два или за три избиралось мѣсто, очищалось, дѣлались искусственныя земляныя канапе, кресла. Мѣсто это обсаживалось кругомъ молодыми сосночками, вырубленными по дозволенію владѣтеля Глѣбова и по указанію лѣсничаго. Симъ занимались избранные риторики и философы и прикомандированные изъ третьяго класса синтаксимы. 1-го мая часамъ къ 12-ти почти все было готово: въ избранномъ мѣстѣ поставлены столъ и стулья, въ отгороженномъ мѣстѣ стояли самовары, вся нужная посуда, бутылки, графины, штофы и боченки съ водкой, которая отпускалась на половину дешевле отъ откупа, чтобы не было только поднесенной понапрасну отъ какого-то Игнашка, жившаго верстахъ въ 4-хъ отъ Еловщины и искусно приготовлявшаго разные пуншевые напитки; водка приготовлялась по вольнымъ цѣнамъ; запасъ оной въ потребномъ количествѣ производился риторами и философами, которые искусно исправляли свою должность, никогда не боясь объѣздчиковъ; напротивъ, объѣздчики ихъ боялись, потому что имъ случалось при нападеніи претерпѣвать страшныя потасовки и мордобитія. Это была партія удаль-

цовъ, услуживавшая богословамъ, особенно во время говоренія проповѣдей. По заведенному порядку такой проповѣдникъ угощалъ товарищей водкой, закуской, чаепитіемъ и пуншаціей; для проформы только бралось кварты двѣ откупной водки и штофа два пуншевой, а между тѣмъ не меньше ведра и нѣсколько штофовъ спирта для пунша—вольной. Часу во второмъ начинали сходиться семинарскіе и уѣздные учителя и пріѣзжали префектъ и прочіе начальствующіе, а потомъ приглашенные гости. Здѣсь приготовлена была эстрада и закрытое простынями мѣсто и выпрошенный шалашъ, гдѣ приготовлялись къ представленію комедій и трагедій. Декораціонная одежда была приготовлена. Я помню, какъ представлялась трагедія „Дмитрій Самозванецъ“ [1]). Участвовали въ представленіи одни только богословы и философы, но женскія лица были изъ риторовъ. Коррекція до того дѣлалась въ самомъ большомъ классѣ, въ Риторикѣ. Въ воскресный день послѣ обѣда каждый исправно заучивалъ свою роль, и здѣсь, въ Еловщинѣ, заученное и уже коректованное представлялось. Помню, нашъ учитель и Затворницкій были стражами и стояли съ алебардами въ рукахъ при входѣ въ загородь. На срединѣ стояли 12 человѣкъ воиновъ съ обнаженными саблями, по 6 душъ на каждой сторонѣ. Началось представленіе... На тронѣ сидитъ Димитрій, возлѣ него жена его Марина. Тамъ идутъ сцены изъ трагедіи, и вдругъ вбѣгаютъ новые воины, бьются на шпагахъ... Два воина приступаютъ къ Димитрію, одинъ хватаетъ его сзади, а другой пронзаетъ... Кровь льется изъ приготовленнаго пузыря съ налитымъ бураковымъ квасомъ. Падая, Димитрій успѣваетъ еще произнесть:

Иди, душа, во адъ и буди вѣчно плѣнна!..
О, еслибы со мной погибла вся вселенна“!

Марина лежитъ въ обморокѣ. Во время сего сраженія одному богослову отрубили кончикъ носа. Сцена оканчивается тѣмъ, что Марину уносятъ. Своя избранная музыка играетъ печальный маршъ. Въ этомъ оркестрѣ было нѣсколько и город-

---

[1]) Трагедія А. П. Сумарокова.

скихъ музыкантовъ, съ охотой сюда присоединившихся ради попойки. Оркестръ составляли скипки, басъ, кларнеты, флейты и бубны...

Послѣ этого начинается винопитіе стаканами. Впрочемъ, для дамъ были заготовлены рюмки. Далѣе идетъ чаепитіе, пуншъ, водки, закуски и разные конфекты, начались пѣсни и пляски разныхъ сортовъ. Гости и начальство часу въ первомъ расходятся и разъѣзжаются, а семинаристы остаются допивать и догуливать. На другой день въ классъ почти никто не приходитъ. На мѣстѣ гулянія никто изъ уѣздниковъ не имѣетъ права оставаться, и въ 10 часовъ вечера всѣ группами отправляются въ свои квартиры. Такъ какъ все нужно привести въ порядокъ и взятое доставить въ цѣлости обратно, то по назначенію учителей на мѣстѣ гулянія оставлялось нѣсколько душъ для присмотра за посудою и прочимъ имуществомъ и для сопровожденія онаго. Здѣсь были разбиты лавочки съ пряностями и прочими сладостями. Уѣздники бросали (*пропущено*), и если застрянетъ на верху шалаша, значитъ—выигралъ, а упадетъ—проигралъ. Во многихъ кучкахъ шли игры въ свайку, въ мячъ... Вообще время проводили съ большимъ наслажденіемъ.

15-го и 30-го мая, хотя и были рекреаціи, но уже не было прогулокъ въ Еловщину. Учителя играли въ кегли, а мальчики на лугу въ мячъ, въ бабки, ходили на Десну, купались, а охотники удили рыбу, иногда съ большой удачей.

Наступалъ іюнь мѣсяцъ, и всѣ усердно принимались за книги, т. к. приближались экзамены, а съ ними вмѣстѣ и участь переводовъ въ высшіе классы. Большая часть учениковъ ревностно занималась приготовленіемъ къ сдачѣ экзаменовъ, и только лѣнивцы погуливали. Едва придешь изъ класса, не успѣешь пообѣдать, а уже книга въ рукахъ, а тутъ нужно опять идти въ классъ, пришедши изъ коего, до сумерекъ опять сидишь за книгою.

Вставши рано, готовишься сдать домашнему учителю уроки и выслушать поясненія, что иногда не обходится безъ сѣкуцій розгами; а сколько придется на долю каждаго *паль*! Послѣ этого готовится завтракъ: у богатыхъ часто или почти каждо-

дневно блины, у бѣднѣйшихъ—хлѣбъ, сало, а въ постные дни—какая-нибудь соленая рыба, или просто нальютъ въ миску воды, всыплютъ побольше олеи, накрошатъ хлѣба и ложками хлебаютъ, послѣ чего идутъ въ классъ. Авдиторы выслушиваютъ учениковъ, записываютъ въ эраты „знавъ", „не знавъ", кладутъ эраты на кафедрѣ... Приходитъ учитель, беретъ эраты и пересматриваетъ, затѣмъ незнавшихъ посылаетъ къ порогу, а тамъ prorsus nescit начинается сѣкуція; подымается съ парты центоръ, беретъ съ печки пукъ длинныхъ березовыхъ розогъ... Крикъ, просьбы... а учитель кричитъ: „дери его каналію"! Потомъ все замолкаетъ: слышно, какъ муха пролетитъ.

Учитель начинаетъ повѣрять сомнительныхъ авдиторовъ, потомъ поясняетъ, дѣлаетъ устныя задачи или заставляетъ переводить изъ латинской христоматіи. Потомъ слѣдуетъ урокъ латинскаго и русскаго языковъ, иногда и ариѳметики. Затѣмъ приходитъ учитель греческаго языка Дорошенко, человѣкъ болѣе мягкій, простоватый, рѣдко наказывающій. Начинается переводъ Новаго Завѣта съ греческаго языка на русскій. Просиживаетъ онъ два часа, а тутъ съ нетерпѣніемъ ждутъ колокольчика. Наконецъ, въ 12 часовъ раздается звонокъ. Занятія кончаются... Всѣ берутся за шапки; первый ученикъ читаетъ молитву „Достойно есть", и всѣ за учителемъ выходятъ. Въ два часа послѣ обѣда очередной учитель приходитъ, задаетъ упражненія или переводы. Кто успѣлъ, скорѣе подаетъ тетрадь, учитель тутъ же подписываетъ. Къ пяти часамъ почти всѣ кончаютъ. Учитель, просмотрѣвши, подчеркиваетъ ошибки и даетъ иногда столько паль, сколько ошибокъ, такъ что иногда приходится очень страдать. Въ иные дни послѣ обѣда назначается нотное пѣніе, а иногда ариѳметика и русская грамматика.

Такъ со дня на день шла наука уѣзднаго училища. Въ субботу послѣобѣденныхъ классовъ не бывало, а всѣ должны были приходить на вечерню и заутреню, совершаемыя съ вечера въ зимнее время въ классѣ словесности, потому что церковь въ то время не отапливалась; по утру же на литургію позволялось уѣздникамъ по близости ходить въ приходскія церкви, за чѣмъ наблюдали старшіе.

Такъ проходятъ два года.

Въ низшемъ отдѣленіи учитель Гордіевскій тоже оканчивалъ Богословіе: онъ былъ изъ студентовъ и говорилъ хорошо проповѣди, но только былъ неаккуратный человѣкъ. Помню, какъ онъ однажды послѣ произнесенія проповѣди въ послѣдній годъ на веснѣ пригласилъ сотоварищей на водку. Одѣтъ онъ былъ съ иголочки, въ новое платье—фракъ, брюки, сапоги съ шелковыми китицами, и залилъ платье соусомъ изъ-подъ жаркого. Тогда онъ позвалъ жида портного и отдалъ ему для перешитья. Это платье было уже приготовлено для женитьбы. Онъ вскорѣ по окончаніи курса женился на Кушакевичевой въ Нѣжинѣ, гдѣ былъ священникомъ и членомъ Духовнаго Правленія. Въ бытность мою уже священникомъ, лѣтъ черезъ десять послѣ постриженія, я посѣщалъ его въ Нѣжинѣ, гдѣ онъ имѣлъ собственный домъ. Онъ жаловался, что у него одинъ сынъ, да и тотъ не захотѣлъ учиться; онъ воспитывалъ его въ гимназіи. Теперь онъ почти что бродяжничаетъ. Дочь же онъ выдалъ за священника въ томъ же уѣздѣ.

Хотя мой бывшій учитель и жилъ въ небогатой обстановкѣ, но принялъ меня радушно: мы выпили по два пунша съ ромомъ, затѣмъ водки и хорошо закусили. Онъ далъ мнѣ въ проводники пономаря, потому что была уже ночь, и я могъ не найти своей квартиры и заблудиться. (Въ Нѣжинѣ я обыкновенно останавливался у рѣзчика и позолотчика, который взялся позолотить въ нашей церкви царскія врата и сдѣлать кіотъ съ рѣзьбой, иконописью и позолотой). Теперь Гордіевскій, вѣроятно, уже умеръ, такъ какъ почти ослѣпъ и бросилъ службу. Онъ окончилъ семинарію, вѣроятно, не раньше 30 лѣтъ отъ роду. Я ему много благодаренъ: онъ первый направилъ меня къ наукамъ и вобще отличался добрымъ характеромъ.

При поступленіи въ уѣздное училище вмѣсто инспектора былъ префектъ Александръ Власіевичъ Огіевскій. Впослѣдствіи онъ былъ учителемъ риторики, а по выходѣ изъ семинаріи—каѳедральнымъ протоіереемъ. Онъ долго былъ экономомъ надъ казеннокоштными, и отъ него непосредственно зависѣла покупка дровъ и вообще всего содержанія казеннокоштныхъ. Онъ былъ очень

дѣятеленъ: лично самъ закупалъ все необходимое, часто слѣдомъ провожалъ подводы и присутствовалъ при пріемѣ. Однако же, видно, онъ не былъ настолько жаденъ и корыстолюбивъ, чтобъ нажить огромное состояніе: бывши въ сей должности около 30 лѣтъ, онъ оставилъ состояніе тысячъ въ 15. Правда, въ семейной жизни онъ былъ несчастливъ и жалокъ: жена его была идіотка, почти помѣшанная. У него былъ одинъ сынъ, да и тотъ не захотѣлъ учиться и рано умеръ, а изъ двухъ дочерей одна очень рано вышла замужъ за профессора Давидовскаго, сотоварища дяди Павла Есманскаго. Онъ свое учебное поприще окончилъ въ Могилевской губерніи, а теперь живетъ въ отставкѣ въ Черниговѣ, получая по старому окладу небольшой пенсіонъ. Другая дочь вышла тоже за профессора Кучеровскаго. Эта послѣдняя съ семействомъ имѣетъ хорошія средства живя въ домѣ отца, впрочемъ раздѣленномъ съ семействомъ Давидовскаго.

Въ сіе время ректоромъ семинаріи былъ архимандритъ Θеофилъ. Я только и помню его, когда онъ ходилъ по всѣмъ классамъ и прощался съ учениками: онъ уѣзжалъ на очередь въ Синодъ. Это былъ высокій господинъ, брюнетъ, долголицый, съ высокою тростью. Онъ останавливался среди класса и говорилъ прощальное слово, такъ что, говорятъ, во всѣхъ классахъ доводилъ учителей и учениковъ до слезъ. Впослѣдствіи онъ былъ преосвященнымъ въ какой-то епархіи. Вообще о немъ сохранилось воспоминаніе, какъ о добромъ начальникѣ. О немъ уже умершій архимандритъ Илларіонъ разсказывалъ такой анекдотъ: въ одно время ему захотѣлось французской водки и хорошей икры. Онъ далъ своему келейнику потребныя на покупку деньги и послалъ его пѣшкомъ въ Нѣжинъ. Келейникъ все это исправно ему доставилъ. Вѣроятно, тогда въ Черниговѣ этого нельзя было достать, а въ Нѣжинѣ тогда была широкая греческая торговля. Впослѣдствіи почти всѣ купцы переселились въ Одессу, Николаевъ и Таганрогъ, оставивъ однако же по себѣ память въ Нѣжинѣ постройкою греческаго монастыря и другихъ благотворительныхъ заведеній, которыя поддерживаются горстью оставшихся небогатыхъ греческихъ семействъ.

Ректоръ выѣхалъ изъ Чернигова въ послѣдній годъ моего пребыванія въ низшемъ отдѣленіи. Помню, послѣ Рождества, вѣроятно въ 17-мъ году, по окончаніи ученія и экзамена я былъ назначенъ къ переводу въ высшее отдѣленіе. А тутъ наступила и реформа: прибыли послѣ каникулъ изъ С.-Петербургской академіи три профессора: Никольскій, Доброзраковъ и Образцовъ.—Я перешелъ въ высшее отдѣленіе во второмъ разрядѣ высоко. Здѣсь уже были новые учителя по латинскому языку: Иванъ Ивановичъ Силятицкій, уже женатый человѣкъ, имѣвшій свой домъ на валу, гдѣ была впослѣдствіи почтовая контора или почтамтъ. Это былъ мужчина высокаго роста, блондинъ, немного даже рыжеватый. Онъ, кажется, былъ въ тогдашней Кіевской Духовной Коллегіи, отлично зналъ французскій языкъ, который и преподавалъ въ семинаріи, говорилъ хорошія проповѣди, но любилъ выпивку. Когда онъ приходилъ въ классъ покраснѣвшимъ, особенно около шеи, тогда приходилось ученикамъ нерѣдко быть сѣченными и притомъ жестоко. Его боялись, какъ демона. Однако въ иные дни онъ до того былъ тихъ и скроменъ, что даже никого не поставитъ на колѣна у порога. Впослѣдствіи онъ былъ соборнымъ священникомъ, но въ концѣ концовъ распился въ высшей степени, былъ переведенъ въ Сосницу въ соборъ. Впослѣдствіи онъ былъ лишенъ сана и сданъ въ военную службу, гдѣ былъ воспитателемъ дѣтей у полкового командира, и послѣ вскорѣ умеръ.

Онъ преподавалъ въ этомъ классѣ и другіе предметы: русскую грамматику, ариѳметику, географію.—Другой учитель былъ священникъ о. Дмитрій Стефановскій, настоятель Срѣтенской церкви, близъ коей имѣлъ собственный домъ. Это былъ человѣкъ небольшого роста, слащавенькій, бѣленькій, съ острою бородкой. Онъ обладалъ весьма перемѣнчивымъ характеромъ. Преподавалъ онъ греческій языкъ. Занятія состояли въ переводѣ изъ христоматіи или Новаго Завѣта. Послѣ обѣда преподавалъ нотное пѣніе, а въ другихъ классахъ—греческія упражненія или переводъ съ греческаго на русскій. Характера онъ былъ мягкаго, но взбалмошный, придирчивый и безрезонный, за что часто подвергался насмѣшкамъ учениковъ, коихъ въ выс-

шемъ отдѣленіи было болѣе ста душъ. Меня онъ постоянно звалъ шалуномъ и безъ всякой, иногда, съ моей стороны шалости кричалъ: „Кистяковскій шалитъ"! Онъ часто заставлялъ меня отвѣчать ему: „Ваше Высокопреподобіе, смотрите—я занимаюсь усердно книгою". Въ отвѣтъ раздавалось: „шалунъ, ступай до порога! Нужно повиноваться". Впрочемъ, этимъ дѣло и кончалось, но все же это нерѣдко повторялось, чѣмъ онъ учениковъ доводилъ до смѣха. Часто ученики вставали и говорили: „уже второй колокольчикъ пробилъ; Ваше Высокопреподобіе, пойдемъ изъ класса"! Онъ отвѣчаетъ: „я не слышалъ", а между тѣмъ заставляетъ читать выходную молитву. Въ то самое время бьетъ колокольчикъ, и ему говорятъ, что это вѣрно звонятъ, чтобы онъ скорѣе отпустилъ учениковъ. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ соборнымъ ключаремъ и протоіереемъ. Въ сей годъ прибылъ новый ректоръ, архимандритъ Мелетій Носковъ, изъ западнаго края, съ круглою большою рыжей бородою, роста средняго. Это былъ человѣкъ въ высшей степени честолюбивый: чтобы у него заслужить прощеніе всякой вины или получить какую-нибудь милость, стоило только упасть ему въ ноги, и онъ все сдѣлаетъ по желанію.—У него совершенно было польское обхожденіе и даже акцентъ.—Преосвященный Михаилъ былъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ и Новгородскимъ; его до сего времени года три не было въ Черниговѣ: онъ былъ членомъ Сvнода, и консисторія или дикастерія вела дѣло, сносясь письменно съ своимъ архипастыремъ. Рукополагались въ Кіевѣ въ священники и діаконы, а причетниковъ рукополагалъ ректоръ семинаріи.

Такъ шло ученіе въ высшемъ отдѣленіи. Квартира уже находилась не у Муляревской, а у Кострицы, ближе къ Красному мосту, на той же Богоявленской улицѣ. Домашнимъ учителемъ былъ Филиппъ Ивановичъ Виноградскій, самый слабенькій богословъ, такъ что переводъ изъ Корнелія Непота имѣлъ онъ подъ рукою русскій, и вообще мало способствовалъ улучшенію познаній.—На другой годъ въ высшемъ отдѣленіи мы перешли тоже вмѣстѣ съ Воронкевичами за Красный мостъ къ В (*не разобрано*), гдѣ я проквартировалъ почти до богословія, а

съ оной поступилъ на кондицію къ Веприцкому и прочимъ, съ которой уже и поступилъ въ домъ по окончаніи наукъ, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Здѣсь, на другой годъ уже, у меня былъ домашнимъ учителемъ Иванъ Григорьевичъ Кульжинскій, изъ первыхъ учениковъ богословія. Онъ только поутру выслушивалъ мои уроки, дѣлалъ толковыя поясненія, въ прочее же время до него не было доступа. До Рождества я сдѣлалъ большіе успѣхи и пріобрѣлъ солидныя знанія, но, отправившись на Рождество домой, помню, возомъ въ сильный морозъ, такъ сильно простудился, что послѣ горячки проболѣлъ всю треть, долго не ходилъ ногами, такъ что меня носили на простынѣ, и только въ половинѣ поста, при усердномъ пользованіи березнинскаго доктора Гавріила Васильевича Самарскаго, началъ ходить по комнатѣ. Докторъ усердно пользовалъ меня, помня прежнюю благодарность матери, когда она снабжала его всякою провизіею изъ экономіи, какъ экономическаго доктора. Онъ черезъ недѣлю пріѣзжалъ навѣщать и бралъ только за выписываемыя лѣкарства, не требуя особеннаго вознагражденія, между тѣмъ, какъ говорятъ, онъ порядочно бралъ за визиты, нажилъ хорошее состояніе, имѣлъ много полей, сѣнокосовъ и лѣсовъ. Сынъ все это продалъ за половину стоимости.

Къ этому времени прибылъ на паству преосвященный Симеонъ. Говорятъ, онъ былъ изъ дворянъ, готовясь быть пастыремъ, но послѣ слушалъ еще монахомъ въ С.-Петербургской Академіи Богословіе и хиротонисованъ въ архіереи. Говорятъ, онъ былъ весьма ученый мужъ, но характера пылкаго: при одѣваніи его для служенія въ архіерейскія облаченія поддіаконамъ и прочимъ приходилось получать порядочные „стусаны". Онъ былъ роста средняго, съ продолговатымъ лицомъ, острымъ носомъ и небольшою бородкою, блондинъ, даже нѣсколько рыжеватый; на лицѣ замѣтны веснушки. На экзаменъ онъ являлся и въ нашъ классъ, въ высшее отдѣленіе Уѣзднаго Училища, вызывалъ самъ учениковъ къ столику, дѣлалъ вопросы и отвѣты принималъ благосклонно. Если кто не зналъ, онъ велѣлъ отвѣчать то, что ученикъ зналъ изъ сего предмета, заставлялъ переводить съ греческаго языка священное писаніе,

Часто обращаясь къ учителямъ, онъ говорилъ: „методъ вашего преподаванія требуетъ улучшенія“. Всѣ съ трепетомъ боялись промолвить слово.

Къ ученикамъ вообше онъ былъ снисходителенъ, но къ наставникамъ строгъ и внушителенъ. Съ учениками онъ занимался безъ утомленія и далеко дольше просиживалъ послѣ колокольчика. Чаще всего онъ обращался къ инспектору архимандриту Іерониму, своему постриженнику, говоря: „я Вамъ предоставляю полное право въ переводѣ учениковъ въ словесность, какъ здѣшнихъ, такъ и изъ Новгородъ-Сѣверска, а потому рекомендую Вамъ самимъ раньше отправиться туда, чтобы не стѣснять тамошнее училище ожиданіемъ“. Слова преосвященнаго имѣли большое вліяніе на переводъ учениковъ, что будетъ видно ниже изъ моего перевода въ словесность.—Архимандритъ Іеронимъ былъ очень красивый мужчина, лѣтъ 28, роста средняго, бѣлъ лицомъ, съ каштановыми волосами, съ весьма правильнымъ носомъ, губами и голубыми глазами. Монашеская одежда удивительно шла къ его лицу, и молодыя женщины просто влюблялись въ него, да онъ и самъ не прочь былъ. Монашеская ряса его скоро сгубила. Онъ жилъ здѣсь въ семинаріи, иногда служилъ обѣдню, и тогда бывало полно народу, особенно женщинъ высшаго черниговскаго круга. Нерѣдко онъ зазывалъ своихъ знакомыхъ изъ церкви на чай, и любимый его келейникъ подходилъ къ назначеннымъ лицамъ и передавалъ приглашенія. За то его постоянно обсылали то сдобными хлѣбами, то вареньемъ, пастилами и пр. Онъ часто ѣздилъ на вечера къ знакомымъ, и даже часто за нимъ присылались кареты отъ Милорадовича, Шафонскаго, губернатора и прочихъ. Онъ былъ очень любимъ, вслѣдствіе чего было очень много нелѣпыхъ наговоровъ на счетъ его жизни.

Въ сіе время прибылъ еще новый профессоръ изъ С.-Петербургской духовной академіи, Михаилъ Андреевичъ Максимовичъ, сынъ Тобольскаго преосвященнаго. Онъ былъ мужчина высокаго роста, очень красивый, лѣтъ 30, блондинъ, всегда съ розовымъ лицомъ. Онъ одѣвался зимою въ бобровую шинель, какой одежды никто не имѣлъ въ Черниговѣ, сюртукъ тоже

носилъ на дорогомъ мѣху. Онъ имѣлъ слабость выпивать, отчего уклонялся отъ общества. Онъ недолго пробылъ въ семинаріи, года полтора, и выѣхалъ на службу въ Петербургъ и впослѣдствіи былъ большимъ чиновникомъ въ какомъ-то министерствѣ, по крайней мѣрѣ по слухамъ.

Вышеописанная болѣзнь моя имѣла послѣдствіемъ то, что я не былъ назначенъ къ переводу въ словесность, хотя я, прибывши изъ воскресенья, послѣднюю треть усердно занимался и многимъ назначеннымъ къ переводу не только не уступалъ, но даже превосходилъ. Однако, оба мои учителя даже не обратили на меня вниманія, только что не назначивъ меня къ исключенію. Но Промыселъ Вышняго совсѣмъ иначе устроилъ мой бытъ: по прибытіи на вакаціи я былъ все все скученъ, не хотѣлъ начать заниматься, особенно науками, говоря часто матери, что меня не переведутъ, а это мое несчастіе. Мать моя хотя и была простая женщина, но понимала дѣло, знала, что причиною всего была моя болѣзнь, заставившая меня пропустить цѣлую треть, и начала меня утѣшать, что она вмѣстѣ со мною поѣдетъ въ Черниговъ. Я обрадовался и посовѣтовалъ матери пригласить садовника Марка, который почиталъ ее, какъ мать, женившись уже вдовцомъ на воспитанницѣ матери, дѣвкѣ Иринѣ, которая и въ Кіевъ съ нами ѣздила, и имѣла почти одинъ столъ съ нами безъ гостей, и вообще была всѣми нами любима. Мать позвала садовника Марка, угостила его наилучшимъ образомъ и просила его къ 28-му августа приготовить наилучшихъ плодовъ изъ оранжерей, упаковать ихъ и доставить въ цѣлости въ Черниговъ. Онъ согласился съ большимъ удовольствіемъ, сказавъ, что будетъ приготовлена сотня наилучшихъ абрикосовъ, такихъ же полсотни персиковъ и двѣ пары ананасовъ, потому что ихъ немного осталось: главноуправляющій Богунъ забралъ полсотни для варенья и для отсылки въ Петербургъ, да десятокъ для себя. Накунунѣ 28-го числа все это было принесено имъ самимъ вмѣстѣ со сторожемъ оранжерей, уложено наилучшимъ образомъ, а 28-го августа мы отправились въ Черниговъ, пріѣхавъ просто на квартиру къ Высокоцкой, гдѣ я прожилъ до „Богословія“, пока не поступилъ на кондицію сперва къ Дебрянскому, а потомъ къ

купцу Веприцкому, гдѣ я имѣлъ постоянную квартиру до окончанія курса. 29-го августа, въ день Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, мы явились рано къ инспектору Іерониму. Онъ готовился идти на литургію въ церковь св. Варвары, такъ какъ въ семинарской церкви служенія не было.—Два большія блюда, взятыя нами у хозяйки, наполнены были привезенными плодами и завязаны въ бѣлыя, какъ снѣгъ, салфетки. Мать моя была довольно прилично одѣта, въ шелковое платье цвѣта вороньяго крыла съ такимъ же чернымъ платкомъ на шеѣ. Голова была повязана такимъ же шелковымъ, по тогдашней цѣнѣ дорогимъ, платкомъ. Пришедши въ переднюю, мы просили келейника доложить о нашемъ приходѣ отцу архимандриту, и на стоявшемъ въ углу столѣ мы поставили плоды въ развязанныхъ и раскрытыхъ салфеткахъ. О. архимандритъ вышелъ изъ своихъ покоевъ въ шелковой рясѣ съ наперснымъ крестомъ, сперва обратилъ вниманіе на насъ, потомъ на плоды, и видимо былъ восхищенъ. Затѣмъ онъ спросилъ мою мать: „Вы, вѣрно, священница, а это вашъ сынъ". Мать отвѣчала: „по несчастію, капитанша 2-ымъ бракомъ, а сынъ мой изъ принятыхъ въ духовное званіе и обучается подъ Вашимъ вѣдѣніемъ въ черниговскомъ уѣздномъ училищѣ. Онъ внимательно разспросилъ насъ, прося пожаловать въ первую комнату и присѣсть. Мать сѣла, а меня онъ заставлялъ сѣсть, но я не сѣлъ. Онъ замѣтилъ у меня слезы и тутъ же сказалъ: „не безпокойся: по желанію твоей родительницы и твоему все будетъ сдѣлано мною". Затѣмъ онъ нѣсколько разъ благодарилъ мать за принесенные плоды, т. к. они представляли рѣдкость, какой онъ и не думалъ найти въ Черниговѣ. Послѣ этого онъ сказалъ: „я иду въ церковь св. Варвары за брамою, пожалуйте и вы туда же, а послѣ служенія ко мнѣ откушать чай; тогда мы поговоримъ, и все, что нужно вашему сыну, я сдѣлаю". И замѣтивъ слезы и у матери, прибавилъ: „не безпокойтесь, матушка". Тогда же онъ велѣлъ своему келейнику внести плоды въ его спальню, сказавъ: „послѣ чаю вы получите свои блюда". Мы отблагодарили его и вышли, а онъ догналъ насъ почти на паперти церковной. Мать и я

поклонились, на что онъ отвѣтилъ. По выходѣ изъ церкви, послѣ литургіи, мы стояли въ сторонѣ, и только что онъ вышелъ, какъ вскорѣ прибѣжалъ въ церковь его келейникъ и, отыскавши насъ, передалъ отъ архимандрита приглашеніе пожаловать сейчасъ же на чай. Мы вмѣстѣ отправились. Іеронимъ поднесъ матери большую просфору, просилъ мать сѣсть и, когда я не осмѣливался сѣсть, онъ насильно усадилъ меня. Келейникъ поставилъ стулъ къ столу. Подали ароматическій чай, за коимъ онъ вошелъ во всѣ подробности, затѣмъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, переведенъ ли я въ „словесность". Я, вставши, началъ говорить, что я предпослѣднюю треть былъ боленъ и, хотя послѣ Воскресенія старался наверстать все пройденное, но не знаю, почему меня ни одинъ учитель, особенно Силятицкій, не спросилъ, а потому, вѣроятно, не переведенъ. Онъ тотчасъ же взялъ списки, лежавшіе на угловомъ столикѣ, спросилъ еще мою фамилію и съ довольною улыбкою сказалъ: „далеко, братишко, тебя затаскали: предпослѣднимъ въ третьемъ разрядѣ ученикомъ, остающимся за неуспѣшность и болѣзнь въ теченіе цѣлой трети, поведенія же хорошаго; но такъ не будетъ". Онъ тотчасъ же присѣлъ къ столику, вытеръ или зачеркнулъ мою фамилію и перенесъ во второй разрядъ, высоко, къ переводу, гдѣ на маринесѣ отмѣтилъ: „по испытаніи моемъ удостоивается къ переводу". Онъ велѣлъ подойти къ нему и прочитать; я хотѣлъ упасть въ ноги, но онъ подхватилъ меня, и я поцѣловалъ его благословенную руку, а онъ поздравилъ меня словесникомъ со словами: „дай Богъ, съ моей руки, чтобы ты благополучно окончилъ курсъ наукъ, а на утѣшеніе твоей пекущейся родительницы былъ добрымъ священникомъ". Затѣмъ онъ обратился къ матери: „изъ словъ Вашихъ я вижу, что Вамъ недобро живется съ Вашимъ мужемъ. Если Вы желаете, я замѣщу Вашего сына на полное казенное содержаніе, но моя просьба къ Вамъ, не можете ли мнѣ доставить горшковъ пять цвѣтовъ окошечныхъ изъ оранжерей? за доставку я заплачу". Мать отвѣтила, что исполнитъ это съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ ей это ничего не будетъ стоить". Онъ благодарилъ, и мы, взявши бла-

госклонное его благословеніе, отправились въ квартиру, получивши обратно блюда и салфетки. Мать дорогой замѣтила, что она давно не пила такого душистаго чаю. Мы пришли на квартиру съ большимъ удовольствіемъ и спокойствіемъ. Я былъ внѣ себя отъ радости и будущей надежды, какую во мнѣ поселилъ архимандритъ своимъ вниманіемъ и обѣщаніемъ. При отпускѣ онъ сказалъ матери: „пришлите мнѣ указъ о принятіи Вашего сына въ духовное званіе: я, что могу, все сдѣлаю для него на пользу Вашу". Но судьбы Божіи неисповѣдимы, предопредѣленію Его всѣ повинуются. Въ половинѣ сентября онъ заболѣлъ сперва лихорадкою, причиной которой, полагаютъ, были частыя ночныя прогулки; онъ сильно былъ привязанъ къ дому купца К (*не разобрано*), нынѣ принадлежащему Дорошевскому, возлѣ Краснаго моста. У него была дочь, молодая, здоровая и красивая дѣвушка. Вотъ здѣсь то онъ и засиживался. Вскорѣ лихорадка превратилась въ горячку.—Когда къ концу сентября былъ доставленъ цѣлый возъ цвѣтовъ въ горшкахъ и при оныхъ указъ, я настолько былъ простъ, что не удержалъ его при себѣ, а отдалъ на руки, не помню, какому-то изъ учителей; впрочемъ, доставившему вынесено было двѣ рюмки водки и полная жменя мѣдныхъ, при чемъ я отдалъ еще 10 лимоновъ и 10 апельсиновъ, за которые очень меня благодарили, потому что въ Черниговѣ не было вовсе еще въ продажѣ.—Самый же мой переводъ не остался безъ злостныхъ послѣдствій.

2-го сентября учитель Силятицкій читалъ переводные списки; онъ и помощникъ инспектора, читая, не упомянулъ моей фамиліи. Ученики тотчасъ же бросились почти бѣгомъ со второго этажа внизъ, въ словесность. Я остаюсь и плачу, а между тѣмъ вбѣгаетъ архимандритъ, сначала обращается къ Силятицкому, потомъ, завидѣвши меня, вдругъ съ досадой спросилъ: „зачѣмъ ты не идешь въ назначенный тебѣ классъ"? Я сказалъ: „г. учитель не читалъ моего имени и фамиліи". Онъ съ азартомъ вскричалъ: „какое вы имѣете право распоряжаться моими поста-

новленіями"? Тотчасъ подойдя ко мнѣ, онъ велѣлъ мнѣ за собой идти, а учителю сказалъ: „берегитесь и будьте впредь осторожнѣе!" Онъ ввелъ меня въ „словесность", обратился къ ученикамъ со своими наставленіями, упомянувъ при семъ, что по испытаніи его удостоенъ перевода и Кистяковскій. „Я надѣюсь, — прибавилъ онъ, что онъ будетъ стараться и успѣвать по силѣ своихъ способностей". Вышедши, онъ пошелъ въ другой классъ уѣзднаго училища.—Переводъ мой имѣлъ большое вліяніе на весь ходъ моей науки и ея послѣдствія. Не знаю, что было-бы, еслибы архимандритъ прожилъ по крайней мѣрѣ до окончанія мною семинаріи; но иначе устроилось съ его жизнію: въ началѣ октября горячка усилилась и превратилась въ бѣлую горячку. Сначала его пользовалъ семинарскій докторъ Шигринъ, старикашка нѣмецъ, послѣ Гинтеръ и прочіе, тоже не отличавшіеся большими познаніям. Онъ въ припадкѣ бѣлой горячки зарѣзался. Вся семинарія съ горестью услышала о его смерти.

Настали похороны. Архіерей Симеонъ и два архимандрита, ректоръ Мелетій и архимандритъ Іовъ Домницкій (онъ былъ и экономъ Троицкаго архіерейскаго дома), служили еще съ тремя священниками обѣдню въ семинарской церкви, а профессоръ Максимовичъ сказалъ надгробное слово изъ псалма Давидова на текстъ: „блаженъ путь, въ онь же идетъ душа твоя, зане уготовася тебѣ мѣсто упокоенія". Это слово вызвало плачъ, даже навзрыдъ. Тѣло несли богословы-философы и даже словесники, потому что у насъ ихъ было душъ двадцать довольно лѣтнихъ. Они почти всѣ не окончили и не пошли далѣе „философіи" по тогдашнему времени, но почти всѣ достигли священническаго сана. Преосвященный ѣхалъ въ каретѣ и ректоръ въ своей; они останавливались и выходили изъ кареты, когда читалось Евангеліе. Тѣло несли въ Елецкій монастырь, гдѣ оно и погребено близъ церкви. Тамъ былъ въ ректорскихъ комнатахъ приготовленъ и обѣдъ. Ученики отправились по домамъ, потому что и уѣздники всѣхъ классовъ должны были провожать. Я настолько

былъ опечаленъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ простъ и беззаботенъ, что не похлопоталъ тогда же о своемъ указѣ, чтобы получить его обратно и отправить въ свой домъ, а это причинило большія непріятности и хлопоты впослѣдствіи, какъ это будетъ ниже видно.

(Продолженіе будетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Нѣсколько словъ къ портрету Н. И. Костомарова. Прилагаемый къ настоящей книгѣ «Кіевской Старины» портретъ Н. И. Костомарова, изображающій его въ самую цвѣтущую и дѣятельную пору его жизни, снятъ съ портрета, помѣщеннаго въ альбомѣ, который въ настоящее время составляетъ большую библіографическую рѣдкость и который былъ выпущенъ въ 1861—1862 годахъ подъ названіемъ: «Портреты украинскихъ писателей, изданные Д. Каменецкимъ». Это—тотъ Данило Семеновичъ Каменецкій, который первый сталъ издавать малорусскія книжечки крошечныхъ размѣровъ, получившія названіе «метеликовъ», и выпустилъ ихъ въ теченіе 1860—1862 годовъ около 40, давши имъ общее названіе «Сильска Библіотека». Тогда же имъ былъ изданъ маленькій сборничекъ украинскихъ пѣсенъ съ мотивами, котораго вышелъ только первый выпускъ, заключающій въ себя десятокъ пѣсенъ. Кромѣ того, ему принадлежитъ напечатанная въ Москвитянинѣ 1855 года (№ 11) статья: «О народныхъ южно-русскихъ пѣсняхъ, изданныхъ А. Л. Метлинскимъ, и о рецензіи на эту книгу Отечественныхъ Записокъ».

Альбомъ, о которомъ мы говоримъ, вышелъ въ двухъ выпускахъ, изъ которыхъ первый былъ изданъ роскошнѣе и заключалъ въ себѣ литографированные въ Парижѣ портреты Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша и Т. Г. Шевченка; во второмъ же выпускѣ, изданномъ болѣе скромно, были помѣщены литографированные у А. Червякова въ Петербургѣ портреты Е. П. Гребенки, Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка и И. П. Котляревскаго.

Настоящій снимокъ портрета Н. И. Костомарова снятъ съ экземпляра, принадлежавшаго Т. Г. Шевченку, которому былъ пода-

ренъ самимъ Н. И. Костомаровымъ, и представляющаго то достоинство, что онъ принадлежитъ къ первымъ, самымъ лучшимъ оттискамъ, которые, обыкновенно, печатаются безъ всякой подписи.

Библіотека и собраніе рукописей Н. И. Костомарова. Еще въ прошломъ году вдова Н. И. Костомарова, А. Л. Костомарова, выразила желаніе пожертвовать библіотеку своего покойнаго мужа университету Св. Владиміра, въ которомъ Н. И., какъ извѣстно, началъ свою профессорскую дѣятельность. Передача библіотеки состоялась въ февралѣ текущаго года, и въ настоящее время библіотека уже доставлена въ Кіевъ. Самая библіотека еще не разобрана, разобрано только собраніе рукописей, но судить о составѣ библіотеки можно по довольно обстоятельному ея каталогу.

Всѣхъ книгъ въ библіотекѣ около 1500 названій различнаго содержанія, на языкахъ русскомъ, польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, чешскомъ, сербскомъ, болгарскомъ, латинскомъ, англійскомъ и малорусскомъ (на послѣднемъ только 5 книгъ). Около $^2/_3$ книгъ на русскомъ языкѣ. По содержанію болѣе половины книгъ относится къ русской исторіи, и изъ нихъ около 140 названій касаются исторіи южной и западной Россіи. По исторіи русскаго языка и литературы около 200 названій, изъ которыхъ 23 сочиненія касаются малорусской словесности. По исторіи Польши болѣе 100 сочиненій, по всеобщей исторіи около 200, періодическихъ изданій 28 названій. Наконецъ, болѣе 200 сочиненій принадлежитъ къ прочимъ самымъ разнообразнымъ отраслямъ литературы.

Самымъ цѣннымъ отдѣломъ является, конечно, отдѣлъ русской исторіи. Особенно цѣнны изданія ученыхъ учрежденій. Здѣсь есть почти полныя коллекціи изданій Археографической Коммиссіи (до 1884 г.), Московскаго Общества Исторіи и Древностей, Археографическихъ Коммиссій Кіевской и Виленской, Императорскаго Географическаго Общества, Русскаго Историч. Общества. Не мало изданій Академіи Наукъ, Имп. Археологическаго Общества, Загребской Юго-Славянской Академіи. Изъ періодическихъ изданій есть полные экземпляры «Вѣстника Европы», историческихъ журналовъ, Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости за 1862—74 г.г. и др. Имѣются сочиненія Татищева, Щербатова, Карамзина, Бантыша-Каменскаго, митроп. Евгенія, Арцыбашева, Голикова, Погодина, Устрялова, Соловьева, Филарета Черниговскаго, преосв. Макарія, Забѣлина, Бѣляева, Иловайскаго, Кояловича и

др. Довольно полна коллекція малорусскихъ пѣсенныхъ сборниковъ: Максимовича (Пѣсни 1827 и Думы 1834 г.), Метлинскаго (Сборникъ 1848 и Пѣсни 1834), Лукашевича (1836 г.) и друг. Изъ старопечатныхъ книгъ имѣются: Мессія Правдивый Голятовскаго, Ариѳметика Магницкаго (1704 г.), рядъ изданій XVIII в. На иностранныхъ языкахъ также довольно много старинныхъ изданій.

По всеобщей исторіи въ библіотекѣ К—ва имѣются почти всѣ сочиненія болѣе крупныхъ историковъ. Особенно многочисленны книги по исторіи французской революціи и по исторіи итальянскихъ республикъ. Сравнительно мало книгъ по исторіи Византіи, хотя сюжетъ единственной статьи покойнаго по всеобщей исторіи былъ взятъ изъ исторіи византійской (о патріархѣ Фотіи).

Древнѣйшая изъ рукописей, принадлежавшихъ Н. И. Костомарову, восходитъ къ самому началу XVI в., это—«Новгородскаго, Копорскаго, Ладожскаго, Ореховскаго и Корельскаго уѣздовъ перепись погостамъ, селамъ и деревнямъ и находящимся въ нихъ крестьянамъ, помѣщичьимъ и монастырскимъ. Вторая половина»—1500 г. Прочія рукописи относятся къ XVII и XVIII вв. Четыре изъ нихъ представляютъ сборники, а именно: «Златы Бисеръ», родъ космографіи, переписанный въ 1715 г.; сборникъ поучительныхъ разсказовъ съ картинками, иногда нескромнаго содержанія, XVIII в.; сборникъ разсказовъ о чудесахъ Пресв. Богородицы, явленныхъ преимущественно въ г. Тихвинѣ; въ этомъ же сборникѣ житіе Алексія, человѣка Божія, повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ, о низложеніи патр. Никона, списокъ Соловецкой Челобитной, «Слово» о путешествіи архіеп. Іоанна Новгородскаго въ Іерусалимъ и обратно въ теченіе одной ночи, сказаніе о рожденіи и отрочествѣ св. Онуфрія, житіе Онуфрія Великаго и рядъ поучительныхъ разсказовъ, на одномъ изъ листовъ помѣта 1768 г.; «Сказаніе о дивномъ милосердіи Божіи и о святомъ Григоріи, папѣ римскомъ». Одна изъ рукописей содержитъ акафистъ, житіе, сказаніе о чудесахъ и служба царевичу Димитрію; въ этой же рукописи служба св. князю Роману Владиміровичу Углицкому и сказаніе объ его чудесахъ. Великолѣпно написанная и украшенная рисунками киноварью рукопись XVI или начала XVII в. заключаетъ житіе св. Стефана Пермскаго, житіе св. апостоловъ Петра и Павла и житіе св. Варлаама Хутынскаго. Интересны надписи на этой рукописи; одна изъ нихъ, писанная киноварью и находящаяся подъ заглавіемъ, гласитъ: «Сия кніга Оустюга великаго губнаго діяка Африкана Каріонова купленьная за грівну светславлю златую», другая на листѣ предъ заглавнымъ:

«Устюжскаго пермскаго бывшаго княжескаго постельничя Ефима Едрилы отъ лѣта ҂ѕѿчд до лѣта ҂зке пописахъ». Вся рукопись испещрена помѣтками на поляхъ киноварью, чернилами и карандашемъ.

Нѣсколько рукописей заключаютъ въ себѣ раскольничьи сочиненія, изъ нихъ одна озаглавлена: «Показательная исторія нѣкоего поповщины учителя, имиже христіаны потязалъ бяше и вопросомъ его отвѣты», два сборника поученій, «Повѣсть о житіи и подвизехъ и страданіи раба Божія Мемнона, пострадавшего за древле-церковное благочестіе и сожженнаго на Холмогорахъ въ лѣто ҂зсѕ (7206) 1698», «Уставъ о Крещеніи».

Три рукописи представляютъ хронографы, доведенные до XVII в. Особенно интересна рукопись въ листъ, озаглавленная «Лѣтописецъ Великія Россіи, продолжающійся по 1652 годъ» «изъ библіотеки Волынскаго 1736 года списанъ». Лѣтописью этой пользовался Татищевъ. Рукописный сборникъ in-4 содержитъ: «лѣтописецъ блаженные памети о благочестивейшемъ великомъ государе царе и великомъ князе Иоанне Васильевиче и о предкахъ его и о взятіи имъ царствующаго града Казани и злочестиваго царя Едигера и о побиении казанскихъ татаръ и о прочемъ», «Повѣсть цесаревича Диоклетиана о дву слугахъ цесарскихъ о Александре и о Лодвике», краткій перечень событій русской исторіи отъ взятія Василіемъ Іоанновичемъ Смоленска до смерти императрицы Екатерины I (1727). На рукописи помѣтки 1738 и 1734 г.г. Одна рукопись содержитъ извѣстія о походахъ и о назначеніяхъ воеводъ и др. должностныхъ лицъ съ 1492 по 1602 годъ.

Къ эпохѣ Петра В. относятся три рукописи: 1) «Исторія о зачатіи и рожденіи императора Петра перваго и о блаженной кончине государя царя и великаго князя Алексія Михайловича»; въ концѣ рукописи хронологическій перечень событій въ царствованіе Петра I съ указаніемъ возраста его во время событія». 2) «Житіе Петра Великаго», сочиненное Стефаномъ Писаревымъ». Сочиненіе это было издано дважды въ С.-Петербургѣ въ 1772 г. и въ Москвѣ въ 1788 г. Это собственно переводъ сочиненія греческаго монаха Антонія Катифора. Отъ печатнаго изданія рукопись отличается посвященіемъ имп. Елизаветѣ Петровнѣ (въ печати «Житіе» посвящено вел. кн. Павлу Петровичу), предисловіемъ и отсутствіемъ дополненій о китайскомъ государствѣ. 3-я рукопись есть списокъ съ печатнаго описанія погребенія Петра I.

Одна рукопись на бумагѣ съ клеймомъ 1780 г. заключаетъ выписки статей изъ русскихъ уголовныхъ законовъ.

Сборникъ актовъ Максаковскаго монастыря начинается съ документовъ, выданныхъ м-рю Адамомъ Киселемъ, далѣе слѣдуютъ выписи изъ гродскихъ книгъ кіевскихъ и новгородъ-сѣверскихъ, универсалы на монастырскія владѣнія гетмановъ (съ Богдана Хмельницкаго) и нѣжинскихъ полковниковъ и, наконецъ, купчія на пріобрѣтенныя монастыремъ земли.

Сборникъ подъ заглавіемъ «Kollekcya starozytnośćiów» содержитъ большею частью рѣчи, произнесенныя по разнымъ случаямъ.

Въ небольшой тетрадкѣ in-4 заключается проповѣдь на текстъ къ Солун. IV, 13—14.

Въ собраніи Н. И. Костомарова есть и отдѣльные документы. Столбцы, числомъ 8, отчасти плохо сохранившіеся, относятся къ XVII и началу XVIII в. и представляютъ проѣзжія памяти, жалованныя грамоты и т. п. (Столбцы были разобраны И. М. Каманинымъ). Рядъ писемъ, относящихся большею частью къ 1759 и слѣд. годамъ, писанъ разными лицами къ гетману Браницкому. Наконецъ, нѣсколько документовъ относятся къ Суворову; это—записка его, запись плѣнныхъ (польскихъ) безъ даты, маршрутъ похода въ Польшу (съ замѣтками на поляхъ, кажется, самого Суворова), Наставленіе, какъ поступать при встрѣчѣ съ непріятелемъ, «Военное обученіе» и «Обозрѣніе Румеліи и Булгаріи и какъ вести въ оную изъ Молдавіи и Валахіи армію, состоящую изъ разныхъ корпусовъ, которые бы соединенными силами дѣйствовали противъ Константинополя».

Е. К.

Нѣсколько словъ о писанкахъ. Орнаментика малорусскихъ писанокъ, какъ и вообще малорусская орнаментика, едва затронута въ наукѣ. Желающій заниматься этимъ дѣломъ встрѣчаетъ на пути своемъ съ трудомъ преоборимыя препятствія. Коллекцій писанокъ не много, всѣ онѣ разбросаны въ частныхъ рукахъ; изданіе ихъ въ краскахъ, при настоящихъ условіяхъ печатнаго дѣла, стоитъ очень дорого, и потому рисунковъ, дающихъ удовлетворительное понятіе о нихъ, крайне мало; для сравнительнаго изученія узоровъ писанокъ также нигдѣ не собрано матеріала въ достаточной полнотѣ. Гдѣ можно, напр., изучить узоры вышивокъ, ковровъ и пр..? И это еще не все. Писанки не составляютъ исключительной принадлежности ма-

лороссійскаго быта, а про узоры на нихъ и говорить нечего; поэтому изслѣдователю необходимо ознакомиться съ разбросанной по всевозможнымъ иностраннымъ изданіямъ спеціальной литературой орнамента—особенно у южныхъ славянъ и у румынъ, а у нихъ то она, повидимому, и не богата къ тому же. Само собою разумѣется, въ настоящей замѣткѣ мы не задаемся такими широкими задачами. Мы хотимъ только подѣлиться нѣкоторыми наблюденіями, пользуясь собраніемъ писанокъ, которое находится въ нашемъ распоряженіи. Собраніе это, составившееся изъ приношеній учениковъ въ историко-географическій музей елисаветградскаго реальнаго училища (херсон. г.), заключаетъ до 400 экземпляровъ писанокъ изъ губерній херсонской, кіевской, подольской, черниговской и бессарабской; но главное ядро коллекціи составляютъ писанки херсонской губерніи, преимущественно елисаветградскаго и александрійскаго, затѣмъ—ананьевскаго и отчасти одесскаго уѣзда (изъ Бейкуша, предмѣстья Очакова). Особенность нашей коллекціи заключается въ томъ, что наряду съ преобладающими по числу писанками малороссійскими въ ней есть также болгарскія и молдаванскія, что даетъ нѣкоторую возможность судить о взаимномъ вліяніи живущихъ здѣсь народностей. Къ сожалѣнію, о большинствѣ экземпляровъ мы не имѣемъ пояснительныхъ свѣдѣній, а именно—названій узоровъ и свѣдѣній національности лицъ, отъ которыхъ писанки получены, что, безъ сомнѣнія, лишаетъ насъ возможности сдѣлать заключенія болѣе широкія и прочныя.

Займемся главнымъ образомъ названіями узоровъ. На сѣверѣ херсонской губ. въ средѣ малороссовъ господствуетъ большинство узоровъ, извѣстныхъ на писанкахъ коренной Малороссіи и Галиціи, а именно: бараньи рижки, безконечникъ, бесаги, бокова рожа, бочка, виноградъ, витушка, гвоздыки, гребенци, гусячи лапкы, дубовый лыстъ, заступци, зирочки (или звѣздочки), калыткы, съ крапинками, крутые рожки, крыльци, курячи лапки, ластовины хвостыкы, листьячка (колотки), ломаный крестъ, огиркове вудыння, паукъ (паучки), повна рожа, собача рожа, сорококлынци (косоклынья, клынья), сороча лапка, хрестъ. Кромѣ того, среди названій малорусскихъ писанокъ нашей коллекціи мы нашли нѣсколько такихъ, какихъ намъ неизвѣстно на писанкахъ собственно украинскихъ:[1]) вазончикъ, перерва, сапожки, тюльпаны, углушки, христата рожа и шесть квитокъ. Изъ названій

[1]) Мы имѣли въ виду статью „Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской“ въ Кіев. Стар. XXXI и ст. Н. Ѳ. Сумцова о писанкахъ въ Кіев. Ст. XXXIII.

молдаванскихъ писанокъ многія тождественны съ малороссійскими или представляютъ буквальный переводъ послѣднихъ, какъ-то: бараньи роги, талпа кгыскый (гусяча лапка), косычата рожа, ломаный крестъ, повна рожа, патруцешь ди клинъ (сорококлынци), сосенка, хрестъ, шелудыва рожа; для двухъ только писанокъ мы не нашли соотвѣтствующихъ названій въ малороссійской терминологіи, но самыя названія--малороссійскія: дивокъ и зализо до плуга (*молд.* шеруплугулуй). Изъ болгарскихъ названій слѣдующія равнозначущи съ малороссійскими: празя рокгъ (бараній рогъ), бокова рожа, баклаже (баклажекъ), велчи зэби-тя (волчьи зубы, у г. Сумцова, стр. 379), гребенче (гребинци), зори, капанки (съ крапинками), ластовишка унашка (ластовины хвостыки), сливки, чупенъ крестъ (ломаный крестъ), паязе (паукъ), пэлна ружа (повна рожа), четырейсе—клинцы (сорококлинцы), юрдана и крестовца (крестъ); наконецъ, для слѣдующихъ четырехъ не находится идентичныхъ въ малороссійской терминологіи: бабины зэби-тя (бабьи зубы), кгирлига, камшица ружа, флаги.

Такимъ образомъ, большинство названій писанокъ молдаванскихъ и болгарскихъ совпадаютъ съ малороссійскими. Мѣстные болгары утверждаютъ, что какъ обычай дѣлать писанки, такъ и названія ихъ у нихъ исконные и ни у кого не заимствованы, и подтвержденіемъ этого можетъ служить та изолированность, которая отличаетъ ихъ по отношенію къ другимъ окружающимъ ихъ народностямъ. Поэтому является вопросъ: не произошло ли въ данномъ случаѣ заимствованія малороссами и молдаванами у болгаръ, быть можетъ еще гораздо ранѣе XVIII столѣтія, когда болгары начали селиться въ Новороссіи? Что касается молдаванъ, то въ нашихъ мѣстахъ общеніе ихъ съ малороссами, а въ частности брачные союзы—вещь хорошо извѣстная, такъ что мы склоняемся къ предположенію, что молдаване заимствуютъ названія писанокъ у малороссовъ, особенно имѣя въ виду,— что у нихъ онѣ большею частію сохраняютъ малороссійскую форму, тогда какъ у болгаръ всѣ названія—болгарскія.

Среди малороссійскихъ названій узоровъ у насъ бытуетъ одно, котораго мы не нашли ни на писанкахъ лубенскаго музея г-жи Скаржинской, ни въ изслѣдованіи проф. Сумцова; названіе это—тюльпаны; но въ статьѣ г. Сумцова мы нашли указаніе, что писанки съ этимъ узоромъ извѣстны у сербовъ [1]). Можетъ быть, этотъ узоръ есть остатокъ Новой Сербіи прошлаго вѣка, расположенной какъ разъ въ районѣ нашихъ наблюденій.

---

[1]) „Кіев. Стар.“ т. XXXIII, стр. 376.

Узоры писанокъ среди узоровъ на другихъ предметахъ не стоятъ вполнѣ изолированно. Разумѣется, самая форма предмета въ значительной степени обусловливаетъ содержаніе орнамента. Но въ то же время, среди узоровъ на писанкахъ возможно указать такіе, которые пользуются популярностью, напр. на вышивкахъ. Таковы: вазончикъ, виноградъ, гвоздыкы, зирочка, крутые рожки, повна рожа, собача рожа, сосенка, крестъ [1]). Лица, заслуживающія довѣрія, передавали намъ, что узоры для писанокъ заимствуются также съ килимовъ.

Фонъ писанокъ въ нашихъ мѣстахъ по большей части черный, рыже-красный, а иногда бѣлый; рисунокъ исполняется чаще всего тремя красками: красной, желтой и бѣлой, рѣже двумя или четырьмя красками; кромѣ помянутыхъ, употребляются также зеленая и черная краска. Красный цвѣтъ употребляется разныхъ оттѣнковъ: розовый, кармазинный, малиновый. Разницы въ окрашиваніи писанокъ у малороссовъ, молдаванъ и болгаръ не замѣчается. Имѣющіяся въ нашемъ собраніи молдаванскія писанки изъ Бессарабіи почти всѣ одноцвѣтныя—розовыя, рѣже—кармазинныя, съ бѣлымъ узоромъ, совершенно оригинальнымъ по рисунку.

В. Ястребовъ.

Разбойникъ Добрушъ (*изъ народныхъ устъ*). Въ пограничной съ Австріей части каменецкаго уѣзда, подольской губерніи, наряду съ живыми разсказами о Кармелюкѣ, среди народа ходятъ еще болѣе живые разсказы о разбойникѣ Добрушѣ (въ другихъ разсказахъ онъ называется Довбушемъ). Что личность разбойника Добруша не вымышленная, не фантастическая—это подтверждается массой разсказовъ о немъ, слышанныхъ мною отъ стариковъ-крестьянъ во многихъ селахъ уѣзда. Дѣйствительно, здѣсь когда-то гулялъ какой-то разбойникъ, носившій кличку «Добруша». Я старался добиться отъ крестьянъ, въ какихъ именно годахъ, сколько лѣтъ назадъ былъ этотъ разбойникъ Добрушъ; но добиться установленія времени, даты извѣстнаго событія отъ крестьянъ труднѣе всего. Разсказчики, обыкновенно старики подъ или даже за 70 лѣтъ, о времени извѣстнаго событія выражаются такъ; «то було, якъ я ще бувъ малый и грався

---

[1]) Труды Кіев. Археолог. съѣзда т. II, стр. 321—322 и рисунки 28, 30, 73, 76 и др.

въ пороси», или еще лучше: «це розсказувавъ мени мій батько, и казавъ, що то діялось тоди, якъ винъ ходывъ ще безъ штанивъ» и т. д. въ этомъ родѣ; такъ обыкновенно разсказчиками крестьянами всегда опредѣляется дата извѣстнаго событія.

Приходится высчитывать время, дату самому,—но рѣдко и это возможно, такъ какъ для этого необходимо знать лѣта разсказчика; на вопросъ же: «скилько вамъ, диду, литъ?»—дидъ отвѣтитъ: «або я знаю! Богъ его святый знае, може е вже зъ девядесятъ». Потомъ узнаешь, что разсказчику всего на всего 70 съ чѣмъ нибудь лѣтъ, или скажетъ: «може е вже з симь десятkивъ»; начнешь наводить справки и узнаешь, что разсказчику диду уже подъ 90 лѣтъ.

—«Або колысь тіи рокы такъ считалы, якъ теперъ мужыкы считаютъ, тай малы хиба часъ колысь мужыкы свои рокы личыты; забувавъ, якъ тебе зваты, якый день,—не то, що скилько тоби литъ,—якъ почнуть тебе быты», обыкновенно говорятъ въ свое оправданіе о незнаніи своихъ лѣтъ разсказчики-дѣды.

Такъ и не удалось установить мнѣ даты, когда именно былъ разбойникъ «Добрушъ»,—но изъ разсказовъ явствуетъ, что онъ былъ вскорѣ послѣ Кармалюка.

Разсказы о Добрушѣ и его 11 товарищахъ—всѣ въ одномъ родѣ и смыслѣ, а потому не буду приводить всѣхъ, а изъ многихъ слышанныхъ приведу лишь одинъ, характеризующій поступки и личность этого разбойника.

«То колысь дуже давно,—ще не за мени памяты,—бо це розсказувавъ мени мій небожчыкъ батько,—нехай тамъ ему легенько згадаеця,—бувъ въ нашихъ сторонахъ велыкый розбійныкъ, звалы его Добрушъ,—такъ разсказывалъ мнѣ въ 1891 году крест. пограничнаго с. Кудринецъ, каменецкаго уѣзда, б. въ то время волостной старшина Иванъ Присяжнюкъ (нынѣ покойникъ).

«Той Добрушъ бувъ молодый, здоровый, страшенне сыльный, а зъ лыця дуже гарный, и пидибравъ винъ, мавъ соби одынацять товарышивъ—якъ иденъ въ иденъ—такихъ самихъ, якъ и ихъ отаманъ, молодыхъ, здоровыхъ, сыльныхъ и гарныхъ.—Жылы воны въ лиси, въ такихъ пущахъ-нетрахъ, що туды нихто не заизжавъ и не заходывъ, и звидтель нападалы на панивъ, жыдивъ и грабылы ихъ.—Найбильше Добрушъ робывъ такъ: якъ тилько прочувавъ про якого богача, що у него е багато грошей, то,—якъ той богатырь бувъ купець,—Добрушъ перебирався и соби купцемъ, якъ панъ обы-

ватель, то и Добрушъ робывся паномъ-обывателемъ и йихавъ четвернею, або шестернею зъ локаемъ, козачкомъ (то все булы передиты его товарыши) до того богача або нибы то прямо познаемытысь, або нибы по якому дили.—Обдывывшысь вси входы и выходы, зобачывшы вси поряды, обычаи и звычаи у богатыря,—винъ часомъ йихавъ соби до дому, а на другу, або третю ничь нападавъ зъ своими товарышами и грабывъ; а часомъ пидъ якимъ-небудь выдомъ оставався у богатыра ночуваты, въ ночи, якъ вси вспляця, встававъ, одчынявъ двери и пускавъ своихъ товарыщивъ. Винъ навить до ксендзивъ йиздывъ въ гости, перебравшысь ксендзомъ и обдывывшись все, потимъ нападавъ съ товарышами и грабывъ ихъ. Винъ умивъ дуже добре, якъ вгодно и чымъ вгодно перебиратысь—жыдомъ, паномъ, ксендзомъ; и якъ переберецця то нихто его не мигъ пизнаты, навить товарыши.

Той Добрушъ бувъ дуже ласый до дивчатъ; якъ тилько чувъ, що у якого пана, або купця е дуже гарна дочка, заразъ перебирався такъ, щобъ нихто его не пизнавъ, алежъ, щобъ и не тераты своеи красы—заразъ йихавъ до того пана, або купця въ гости, нибы то кавалеромъ сватaтысь. Часомъ такъ въ йидне мисце йиздывъ килька разъ и старався влюбыты въ себе панну: и якъ винъ бувъ дуже гарный, то ему це часто вдавалось; тоди, выманывшы еи якъ небудь въ лисъ, або въ огрудъ, хватавъ, видвозывъ до себе и, пожывшы зъ нею 3 дни найбильше тыждень, стынавъ еи голову; а ни жаднои жывои не пустывъ. А якъ панна влюбытысь въ себе не давалась, або выманыты еи зъ дому въ лисъ, або огрудъ также не вдавалось—то тоди Добрушъ въ ночи съ своими товарышами нападавъ на димъ; и его хлопци грабылы димъ, гроши, а Добрушъ бравъ соби тилько панну; алежъ черезъ килька днивъ и та була вже безъ головы.

Багато такъ Добрушъ звивъ зо свита дивчатъ и паннивъ.

Другой разсказчикъ, крестьянинъ с. Наирянъ Карпъ Чорный, разсказавъ о Добрушѣ и его 11 товарищахъ почти тоже, что и Присяжнюкъ, съ нѣкоторыми лишь варіаціями о похожденіяхъ Добруша, такъ разсказалъ о поимкѣ Добруша и его молодцевъ.—

— Довбушъ (въ разсказѣ Чернаго Добрушъ вездѣ зовется Довбушемъ) бувъ дуже велыкый охотныкъ до паненокъ, багато винъ ихъ погубывъ; алежъ черезъ ныхъ и винъ самъ попався и пропавъ: нашлась така, що й его зловыла и погубыла.

Якъ сталы Довбуша и его шайку войско и начальство шукаты и ловыты,—то Довбушъ зъ своимы хлопцямы перейшовъ въ другый лисъ и знову сталы грабыты.

А недалеко того лису, куды перейшовъ Довбушъ, бувъ маентокъ, село; въ тому маентку жыла дидычка его, пани, дуже богата, дуже зъ лыця гарна, та й ще молоденька, и була вона вдовыця. Отъ прочувъ Довбушъ про ту пани и заразъ зибрався до неи въ гости: йидного свого хлопця одивъ хурманомъ, другого локаемъ, третего форысемъ, казавъ запрягты соби шестерню коней и пойихавъ. Пройизжае; назвався грабьемъ, выдумавъ соби назвысько; отакъ щось два, чы тры разы йиздывъ до теи вдовы; на решти ему надокучыло йиздыты; винъ не любывъ зъ бабамы довго жартуваты и гаяты часу.

А та пани вдова ще раньше чула про Довбуша и зразу догадалась, що то винъ до неи йиздыть,—алежъ прыкынулась, що ничого не знае, и буцимъ той грабья—нибы то Довбушъ—дуже ій сподобався: прыкынулась,—що залюбылась въ него. А въ теи пани було дуже багато разнои прыслугы. Отъ той грабья,—себъ то Довбушъ,—килька разъ все просыть паню пройтысь, то въ огрудъ, то въ поле, то въ лисъ, а она все то тымъ, то другимъ видмовляеця и нейде зъ нымъ. Нарешти разъ Довбушъ прыйизжае до теи пани и просыть еи, щобъ вона прыйихала до него въ гости завтра; що у него нибы то е старенька маты. Пани обицяла на завтра прыйихаты, тай пытае его: дежъ винъ жыве. А винъ и каже, що тамъ то и тамъ то въ лиси; она й пытае его, черезъ що винъ жыве въ лиси, а не въ сели, винъ и каже, що винъ недавно прыйихавъ зъ города и слабый—болыть у грудяхъ—то дохтори казалы ему, щобъ винъ жывъ де якый часъ у лиси; винъ построивъ хату въ лиси, тай жыве. Пани вдала, що ни бы то повирыла ему.

Алежъ на другый день пани не йиде въ гости, хоць и обицяла; а пойихала допиро на другый день пислят того, взявшы зъ собою на всякый случай кинжала и пистоли; пидъихала до лиса, злизла зъ повоза и сказала хурману: якъ мене до завтра не буде, не вернусь, то йидь до дому, не чыкай на мене, а сама пишла пишкомъ въ лисъ, якъ ій розсказовалы: перше прямо, потимъ направо, потимъ наливо, выйшла на галяву, а на тіи галяви гарный димъ; она війшла въ середыну—обійшла кругомъ и весь димъ—ниде а ни души; а въ доми все дорогее, богатее; бачыть пидъ домомъ—лехъ, вона и туды війшла,—війшла та злякалась: тамъ трупивъ прямо купамы; а все найбильше паненокъ; идна другои краща, идна другои молодша, и вси безъ голивъ; головы особлыво, якъ гарбузы, валяюця. Допиру та пани скорійше зъ того леху: треба, думае, втикаты, а то й мени такъ буде, алежъ тилько що выйшла зъ леху—чуе—

тупотъ;—догадалась, що то вернувся Довбушъ зъ своею шайкою десь зъ охоты, та й не мала куды, сховалась скорише пидъ идну постиль.

А то було вже вечеромъ; вже смеркалось. Війшовъ Довбушъ, а за нымъ его хлопци. Отъ Довбушъ и каже до своихъ товаришивъ: «щось не прыихала до мене въ гости моя пани; не хотила прыихаты до мене,—то я завтра поиду до неи остатній разъ; вечеромъ щобъ остатыся у неи ночуваты,—буцимъ заслабну; а въ ночи впущу васъ— и тоди моя пани, а ваше все, що найдете въ доми». А пани лежыть пидъ постелью того самого Довбуша, ни жыва—ни мертва, и все то чуе. Повечеравъ Довбушъ зъ своимы хлопцямы, та й ляглы спаты, и скоро поснулы, ажъ сталы храпиты. Тоди пани тыхенько вылизла зъ пидъ постили, тыхенько выбралась зъ дому,—та давай Богъ ногы зъ лису; добигла до повоза, та скорише до дому, та й заразъ послала запыску въ городъ,—«прышлитъ роту москаливъ, бо въ мене цеи ночи буде Довбушъ зъ своею шайкою». Прыслалы ій роту москаливъ; она ихъ попрятала, де могла: а тутъ прыизжае и Довбушъ—все тимъ же грабьею зъ козачкомъ, локаемъ, форысемъ и хурманомъ. Вечеромъ графъ заболивъ и зостався у пани ночуваты; а въ ночи тилько що Довбушъ одчынывъ двери и впустывъ своихъ 11 товаришивъ,—якъ зо всихъ сторонъ повыходылы москали и всихъ ихъ половылы и повязалы,—а черезъ короткый часъ Довбушу и его 11 товаришамъ видтялы головы.—

Совершенно такой же, подобный вышеприведенному, разсказъ мнѣ разсказывалъ кр. с. Рыхты Алексѣй Гнатышинъ, съ той лишь варіаціей, что вдовушка не знала, что ея гость Довбушъ, а поѣхала къ нему въ гости, потому что дѣйствительно безумно влюбилась въ него. Это, можетъ быть, вѣроятнѣе и ближе къ правдѣ.

Вообще разсказы о Добрушѣ или Довбушѣ мнѣ приходилось слыхать отъ крестьянъ въ селахъ 3 волостей: Гавриловецкой, Рыхтецкой и Долженецкой, каменецкаго уѣзда.

И. Бѣньковскій.

Стоянка и мастерская каменнаго вѣка въ могилевской губерніи, изслѣдованная лѣтомъ 1893 года. Въ началѣ іюля 1893 г. прибылъ въ с. Кистени, рогачевскаго уѣзда, могилевской губерніи, профессоръ университета св. Владиміра П. Я. Армашевскій, производившій геологическія изысканія въ могилевской губерніи. Въ числѣ прочихъ вещей, доставлявшихся г. профессору для опредѣленія, учи-

тель сувалкской женской гимназіи П. М. Цитовичъ принесъ фрагментъ орнаментированнаго сосуда съ просьбой опредѣлить степень его древности, при чемъ сообщилъ, что на мѣстѣ находки онъ оставилъ нѣсколько подобныхъ фрагментовъ, такъ какъ всѣ они одинаковы, и число ихъ весьма незначительно. При внимательномъ осмотрѣ принесеннаго г. Цитовичемъ фрагмента я убѣдился, что онъ относится къ каменному вѣку, а потому на другой-же день отправился въ сопровожденіи г. Цитовича осмотрѣть мѣсто находки. Находка была сдѣлана г. Цитовичемъ въ урочищѣ «Залозье», находящемся на 3 версты выше с. Кистеней, на томъ-же правомъ берегу Днѣпра. Мѣстность представляетъ собою наносное образованіе (дюна) и тянется сажени на 3—4 по берегу, оканчиваясь обрывистой горой, на которой расположена усадьба А. Н. Молчанова. У подножья горы берегъ сплошь усѣянъ валунами, высыпавшимися при спалзываніяхъ горы; по мѣрѣ приближенія къ подошвѣ горы число валуновъ уменьшается, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ гора понижается до уровня остальной мѣстности, валуны сразу прекращаются, но за то здѣсь берегъ покрытъ фрагментами сосудовъ, кремнями и кухонными остатками, которые идутъ вплоть до ручья, вытекающаго изъ-за горы, и занимаютъ собою около 15 квадратныхъ саженей. Такимъ образомъ нельзя было сомнѣваться, что здѣсь была стоянка каменнаго вѣка. Распредѣленіе предметовъ на стоянкѣ было довольно неравномѣрно: между тѣмъ какъ фрагменты сосудовъ попадались на всемъ пространствѣ стоянки, кремни и кости встрѣчались ближе къ рѣкѣ, а раковины сосредоточились главнымъ образомъ въ серединѣ стоянки. Такимъ образомъ наша находка распредѣляется на слѣдующія 3 группы: 1) кремневыя орудія, 2) керамика и 3) кухонные остатки [1]).

Кремневыя издѣлія встрѣтились намъ въ небольшомъ количествѣ, именно 20 предметовъ, и распредѣляются по типамъ слѣдующимъ образомъ: 7 ножей, 5 острій, 5 скребковъ и 3 ядрища. На изготовленіе всѣхъ этихъ предметовъ употреблялся или темно-сѣрый или свѣтло-лиловый кремень. Ножи ограничены 3 плоскостями и отбиты мелкими ударами; всѣ средняго размѣра; изъ нихъ 4 ножа сохранились въ цѣломъ видѣ, отъ трехъ-же остались только половинки. Острія (pointes de dards, Pfeilspitzen) ограничены 3 плоскостями и

---

[1]) Большая часть найденныхъ здѣсь предметовъ хранится въ археологическомъ кабинетѣ университета св. Владиміра за №№ 5893—5910, остальные же поступили въ мою коллекцію.

отбиты мелкими ударами; всѣ небольшого размѣра. Скребки или скребла (grattoir, racloir) отбиты мелкими ударами и весьма невелики. Нуклеусы (nucleus) не велики и легки.

Кухонные остатки (kjockkenmoedding) состояли главнымъ образомъ изъ обломковъ раковины Uniopictorum; только у рѣки намъ попались одна цѣлая кость, зубъ и нѣсколько осколковъ кости какого-то, вѣроятно, домашняго животнаго. Къ сожалѣнію, цѣлая кость и зубъ были утеряны, и такимъ образомъ мы не можемъ дать болѣе точнаго опредѣленія, какому животному они принадлежали.

Керамика [1]) выразилась въ огромномъ количествѣ фрагментовъ сосудовъ, изъ которыхъ только немногіе не имѣютъ орнаментики. Среди этого огромнаго количества фрагментовъ намъ встрѣтились только 2 днища и нѣсколько обломковъ верхняго края сосуда; остальную-же массу фрагментовъ трудно отнести къ какой-либо опредѣленной части сосуда. Сосуды были сдѣланы безъ гончарнаго круга, поэтому внутри они довольно шероховаты; днища имѣли или острыя, или круглыя; верхній край мало выдавался. Обжигъ сосудовъ не одинаковъ: между тѣмъ какъ одни сосуды обожжены и внутри и снаружи очень хорошо, въ другихъ наружный слой хорошо обожженъ, внутренній-же почти не обожженъ, поэтому такіе сосуды внутри чернаго цвѣта и сильно зубчаты. Вслѣдствіе различія въ обжигѣ сосуды и снаружи не одинаковаго цвѣта: одни довольно свѣтлы, между тѣмъ какъ другіе имѣютъ темно-бурый цвѣтъ.

Несомнѣнно, что керамика составляетъ самую важную часть нашей находки, какъ по большому количеству ея представителей, такъ и по разнообразію орнаментовъ, представляющихъ собою первыя произведенія искусства доисторическаго человѣка. Сначала человѣкъ, поставленный лицомъ къ лицу съ враждебной ему природой, долженъ былъ заботиться о томъ, какъ-бы лучше устроиться, поэтому все его вниманіе обращено на усовершенствованіе средствъ, служившихъ ему для защиты и для добыванія пищи, на отысканіе болѣе или менѣе сноснаго жилья и т. д. Только ознакомившись съ природой и устроившись среди нея, онъ сталъ замѣчать различіе между предметами по степени ихъ красоты. Такимъ образомъ у доисторическаго человѣка возникло эстетическое чувство, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась потребность удовлетворить ему. Памятниками этого являются немного-

---

[1]) Керамика помѣчена въ университетскомъ каталогѣ однимъ общимъ № 5910.

численные рисунки на кости [1]) и на камнѣ [2]). Но этотъ видъ искусства не могъ достигнуть высокой степени развитія, такъ какъ доисторическій человѣкъ обладалъ весьма несовершенными орудіями. Появленіе и развитіе гончарства дало человѣку болѣе удобный для его эстетическихъ занятій матеріалъ. «Въ археологіи, особенно первобытной», говоритъ гр. Уваровъ [3]), «всѣ эти памятники гончарства, сдѣланные еще неумѣлою рукою, пріобрѣтаютъ для наблюдателя особое значеніе. Понятно, что гончарныя издѣлія, приготовленныя изъ дурной смѣси глины, при незнаніи условій хорошаго обжига, имѣли такую хрупкость, что не допускали даже мысли о перевозкѣ ихъ на дальнее разстояніе. Но намъ не приходится жалѣть объ этой чрезвычайной хрупкости, которая, вслѣдствіе именно такого недостатка, и служитъ удостовѣреніемъ, что всѣ издѣлія изготовлялись на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ мы ихъ теперь находимъ. Такимъ образомъ, гончарный памятникъ прежде всего является, какъ мѣстное произведеніе. Затѣмъ, на немъ отражается вполнѣ умѣніе или неумѣніе гончара, что кладетъ на самое издѣліе особый, личный отпечатокъ. При этомъ гончаръ придаетъ ему форму, которая была общепринята въ извѣстной мѣстности и украшаетъ его такъ, какъ понимали украшенія другіе члены того же поселенія. Вообще личный отпечатокъ гончара, въ древнѣйшія времена, могъ выказаться вполнѣ ясно, такъ какъ не было тогда тѣхъ фабричныхъ инструментовъ, которые механически подводятъ всякія издѣлія подъ одинъ общій, безцвѣтный образецъ. Въ первобытныя времена, напротивъ того, инструменты, которыми пользовался гончаръ, были такіе простые, такіе незатѣйливые, что никакъ не могли изгладить личное вліяніе мастера на издѣліе. Однимъ словомъ, гончарство въ первобытныя времена развилось у всѣхъ народовъ какъ мѣстное ремесло, весьма даже своеобразное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служившее вещественнымъ отпечаткомъ культурнаго развитія этихъ народовъ». Къ сожалѣнію, въ русской археологіи мало обращали вниманія на гончарство каменнаго вѣка, особенно-же печальна участь орнаментики этой эпохи. Орнаменты

---

[1]) Гр. Уваровъ. Археологія Россіи. Каменный періодъ. I. М. 1881, стр. 226, № 30.

[2]) Ibid, II, таб. 27, № 250; таб. 48, № 2835 и т. д.

[3]) Ibid, I, стр. 253.

сосудовъ каменнаго вѣка, найденныхъ въ Россіи, до сихъ поръ не были описаны и классифицированы по типамъ, по способу производства и по степени древности ихъ; поэтому мы не имѣемъ даже строго установившихся терминовъ для опредѣленія того или другого типа орнамента, и способъ описанія ихъ еще не выработанъ. Между тѣмъ изученіе орнамента каменнаго вѣка, по справедливому замѣчанію кн. Путятина [1]), составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ доисторической археологіи, а также, по нашему крайнему убѣжденію, исторіи искусствъ. Изученіе-же только одной стороны быта доисторическаго человѣка,—развитія, практическихъ знаній у него, при совершенномъ игнорированіи другой столь-же важной стороны быта,—развитія эстетическихъ стремленій, стоящихъ въ прямой связи съ появленіемъ первыхъ зародышей пластическихъ искусствъ, является сильнымъ пробѣломъ въ нашей археологіи [2]).

Встрѣтившіеся на нашей стоянкѣ орнаменты, по способу производства, раздѣляются на 3 группы: орнаментъ ямочный, нарѣзами и наколами; при чемъ каждая изъ этихъ группъ имѣетъ нѣсколько разныхъ типовъ, а каждый типъ—массу варіантовъ. *Ямочный орнаментъ* встрѣтился намъ на большей части фрагментовъ; онъ производился или орудіемъ съ гладкимъ концемъ, или орудіемъ съ слегка закругленнымъ концемъ. Въ первомъ случаѣ, ямочки очень глубоки, имѣютъ видъ полаго цилиндра, разстояніе между ямочками велико, и онѣ идутъ только въ одинъ рядъ [3]). Этотъ типъ орнамента встрѣтился намъ только на 5 фрагментахъ верхняго края сосуда, при чемъ на 2 изъ нихъ замѣтны слѣды какого-то другого болѣе мелкаго орнамента. На одномъ фрагментѣ такая ямочка идетъ насквозь, но въ этомъ случаѣ она сдѣлана скорѣе для подвѣшиванія сосуда, чѣмъ для украшенія. Во второмъ случаѣ ямочки довольно мелки, суживаются ко дну и густыми рядами покрываютъ весь сосудъ; онѣ бываютъ почти круглыя и сильно продолговатыя, при чемъ всѣ 3 типа

---

[1]) Орнаментація древняго гончарства (Труды VI Археол. съѣзда. Г. I. Одесса. 1886, стр. 85).

[2]) Въ нашей замѣткѣ мы опредѣляемъ типы орнаментовъ тѣми терминами, какіе употребляетъ кн. Путятинъ въ упомянутой выше замѣткѣ.

[3]) Ср. Гр. Уваровъ. Археологія Россіи. II, таб. 18. №№ 4006, 4007, 4009, 4010 и т. д; таб. 20, № 4034а и т. д.

представляютъ еще и варіанты по величинѣ ямочекъ [1]). Этотъ видъ орнамента встрѣтился намъ на громадномъ количествѣ фрагментовъ. Орнаментированіе *нарѣзами* производилось или крупнымъ, вѣроятно, кремневымъ орудіемъ, или мелкимъ орудіемъ и, вѣроятнѣе всего, рыбьей костью. Въ первомъ случаѣ, нарѣзы мелки и коротки, идутъ густо другъ подлѣ друга и въ нѣсколько рядовъ опоясываютъ сосудъ. Орнаментъ второго типа встрѣтился намъ только на 3 очень небольшихъ фрагментахъ; онъ узокъ, глубокъ и въ 2 ряда тянется во всю длину фрагментовъ. Къ этому же типу можно отнести, по способу производства, очень изящный, ромбовидный орнаментъ, встрѣтившійся на одномъ только фрагментѣ. На одномъ фрагментѣ часть покрыта ямочками, а часть — нарѣзами. Орнаментъ *наколами* встрѣтился на значительномъ количествѣ фрагментовъ и представляетъ массу типовъ. Иногда наколы группируются по 4—6 въ рядъ, при чемъ эти ряды наколовъ идутъ въ 5—7 рядовъ; на плохо сохранившихся фрагментахъ наколы такъ сливаются, что могутъ быть приняты за нарѣзы. Такими-же наколами произведенъ и такъ называемый елочный орнаментъ, который представляетъ 2 варіанта: 1) линіи, образующія елочку, не сходятся въ вершинѣ, и такимъ образомъ остается пустое пространство и 2) черезъ вершину елочки проведена углубленная черта. Совершенно похожъ на елочный орнаментъ, такъ называемый, діагональный орнаментъ; различіе его съ елочнымъ состоитъ въ томъ, что линіи елочекъ сходятся другъ съ другомъ и образуютъ такимъ образомъ зигзаги. На нѣкоторыхъ фрагментахъ наколы идутъ густо въ 3—5 рядовъ и образуютъ треугольники, и т. д. Наконецъ, на нѣсколькихъ фрагментахъ намъ встрѣтился мелкій, густой, сплошь покрывающій фрагменты наколъ.

Общій выводъ, къ которому можно прійти, на основаніи представленнаго нами выше описанія обстоятельствъ находки и найденныхъ предметовъ, заключается въ слѣдующемъ: хорошая отдѣлка орудій и присутствіе изящно орнаментированныхъ фрагментовъ сосудовъ показываютъ, что наша находка относится къ такъ называемой неолитической эпохѣ; присутствіе ядрищъ позволяетъ намъ заключить, что здѣсь была не только стоянка, но и мастерская кремневыхъ орудій; наше мнѣніе подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что тутъ

---

[1]) Ibid, таб. 23, № 4286; таб. 35, №№ 495 и 499 и т. д.; З.О. Оссовскій. Опытъ хронологической классификаціи находокъ каменнаго вѣка въ Россіи (Труды VI Археол. С. Т. I), таб. 6, №№ 1, 3 и 14.

на берегу попадается много кремня; такимъ образомъ доисторическій человѣкъ имѣлъ нужный ему матеріалъ подъ рукою; значительная степень развитія гончарства показываетъ, что культура людей, посѣщавшихъ эту мѣстность, была довольно высока [1]).

Кіевъ, 1894 г. **В. Е. Данилевичъ.**

Женитьба разбойника Гаркуши послѣ бѣгства его съ каторги. Слѣдующее распоряженіе графа П. А. Румянцова говоритъ объ этой женитьбѣ знаменитаго разбойника [2]).

«Преосвященнѣйшій господинъ Епископъ Переяславскій и Бориспольскій, мой милостивый архипастырь!

Наблюденіе общаго покоя и безопасности есть одно изъ славныхъ артикуловъ моей должности, а потому и главнымъ же предметомъ моихъ стараній быть должно, и кои не могутъ имѣть своего надлежащаго дѣйствія, если издаваемыя на то установленія не повсемѣстно наблюдатся, а кольми паче пренебрегатся будутъ тѣми, коихъ непосредственной есть долгъ не только самимъ наблюдать, но и иныхъ въ томъ поучать и наставлять. Въ томъ разсужденіи принужденъ я его преосвященства г. архіепископа митрополита Кіевскаго и Галицкаго Самуила просить, чтобъ онъ по изслѣдованіи благоволилъ съ священникомъ слободы Ромодановки [3]) владѣнія г. генералъ маіора Шамшевича приказать поступить по законамъ, который, какъ представляетъ мнѣ лубенскій земскій исправникъ, въ той слободѣ въ воровской шайкѣ бывшаго, бѣжавшаго съ каторги и имѣющаго на лицѣ знаки, дѣлаемые на казнь осужденнымъ, явнаго разбойника Семена Горкушу, и о поимкѣ котораго не разъ, но многажды притвержаемо было, съ крестьянскою дѣвкою Меланіею Чвиркаловною обвѣнчалъ, а ваше преосвященство покорнѣйше прошу всѣмъ епархіи вашей духовнымъ, а особливо парохіалнымъ священникамъ предписать, дабы они что къ свѣдѣнію, наблюденію и исполненію народа надле-

---

[1]) Обращаемъ вниманіе гг. археологовъ, что предметы каменнаго вѣка часто встрѣчаются въ окрестностяхъ нашей стоянки, напр., въ с. Кистеняхъ, въ д. Мадорѣ, въ с. Нижней Тощицѣ, въ с. Шапчичахъ и т. д.

[2]) О Гаркушѣ наиболѣе полныя свѣдѣнія собраны въ статьѣ Н. А. Маркевича, напечат. въ Русск. Словѣ 1859 г., № 9, стр. 138—244.

[3]) Теперь никакой слободы Ромодановки не существуетъ, а есть лишь хуторъ Ромодановскій, въ лохвицкомъ уѣздѣ.

житъ, какъ я о томъ вашему пр—ву отъ 26 апрѣля 1779 г. сообщилъ, при собраніи въ церквахъ, по окончаніи божественной литургіи, читали и парохіянъ ихъ всячески къ благоправію и благочинію наставляли.

Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ вашего преосвященства покорнѣйшій слуга (Румянцовъ). 9 генваря 1784 года. *(Съ черновика въ бумагахъ М. О. Судьенка).*

БИБЛІОГРАФІЯ.

Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости (Прибавленія) 1885—1894 г.

Десять лѣтъ назадъ въ «Кіев. Старинѣ» мы дали библіографическій обзоръ матеріаловъ по географіи и исторіи южной Россіи въ «Прибавленіяхъ» къ Херсонск. Епарх. Вѣд. за первые 25 лѣтъ изданія послѣднихъ [1]). Въ настоящее время мы имѣемъ въ виду продолжить этотъ обзоръ, познакомивъ читателей съ новыми матеріалами, напечатанными въ «Прибавленіяхъ» съ того времени.

Нельзя не отнестись съ глубокимъ сочувствіемъ къ обыкновенію духовенства составлять и печатать историческія записки о церквахъ и ихъ приходахъ. Сколько намъ извѣстно, въ херсонской епархіи инщіатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ епархіальному начальству. Но пріятно убѣдиться, что распоряженіе епархіальнаго архіерея вызываетъ нерѣдко живое сочувствіе исполнителей, которые, не ограничиваясь сухой, канцелярской отпиской, относятся съ интересомъ и вниманіемъ къ своему труду, описываютъ памятники, роются въ архивахъ, записываютъ преданія и тщательно сопоставляютъ собранныя разными путями, иногда съ немалымъ трудомъ, крохи. Этотъ родъ литературы въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ самый интересный; съ него мы и начнемъ нашъ обзоръ.

«Историческая записка объ Очаковскомъ Николаевскомъ соборѣ» прот. *Гр. Судковскаго* (1885 г. №№ 20 и 22) составлена по документамъ церковнаго архива. Соборъ перестроенъ изъ турецкой мечети; 12 праздничныхъ иконъ перенесены сюда изъ старой греческой церкви, существовавшей въ Очаковѣ во времена турецкаго владычества; иконы: Воскресеніе Лазаря (на правой стѣнѣ) и Благословеніе дѣтей (на

[1]) „Кіев. Ст." 1885 г., октябрь.

лѣвой)—работы покойнаго академика Р. Г. Судковскаго, бывшаго тогда воспитанникомъ Академіи художествъ (похороненъ въ оградѣ собора); въ церковно-приходской школѣ Очакова (съ 1812 г.) первымъ учителемъ былъ Гонта, братъ извѣстнаго въ исторіи уманской рѣзни Гонты.

«Историч. записка о Грушевской церкви и ея приходѣ» свящ. *П. Торскаго* (1886 г. №№ 17 и 18). Село Грушевка лежитъ при р. Базавлукѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ послѣднимъ кошемъ Запорожской Сѣчи, нынѣ селомъ Покровскимъ екатериносл. губ. По преданію, первыми поселенцами Грушевки были бродяги, а отчасти запорожцы; по замѣчанію автора, здѣсь и теперь есть много лицъ, носящихъ извѣстныя запорожскія фамиліи, какъ то Куликъ, Головатый, Глоба, Довбышъ; при этомъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ старожилы положительно утверждаютъ, что они происходятъ отъ лично извѣстныхъ имъ запорожцевъ; близъ села сохранились два намогильныхъ креста, съ надписями—на одномъ: «зде опочива рабъ Божии Семенъ Бѣлій козакъ вѣска запорожскаго ку...ню коренѣвъ», на другомъ: «зде погребенъ славнаго войска запорожскаго... куреню. . войск.. Григорія Никитов... братъ рабъ Божи 1748 г. 9 августа»; часть праваго берега Базавлука у самой Грушевки и теперь носитъ названіе *гряда Колнашиха*, по имени послѣдняго кошевого Калнышевскаго; село Грушевка получило названіе отъ грушевыхъ деревьевъ, въ изобиліи росшихъ здѣсь; часть ихъ сохранилась и до настоящаго времени.

«Историч. записка о свято-Покровской церкви с. Возсіятскаго и ея приходѣ» свящ. *П. Поручика* (1887 г. № 19). С. Возсіятское расположено на югѣ елисаветград. у.. По преданію, первымъ поселенцемъ въ этой мѣстности былъ выходецъ изъ Молдавіи Розмарица [1]); позднѣе сюда стали переселяться жители изъ курской и полтавской губ., въ составъ возсіятскаго прихода входитъ д. Васильевка, названная по имени перваго ея владѣльца Василія Хмельницкаго, который будто бы былъ потомкомъ знаменитаго Богдана Хмельницкаго. Въ 1827 г. Возсіятское обращено въ военное поселеніе. Весьма любопытны простодушные разсказы старожиловъ о ихъ пострижени въ поселянъ: «Когда по требованію военнаго начальства безотлагательно должны были всѣ крестьяне скинуть съ головъ длинные волосы и брить запущенныя бороды, то горе и отчаяніе ихъ не знало

---

[1]) Въ елисаветгр. уѣздѣ есть нѣсколько деревень, носящихъ названіе Розмарицина.

предѣловъ. Между тѣмъ по требованію начальства идутъ они въ комитетъ, но идутъ, точно на смерть; плачутъ старики, какъ дѣти, а ихъ стригутъ, какъ овецъ. Выпустятъ—бѣгутъ домой, и свѣтъ Божій не тотъ. Прячутъ головы и лица; страшно, стыдно, и сами не знаютъ, куда дѣваться. Вотъ добрели до своей хатенки, а тутъ жена въ плачъ, дѣти въ крикъ, не узнаютъ своего отца родного, бѣгутъ отъ него, прячутся. Горе отца еще болѣе усиливается; горше и онъ заливается слезами»...

«Лѣтопись прихода с. Ольшанки св. Іоанна Милостиваго церкви» свящ. *Вл. Лобачевскаго* (1888 г. №№ 13, 18, 23; 1891 г. №№ 10, 11, 12, 13, 14; 1892 г. №№ 17, 18, 19) по своей разносторонности и обстоятельности принадлежитъ къ выдающимся произведеніямъ этого рода. Въ свое время мы познакомили читателей «Кіев. Стар». съ рукописью «Лѣтописи» о. Лобачевскаго въ извлеченіи [1]), а потому здѣсь было бы излишнимъ вдаваться въ подробности о ней. Но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи подѣлиться съ читателями нѣкоторыми чертами изъ пастырско-просвѣтительной дѣятельности почтеннаго автора. «Когда мнѣ пришлось ближе познакомиться съ своими прихожанами, какъ пастырю съ пасомыми, и узнать ихъ религіозное состояніе, говоритъ о. Владиміръ, то я изумился, нашедши ихъ совершенными младенцами въ вѣрѣ. Большинство изъ нихъ не умѣло вовсе Богу помолиться, ибо не знало первѣйшихъ молитвъ, о заповѣдяхъ понятія не имѣли, а о происхожденіи міра, человѣка, его назначеніи, загробной жизни существовали какія то легендарныя отрывочныя сказанія до христіанской эпохи... На всѣ мои... вопросы они обыкновенно отвѣчали мнѣ: «а Богъ его знаетъ! мы люди темные, за поселенія намъ не до этого было, отъ насъ требовали службы, работы»... Опыты церковнаго проповѣдничества не приводили ни къ чему и даже служили поводомъ для созданія новыхъ легендарныхъ сказаній, будто бы выслушанныхъ изъ церковныхъ проповѣдей. «Однажды, напр., разсказываетъ о. Лобачевскій, возникла молва въ приходѣ, будто батюшка говорилъ въ церкви, что чрезъ двѣ недѣли наступитъ конецъ міра, будетъ страшный судъ, каждый долженъ приготовиться къ смерти и приготовить для себя чистую бѣлую рубаху, о чемъ меня затѣмъ въ приходѣ неоднократно осаждали вопросами. Въ другое время циркулировалъ слухъ въ приходѣ, будто батюшка объяснялъ въ церкви, что лѣтомъ будетъ большой моръ на людей,

---

[1]) Бугское казначейство и военныя поселенія. „Кіев. Ст“. 1887 г. № 12.

что будетъ большой урожай хлѣба, но некому будетъ убирать его, много народу вымретъ». Прихожане о. Лобачевскаго были болгары, но, правду сказать, и при другихъ условiяхъ проповѣдникъ могъ оказаться точно въ такомъ же положенiи. Добрый пастырь, однако, не опустилъ рукъ; онъ утѣшался евангельскимъ изреченiемъ: «иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть». Онъ начинаетъ по праздникамъ посѣщать дома своихъ прихожанъ и бесѣдовать съ ними запросто, на болгарскомъ языкѣ; бесѣды эти имѣли успѣхъ; когда стало увеличиваться количество желавшихъ участвовать въ бесѣдѣ съ батюшкой, то онъ назначилъ для того особый просторный домъ, въ которомъ по праздничнымъ вечерамъ и велъ продолжительныя собесѣдованiя, названныя его прихожанами «свето горо» (священное собранiе). «Часто случалось, говоритъ онъ, что я, послѣ 2—3 часовъ бесѣды въ домѣ, въ которомъ и на печи, и въ сѣняхъ было биткомъ набито слушателей, уставалъ и заканчивалъ собесѣдованiе; тогда слушатели, не подозрѣвая, что мнѣ тяжело уже, наивно и искренно обращались ко мнѣ съ просьбой: «батюшка, посидите еще съ нами, разскажите намъ, темнымъ, еще что-нибудь»! Уступая просьбамъ, я оставался еще, еще увлекался бесѣдою, до того, что уже силъ не доставало, и читать становилось невозможнымъ отъ темноты, ибо свѣчи, которыхъ зажигали по нѣсколько штукъ, отъ тѣсноты народа и скопленiя углекислоты, совершенно тухли. Тогда мы, часовъ около 10—11 зимней ночи расходились по домамъ». Впослѣдствiи, при содѣйствiи организованнаго о. Лобачевскимъ приходскаго братства, выстроено новое зданiе для школы; въ немъ изъ двухъ классныхъ комнатъ, раздѣленныхъ деревянною раздвижною стѣною, на время народныхъ собесѣдованiй составляется одна большая зала; «теперь, говоритъ о. Лобачевскiй, въ школу собирается на собесѣдованiя слушателей.. до 500 и болѣе душъ»; собесѣдованiя сопровождаются общимъ пѣнiемъ молитвъ и псалмовъ и демонстрируются тѣневыми картинами при собственномъ братскомъ фонарѣ.

«Краткiя свѣдѣнiя о Шамовской Рождество-Богородичной церкви (ко дню столѣтiя этой)» свящ. *В. Иващенко* (1888 г. № 17). Церковь выстроена въ 1788 г. стараніями и средствами подполковника Самуила Хорвата, основателя села Шамовки (1760 г.)—нынѣ александрiйскаго уѣзда.

«Краткая записка о Елисаветградскомъ Успенскомъ соборѣ» прот. *Ѳ. Еленевскаго* (1888 г. № 22).

«Историческая записка о городѣ Очаковѣ и Очаковскомъ Николаевскомъ соборѣ (1889 г., №№ 2, 6, 9, 10 и 11). Статья юбилейная. Глава о завоеваніи Очакова составлена главнымъ образомъ по Соловьеву; глава о соборѣ есть перепечатка статьи, напечатанной ранѣе (въ 1885 г.); послѣдняя глава: «старый и новый городъ» написана, повидимому, по личнымъ наблюденіямъ автора.

«Мѣстечко Дмитровка александрійскаго уѣзда» свящ. *Г. Сорокина* (1891 г. №№ 17, 21 и 23). Сообщаются довольно подробныя свѣдѣнія по топографіи, исторіи, этнографіи и статистикѣ названнаго мѣстечка, при чемъ авторъ пользуется документами церковнаго архива и личными наблюденіями. По преданію, которое онъ считаетъ достовѣрнымъ, въ 1736 г. въ Дмитровкѣ татары сожгли церковь, что можетъ служить свидѣтельствомъ сравнительно древняго существованія мѣстечка. Народонаселеніе—малороссы и великоросы; они живутъ отдѣльно, не смѣшиваясь ни въ семейной, ни въ хозяйственной жизни. Изъ упоминаемыхъ и описываемыхъ авторомъ обрядовъ, укажемъ на существованіе обычая побратимства и посестримства—какъ у великороссовъ, такъ и у малороссовъ.

«Церковно-историческая лѣтопись объ Ананьевскомъ Свято-Николаевскомъ соборѣ и его приходѣ» свящ. *Ѳ. Тимковскаго* (1892 г. №№ 13 и 15).

Столѣтіе первой въ Одессѣ церкви, нынѣ каѳедральнаго собора» *А. Л.* (1892 г. № 18). Перепечатка изъ «Новор. Телегр.».

«Къ описанію приходовъ заштатнаго города Новогеоргіевска» александрійскаго у.» свящ. *В. Шахова* (1893 г. №№ 13, 15, 17, 18, 24; 1894 г. № 19; статья пока не закончена). Трудъ въ высшей степени обстоятельный и исполненный съ большимъ вниманіемъ и умѣло. Въ немъ читатель прежде всего найдетъ подробныя свѣдѣнія по топографіи города, при чемъ сообщается довольно мѣстныхъ названій; затѣмъ слѣдуютъ историческія данныя. Прежнее названіе Новогеоргіевска—Крыловъ; съ 1615 года это—укрѣпленное мѣсто, въ эпоху руины уничтожено, но скоро снова стало заселяться выходцами съ кіевской стороны и раскольниками; много народа переселилось сюда изъ кіевскаго (польскаго) Крылова, лежащаго напротивъ херсонскаго, на лѣвой сторонѣ Тясьмина. Послѣ сообщенія общихъ свѣдѣній, авторъ переходитъ къ частному обозрѣнію церквей и ихъ приходовъ. Первая, Покровская церковь, перенесена сюда изъ польскаго Крылова; на перестройку ея переяславскій епископъ Гервасій выдалъ въ 1767 году просительную грамоту и книгу для сбора по-

жертвованій въ Сѣчи Запорожской (приведена въ статьѣ цѣликомъ); конецъ церкви былъ не совсѣмъ обыкновенный: по преданію, окружной командиръ военныхъ поселеній полковникъ Антоновъ устроилъ изъ обветшавшей церкви винокуренный заводъ около Глинска... При церкви была пасѣка и садъ; въ день храмового праздника на церковныя средства варили медъ, покупали мясо и водку и угощали народъ; расходы эти, впрочемъ, дополнялись прихожанами; изъ церковныхъ доходовъ въ прошломъ столѣтіи обращаютъ на себя вниманіе «любочное» и «съ мертваго за сукно». Успенская церковь гор. Новогеоргіевска первоначально также перенесена изъ кіевскаго Крылова; въ инвентарѣ ея находится нѣсколько церковныхъ книгъ, напечатанныхъ въ концѣ XVII и въ XVIII в., и колоколъ съ слѣдующей надписью: «сдѣланъ сей звонъ въ Россійскій Крыловъ до храму Успенія Пресвятыя Богородицы стараніемъ протопопа Симеона Петрова и брата его іерея Димитрія, а коштомъ бывшихъ запорожскихъ козаковъ Кошоваго Григорія Лантуха, Деміана Платнеревскаго, Ивана Похола и протчихъ доброхотныхъ дателей 1767 г. по разбитіи въ Кіевѣ перелитъ въ 42 пуды 29 ф. 1772 г. мая 14».

Покончивъ этимъ съ историческими описаніями церквей и приходовъ, укажемъ на статьи *о штундизмѣ*, какъ извѣстно, появившемся ранѣе всего въ херсонской епархіи и здѣсь свившемъ себѣ гнѣздо.

«Происхожденіе малорусскаго штундизма и его сущность» *П. Л.* (1885 № 5). Перепечатано изъ «Кіевлянина». «Въ мірѣ штундистовъ» свящ. *И Зубова* (1887 г. №№ 3 и 4). «Новыя свѣдѣнія о штундизмѣ» *П. Петрова* (№№ 13 и 16). «О прошедшемъ и настоящемъ положеніи штундизма въ Елисаветградскомъ миссіонерскомъ районѣ» свящ. *И. Зубова* (№ 18). «Краткія свѣдѣнія о прошломъ и настоящемъ штундизма въ Любомирскомъ приходѣ Елисаветгр. у.» свящ. *П. Автономова* (№ 20) (въ Любомиркѣ живетъ извѣстный Рябошапка). «О положеніи штундизма въ Елисаветградскомъ миссіонерскомъ округѣ въ 1887 году» свящ. *П. Зубова* (№ 21). «Свѣдѣнія о положеніи штундизма въ с. Андріановкѣ тираспол. у.» свящ. *А. Шостака* (1891 г. № 20). Въ томъ же номерѣ свящ. *І. Филипповичъ* сообщаетъ о молоканахъ с. Катериновки ананьевск. у.

Біографическія свѣдѣнія о лицахъ церковной іерархіи находимъ въ слѣдующихъ статьяхъ:

«Пятидесятилѣтіе священства прот. М. Павловскаго» (1886 г. №№ 1 и 2). Протоіерей Павловскій—мѣстный уроженецъ, заслуженный

профессоръ и почетный членъ Новороссійскаго университета. «Изъ воспоминаній бывшаго уніатскаго іеромонаха» архим. *Владим. Терлецкаго* (1887 г. №№ 7 и 8; 1888 г. №№ 18, 24). «Мнѣніе архіеп. Иннокентія о кн. М. С. Воронцовѣ» *И. Палимсестова* (№ 12). «Изъ воспоминаній о почившемъ въ Бозѣ архіепископѣ Димитріѣ и знаменательный сонъ» (№ 24). «Слова и рѣчи, произнесенныя у гроба въ Бозѣ почившаго архіеп. Никанора» (1891 г. № 1). «Гр. А. Г. Строгановъ» (№ 17). «Черты изъ жизни въ Бозѣ почившаго митроп. Платона, бывшаго архіепископомъ въ Одессѣ» (1892 г. № 12). «Изъ исторіи церковной іерархіи и духовнаго просвѣщенія въ Новоросс. краѣ и Одессѣ» *Ев. Логинова* (1894 г. № 18)—читано 23 авг. 1894 г. въ залѣ Одесскаго епарх. женск. училища. «Письма А. С. Стурдзы къ архіеп. Иннокентію» сообщ. *Н. Барсовъ* (№№ 20, 21, 23 и 24). Стурдза, оставивъ государственную службу и поселившись въ Одессѣ, отдался духовно-литературной дѣятельности и благотворительности; къ этимъ двумъ сферамъ его дѣятельности относится содержаніе писемъ, напечатанныхъ здѣсь и извлеченныхъ изъ собранія бумагъ преосв. Иннокентія, принесенныхъ въ даръ Импер. Публ. Библіотекѣ Н. Х. Палаузовымъ.

Духовно учебныхъ заведеній касаются статьи *А. Полницкаго* «Историч. записка объ открытіи елисаветградскихъ духовныхъ училищъ (1889 г. №№ 20, 21, 22, 23, 24 и 1890 г. №№ 1, 2, 5, 6, 10, 11, 19) и *Л. Мацѣевича* «Историч. замѣтки объ одесской духовной семинаріи» (1894 г. №№ 10 и 11, пока не кончена). О первой изъ нихъ въ свое время данъ былъ отзывъ въ «Кіев. Стар.»[1]).

Исполнившійся въ прошломъ году *юбилей гор. Одессы* отмѣченъ въ «Епарх. Вѣдомостяхъ» также нѣсколькими статьями, а именно:

«Одесса въ первыя эпохи ея существованія» прот. *А. Л.* (изъ «Новор. Тел.»; 1894 г. № 1). Авторъ полемизируетъ съ проф. Надлеромъ (отчетъ о книгѣ послѣдняго см. въ «Кіев. Ст.» за прошлый годъ): ссылаясь на оффиціальный документъ, напечатанный въ исторіи Одессы Смольянинова, онъ утверждаетъ, что основаніе города состоялось дѣйствительно 22 августа; однако мнѣніе прот. *А. Л.*, что того же числа былъ заложенъ одесскій соборъ, не доказано имъ въ окончательномъ видѣ. Далѣе укажемъ статьи. «Празднованіе столѣтней жизни Одессы», «О сочиненіяхъ и брошюрахъ, вышедшихъ въ свѣтъ по случаю столѣтія Одессы» (№ 17) и «О сочиненіяхъ свящ.

---

[1]) 1891 г. № 2.

С. Петровскаго къ столѣтнему юбилею Одессы». Сочиненія о. Петровскаго носятъ слѣдующія заглавія: 1) «Одесскій каѳедральный Преображенскій соборъ» и 2) «Семь херсонскихъ архіепископовъ». Объ обоихъ рецензентъ отзывается съ большой похвалой.

Изъ другихъ событій въ краѣ отмѣчено открытіе памятника проф. В. И. Григоровичу на могилѣ его въ Елисаветградѣ описаніемъ торжества и рѣчами, сопровождавшими его (1892 г. № 21 и 22).

В. Ястребовъ.

Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ третій. М. 1895.

Мы уже имѣли случай на страницахъ «Кіевской Старины» (1892, № 4 и 1893, № 3) говорить о двухъ первыхъ томахъ капитальнаго труда г. Шенрока о Гоголѣ. Если принять въ соображеніе ту добросовѣстность, съ которой относится авторъ къ своей задачѣ, и ту массу труда, которую онъ полагаетъ на ея выполненіе, то должно признать, что «матеріалы для біографіи Гоголя подвигаются довольно быстро (I томъ вышелъ въ 1892 году, а II—въ 1893-мъ). Вновь вышедшій III томъ заключаетъ въ себѣ изложеніе жизни и литературной дѣятельности Гоголя за шесть лѣтъ, съ 1836 по 1842 годъ, т. е. двѣ его поѣздки за-границу, когда были имъ написаны «Мертвыя Души», и затѣмъ—пребываніе въ Москвѣ, во время котораго Гоголь былъ занятъ печатаніемъ своей великой «поэмы», а также обработкой нѣкоторыхъ другихъ, болѣе мелкихъ трудовъ, задуманныхъ и частію набросанныхъ имъ за границей. Большая часть содержанія этого тома, по принятому авторомъ порядку, уже была напечатана, въ два послѣдніе года, въ «Вѣстникѣ Европы» и «Артистѣ», но независимо отъ того въ вышедшій томъ введено и немало новаго и чрезвычайно интереснаго матеріала. Подобно двумъ первымъ, третій томъ «матеріаловъ» г. Шенрока очень богатъ фактическимъ содержаніемъ; можно сказать, что въ этомъ отношеніи авторъ даже идетъ впередъ, углубляясь въ изученіе своего предмета и овладѣвая все болѣе и болѣе обширными средствами для его всесторонняго разслѣдованія и освѣщенія; впрочемъ, тутъ помогали автору и нѣкоторыя независѣвшія отъ него обстоятельства: источники для указанной поры жизни и дѣятельности Гоголя получаютъ значительную полноту, дающую автору возможность слѣдовать за нимъ дѣйстви-

тельно почти «по пятамъ»; кромѣ того, ко времени III-го тома «матеріаловъ» г. Шенрока въ самое послѣднее время опубликовано было нѣсколько важныхъ историко-литературныхъ мемуаровъ, оказавшихъ большую услугу автору въ уясненіи той обстановки, среди которой жилъ Гоголь въ періодъ созданія и печатанія «Мертвыхъ Душъ»; самъ г. Шенрокъ особенную цѣну въ этомъ отношеніи даетъ «Запискамъ» А. О. Смирновой. Впрочемъ, говоря о матеріалахъ, которыми пользовался нашъ авторъ для своего изложенія, нельзя забывать, что весьма значительная доля этихъ матеріаловъ впервые пущена въ литературный оборотъ самимъ же г. Шенрокомъ, или будучи ранѣе опубликована имъ въ рядѣ другихъ матеріаловъ, или употребленная лишь для настоящаго третьяго тома его труда: тутъ въ особенности должно назвать письма Гололя къ А. С. Данилевскому и изустные разсказы послѣдняго о Гоголѣ, письма Гоголя къ матери, къ В. А. Жуковскому, къ Аксаковымъ, письма Н. М. Языкова и М. П. Погодина, письма къ г. Шенроку А. В. Гоголь, сестры поэта, семейныя преданія Вьельгорскихъ, рукописныя воспоминанія С. М. Соллогубъ (рожг. Вьельгорской) и проч. Эти важныя, большею частію документальныя данныя придаютъ многимъ страницамъ «матеріаловъ» г. Шенрока цѣнный характеръ первоисточника и, независимо отъ изложенія автора, навсегда обезпечиваютъ ихъ литературное значеніе и авторитетъ. Вообще, читая «Матеріалы для біографіи Гоголя», чувствуешь на каждомъ шагу увлеченіе автора своимъ предметомъ, педантическое желаніе собрать возможно больше данныхъ, провѣрить ихъ посредствомъ сопоставленія другъ съ другомъ, освѣтить по возможности всѣмъ подходящимъ къ данному случаю матеріаломъ и дать т. о. возможно подробную исторію жизни великаго писателя.

При тѣхъ условіяхъ, которыми г. Шенрокъ обставилъ свою работу, зачастую являясь въ роли добывателя совершенно новыхъ данныхъ и усердно занося ихъ на страницы своихъ «Матеріаловъ», трудно поставить ему въ упрекъ тѣ неровности изложенія, которыми страдаетъ его книга, какъ научное сочиненіе. Съ этой послѣдней точки зрѣнія иное нужно бы сократить, многое вынести изъ текста въ примѣчанія, устранить встрѣчающіяся кое-гдѣ повторенія; мы думаемъ, однако, что авторъ очень хорошо понимаетъ эту сторону своего труда, выразивъ это въ названіи его «Матеріалами» и предупредивъ тѣмъ многія возраженія, которыя безъ этого можно было бы противъ него выставить. Это свойство труда г. Шенрока, отнимая

у него нѣкоторую долю привлекательности въ глазахъ обыкновеннаго читателя со среднимъ интересомъ къ предмету, дѣлаетъ его для спеціалиста историка литературы нашей тѣмъ болѣе цѣннымъ: тутъ находятъ себѣ оправданіе и непомѣрно длинныя выписки изъ «Записокъ» А. О. Смирновой (стр. 16—22), и новыя письма Гоголя къ А. С. Данилевскому (стр. 229 и слл.), и даже вставки пропущенныхъ мѣстъ въ тѣхъ изъ этихъ писемъ, которыя не въ цѣльномъ видѣ были ранѣе напечатаны (стр. 203—205). Относясь строже къ характеру своего изложенія, касательно котораго цѣль «Матеріаловъ» давала автору очень большую свободу, г. Шенрокъ, по всей вѣроятности, не внесъ бы въ настоящій томъ (стр. 23—24) разсказа о чтеніи Гоголемъ «Женитьбы» въ домѣ И. И. Дмитріева, переданнаго со словъ г. Пашкова, такъ какъ такой разсказъ былъ бы умѣстнѣе въ II томѣ, гдѣ (стр. 324 и слл.) шла рѣчь объ упомянутой комедіи.

Къ числу положительныхъ достоинствъ третьяго тома «Матеріаловъ» мы склонны отнести ту болѣе широкую постановку біографическаго разсказа, въ которой нуждалось начало труда г. Шенрока; этому плодотворному пріему обязаны мы, между прочимъ, прекраснымъ очеркомъ вліянія Пушкина на Гоголя и вообще отношеній между ними (стр. 51—75). Вполнѣ подобающее мѣсто отведено въ настоящемъ томѣ авторомъ изученію собственно сочиненій Гоголя: на стр. 413 и сл. данъ прекрасный сводъ наблюденій надъ «Мертвыми Душами» съ точки зрѣнія цѣлей біографа; но отчего г. Шенрокъ, печатая критическіе отзывы современниковъ о «Ревизорѣ» (стр. 479 и слл.), не помѣстилъ также въ своей книгѣ и свода отзывовъ о I томѣ «Мертвыхъ Душъ», который былъ уже опубликованъ имъ въ «Русской Старинѣ» 1894 № 10, тѣмъ болѣе, что главное литературное содержаніе III-го тома «Матеріаловъ» составляютъ именно «Мертвыя Души»?

Должно съ удовольствіемъ отмѣтить также въ III-мъ томѣ отсутствіе того преувеличеннаго полемическаго тона, который такъ невыгодно отразился на второмъ томѣ «Матеріаловъ» г. Шенрока; но мы все таки отказались бы, на мѣстѣ автора, отъ столь сильныхъ выраженій порицательнаго свойства, какъ «литературные негодяи» (стр. 91) и т. п., безъ которыхъ изложеніе столь цѣнныхъ и важныхъ въ историческомъ отношеніи «Матеріаловъ» только бы выиграло.

Еще одно замѣчаніе. Въ разныхъ мѣстахъ своей книги г. Шенрокъ говоритъ о томъ «страшномъ фіаско» (стр. 36), о той «неу-

дачѣ» (стр. 39) и пр., которыя постигли «Ревизора» при постановкѣ этой комедіи на сценѣ; но факты, представляемые самимъ г. Шенрокомъ, не оправдываютъ въ полной мѣрѣ этого заключенія. Онъ приводитъ выдержку изъ «Хроники Спб. театровъ» Вольфа (стр. 29) и изъ воспоминаній И. И. Панаева (стр. 30), гдѣ успѣхъ перваго представленія піесы названъ «колоссальнымъ»; на представленіи былъ самъ Государь и остался очень доволенъ; лучшіе представители литературы должнымъ образомъ отнеслись къ комедіи, и она сдѣлалась репертуарной. Гдѣ же тутъ фіаско? Правда, самъ Гоголь въ письмѣ М. С. Щепкину (стр. 44) жалуется на непріятности отъ «Ревизора» въ Петербургѣ; правда, что нѣкоторые журналы отозвались о комедіи Гоголя крайне несправедливо и пристрастно (стр. 479—485), но эти и кое-какія другія данныя, представленныя г. Шенрокомъ въ оправданіе своей мысли, не могутъ, какъ намъ кажется, перевѣсить благопріятнаго отношенія къ «Ревизору», съ другой стороны, несомнѣнно заслуживавшаго, и въ глазахъ самого Гоголя, наибольшаго уваженія (ср. стр. 24—32 и др.). Мы вынесли изъ чтенія этого мѣста книги такое впечатлѣніе, что авторъ своимъ заключеніемъ какъ бы становится въ противорѣчіе съ фактами, которые самъ онъ приводитъ, какъ точный и добросовѣстный біографъ. Не слишкомъ ли положился въ данномъ случаѣ г. Шенрокъ на тотъ болѣзненный субъективизмъ Гоголя, благодаря которому онъ принималъ вещи обратно дѣйствительности или, по крайней мѣрѣ, сильно ихъ преувеличивая, и не слѣдуетъ ли объяснять недовольство Гоголя успѣхомъ «Ревизора» именно этими его крайне повышенными требованіями къ себѣ, къ публикѣ и къ литературѣ? Вѣдь самъ г. Шенрокъ говоритъ о дающемъ уже себя знать въ это время «психическомъ (или нравственномъ) изнеможеніи» Гоголя (стр. 50, 447).

Мы не излагаемъ здѣсь содержанія книги г. Шенрока, заслуживающей цѣликомъ внимательнаго чтенія и изученія. Описанный въ ней періодъ изъ жизни Гоголя полонъ высокаго біографическаго и литературнаго интереса. Въ это время въ Гоголѣ подготовляется, во всѣхъ своихъ частяхъ, тотъ печальный психическій процессъ, которымъ отмѣчено послѣднее десятилѣтіе его жизни: «если вспомнить— говоритъ г. Шенрокъ—всю горечь неудачно сложившейся жизни и эти тоскливыя сумерки преждевременнаго ея угасанія; если вспомнить болѣе, чѣмъ десятилѣтнюю упорную борьбу съ безпощаднымъ процессомъ разрушенія и временами сознаваемое роковое несоотвѣтствіе между взятой на себя колоссальной задачей и невозможностью

исполнить ее, то трудно сказать, найдется ли не только въ русской, но и во всемірной литературѣ еще писатель, личная судьба котораго была бы такъ безпредѣльно несчастна. Въ ужасномъ увяданіи Гоголя въ послѣднее десятилѣтіе его жизни, по нашему мнѣнію, нисколько не менѣе трагизма, нежели въ его эффектномъ, сильно дѣйствующемъ на воображеніе истребленіи трудовъ многихъ лѣтъ въ порывѣ отчаянія, охватившаго его въ предсмертный часъ» (стр. 416). Этому-то крайне интересному періоду «увяданія» Гоголя, имѣвшему мѣсто въ послѣднее десятилѣтіе его жизни г. Шенрокъ и обѣщаетъ (стр. 353) главнымъ образомъ посвятить четвертый томъ своего труда, который онъ продолжаетъ вести съ такой настойчивостью, умѣньемъ и знаніемъ дѣла.

Е. Пѣтуховъ.

Русскіе художники. Илья Ефимовичъ Рѣпинъ. Спб. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. 1894.

Уроженецъ Малороссіи (г. Чугуева), одинъ изъ талантливѣйшихъ художниковъ нашего времени, Илья Ефимовичъ Рѣпинъ частью своей художественной дѣятельности также принадлежитъ Малороссіи, будучи авторомъ нѣсколькихъ картинъ и многихъ этюдовъ и рисунковъ изъ малорусскаго быта, какъ современнаго, такъ и ушедшаго въ область исторіи; почему и нельзя на страницахъ «Кіевской Старины» не отмѣтить появленія изданія, названіе котораго мы выписали.

Мысль этого изданія, какъ видно изъ краткаго предисловія къ книгѣ, своимъ возникновеніемъ обязана случайнымъ обстоятельствамъ. Редакція вѣнскаго журнала «Die Graphischen Künste», извѣстнаго своими изящными иллюстраціями, обратилась къ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ съ предложеніемъ принять на себя приготовленіе клише для воспроизведенія въ этомъ журналѣ работъ одного изъ наиболѣе выдающихся русскихъ художниковъ, по выбору Экспедиціи. Принявъ заказъ и остановивъ свой выборъ на И. Е. Рѣпинѣ, Экспедиція предоставила себѣ право воспользоваться этою работою для самостоятельнаго изданія, которое нынѣ и вышло въ свѣтъ, являясь такимъ образомъ послѣдствіемъ заказа, сдѣланнаго Экспедиціи редакціею вѣнскаго журнала.

Экспедиція объясняетъ, что она выбрала творенія И. Е. Рѣпина не потому только, что онъ считается однимъ изъ наиболѣе вы-

дающихся и своеобразныхъ современныхъ русскихъ художниковъ, но и потому еще, что, находясь съ Рѣпинымъ въ довольно частыхъ сношеніяхъ, Экспедиція могла разсчитывать получить отъ него богатый матеріалъ рисунковъ и этюдовъ, воспроизведеніе которыхъ представляетъ особый интересъ,—каковыя ожиданія И. Е. Рѣпинъ вполнѣ оправдалъ, предоставивъ въ распоряженіе Экспедиціи всѣ своя богатые портфели и помогая совѣтами при исполненіи работъ. Какъ бы ни случилось, но едва ли можно было сдѣлать удачнѣе выборъ, чтобъ познакомить европейскую публику съ произведеніями одного изъ наиболѣе выдающихся и своеобразныхъ художниковъ.

Съ внѣшней стороны изданіе Экспедиціи не оставляетъ желать ничего лучшаго; бумага (формата большого in-quarto), шрифтъ и въ особенности снимки съ произведеній художника представляются на столько безукоризненными, что по изящной внѣшности это изданіе ни въ чемъ не уступаетъ лучшимъ заграничнымъ иллюстрированнымъ изданіямъ. Для воспроизведенія снимковъ употреблены самые разнообразные пріемы, смотря по характеру передаваемыхъ оригиналовъ; здѣсь можно найти почти всѣ способы репродукціи оригиналовъ: гравюру рѣзцомъ, офортъ, ксилографію, фотогравюру, фототипію и литографію, какъ въ одинъ, такъ и въ нѣсколько цвѣтовъ.

Кому именно принадлежитъ текстъ изданія—неизвѣстно; никакой подписи нѣтъ; въ предисловіи же къ очерку «Илья Ефимовичъ Рѣпинъ», помѣщенномъ вслѣдъ за предисловіемъ отъ Экспедиціи, неизвѣстный авторъ его, заявляя: «прежде чѣмъ говорить о творчествѣ Рѣпина, мы постараемся вкратцѣ описать его жизнь»,—вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ: «свѣдѣнія для этого разсказа заимствованы нами изъ интересной статьи г. Нордена, помѣщенной въ журналѣ «Die Graphischen Künste». Какъ бы статья г. Нордена ни была интересна, но составлять въ Петербургѣ біографію выдающагося русскаго художника для русскаго изданія, спеціально ему посвященнаго, исключительно по одной только статьѣ, напечатанной въ какомъ либо изъ нѣмецкихъ журналовъ, мы не находимъ цѣлесообразнымъ. Еще болѣе страннымъ это кажется послѣ сдѣланнаго въ предисловіи заявленія о частыхъ сношеніяхъ Экспедиціи съ Рѣпинымъ, который, казалось-бы, могъ предоставить въ распоряженіе Экспедиціи не одни только богатые портфели рисунковъ своихъ, а и интересный біографическій матеріалъ, и послѣ выраженной въ томъ же предисловіи благодарности, за живое участіе въ изданіи, В. В. Стасову, который не одинъ разъ писалъ о Рѣпинѣ, велъ съ нимъ пе-

реписку и, вѣроятно, обладаетъ гораздо болѣе богатымъ матеріаломъ для біографіи Рѣпина, чѣмъ тотъ, какимъ могъ располагать какой либо изъ сотрудниковъ вѣнскаго журнала. Самыя отношенія Стасова къ Рѣпину, по тому вліянію, какое онъ имѣлъ на послѣдняго, со- составляютъ интересный фактъ въ жизни художника; но объ этихъ отношеніяхъ въ біографическомъ очеркѣ вовсе не упоминается. Вообще, какъ и слѣдовало ожидать при тѣхъ скудныхъ источникахъ, которые послужили матеріаломъ для біографіи и которые заключаются въ одной нѣмецкой статейкѣ, біографія эта во многихъ отношенія представляется неполною.

Заключающееся въ томъ же очеркѣ обозрѣніе художественной дѣятельности Рѣпина составлено преимущественно въ отношеніи къ тѣмъ его произведеніямъ, снимки съ которыхъ помѣщены въ изданіи, и такъ же, какъ и разсказъ о жизни художника, не отличается полнотою. Притомъ, оно имѣетъ характеръ компилятивный и не обнаруживаетъ въ авторѣ его самостоятельности во взглядахъ какъ на искусство вообще, такъ и на произведенія Рѣпина въ частности. Существеннымъ недостаткомъ изданія слѣдуетъ признать то, что въ немъ нѣтъ полнаго списка произведеній Рѣпина, многія изъ которыхъ вовсе не упомянуты, а также нѣтъ никакихъ библіографическихъ указаній. Изъ изложеннаго видно, что, если къ изготовленію снимковъ съ работъ Рѣпина были приложены всевозможныя заботы о томъ, чтобъ эти снимки отличались наибольшимъ совершенствомъ, то относительно текста изданія далеко нельзя сказать то же самое.

Впрочемъ, справедливость требуетъ прибавить, что изданіе подробной и обстоятельной біографіи Рѣпина не могло входить въ задачи Экспедиціи и что, воспользовавшись сдѣланнымъ редакціею вѣнскаго журнала заказомъ для того, чтобъ дать русской публикѣ коллекцію снимкомъ съ произведеній Рѣпина, Экспедиція главнымъ предметомъ своихъ заботъ имѣла эти снимки, а на литературный очеркъ, которымъ она снабдила свою коллекцію и который имѣетъ значеніе лишь объяснительнаго текста къ снимкамъ, почему къ нему нельзя и предъявлять большихъ требованій. Имѣя это въ виду, нельзя не быть благодарнымъ Экспедиціи за выпущенное ею изданіе, и можно пожелать каждому русскому художнику такого же изящнаго изданія коллекціи снимковъ съ его произведеній. Общее названіе, которое дала Экспедиція своему изданію («Русскіе художники»), какъ будто бы указываетъ на то, что однимъ Рѣпинымъ Экспе-

диція не думаетъ ограничиться и что вслѣдъ за этимъ выпускомъ будутъ такимъ же образомъ изданы снимки съ произведеній другихъ русскихъ художниковъ, но мало надеждъ на это даетъ предисловіе, въ которомъ Экспедиція заявляетъ, что «возможность приступить къ подобному труду зависитъ не только отъ степени сочувствія, которое встрѣтитъ въ публикѣ настоящее изданіе [1]), но и отъ того, найдетъ ли Экспедиція, преслѣдующая на первомъ планѣ другія цѣли, достаточно свободнаго времени для исполненія подобной работы».

Изъ помѣщенныхъ въ изданіи снимковъ съ произведеній Рѣпина слѣдующіе имѣютъ отношеніе къ южнорусскому краю. 1. Запорожцы, картина писанная масляными красками (фотогравюра),—2, Казакъ-пластунъ, акварель (хромолитографія),—3, Деревенскій скрипачъ, рисунокъ карандашомъ съ натуры для картины «Вечерницы» (фотогравюра),—4, Хата въ Новороссіи, рисунокъ карандашомъ (ксилографія),—5, Типъ козака (пластуна), этюдъ съ натуры (въ Пашковской станицѣ), рисунокъ карандашомъ (фотогравюра),—6, Другой типъ козака, этюдъ съ натуры (въ Кочановкѣ), рисунокъ карандашомъ (фотогравюра),—7, Запорожскія пушки, рисунокъ карандашомъ (цинкографія) и 8, Портретъ М. И. Драгомирова, писанный масляными красками (фотогравюра).—Пожалѣли мы, что въ числѣ помѣщенныхъ въ изданіи снимковъ не нашли себѣ мѣста другія картины и этюды Рѣпина, относящіеся къ южно-русскому краю, какъ напримѣръ: Вечерницы, Малороссіянка, Волостной судъ въ Чугуевѣ, разные пейзажные этюды (Бокша, въ окрестностяхъ Кременчуга, Донецъ въ Чугуевѣ, святыя горы на Донцѣ, Порогъ Ненасытецъ, Остатки Запорожскихъ укрѣпленій въ Покровскомъ, Могилы козаковъ тамъ-же и др.), нѣкоторыя портреты, какъ Н. В. Гоголя, Т. Г. Шевченка, Н. И. Костомарова, М. С. Щепкина, А. И. Рубца и въ особенности умѣстный для приложенія къ біографіи портретъ матери художника, старушки-малороссіянки, о которомъ писалъ Стасовъ въ «Пчелѣ» 1875 года, сравнивая его съ Рембрандтовскими портретами.

---

[1]) Это заявленіе объ ожидаемой отъ публики степени сочувствія изданію, обусловливающей возможность его продолженія, не совсѣмъ ладится съ тѣмъ фактомъ, что изданіе выпущено въ очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ, почему, какъ заявляютъ въ своихъ объявленіяхъ П. Шибановъ и нѣкоторые другіе книгопродавцы, вслѣдъ за своимъ появленіемъ оно быстро исчезло изъ продажи; вслѣдствіе этого публикѣ, сочувствующей сему изданію, упомянутые книгопродавцы предлагаютъ теперь, вмѣсто этого изданія, нѣмецкое изданіе вѣнскаго общества поощренія искусствъ, издающаго журналъ „Die Graphischen Künste", съ текстомъ Нордена.

Изъ помѣщеннаго въ изданіи литературнаго очерка мы узнали, что, въ настоящее время Рѣпинъ, работая надъ повтореніемъ прежней темы, снова пишетъ «Запорожцевъ», дѣлая въ этой картинѣ существенныя измѣненія.

Н. Ш.

„Сельскій кредитъ въ Полтавской губ.", выпускъ I. „Статистическое бюро Полтавскаго Губернскаго Земства". Полтава 1894 г.

Подъ такимъ заглавіемъ вышла помѣченная 1894 г., но только что полученная нами книжка о положеніи сельскаго кредита въ Полтавскомъ краѣ, имѣющая своимъ предметомъ мелкій организованный кредитъ: ссудосберегательныя товарищества, волостныя кассы и сельскіе банки. Книжка эта составляетъ только первый выпускъ работы полтавскаго земскаго статистическаго бюро по изслѣдованію сельскаго кредита въ Полтавщинѣ. Бюро обѣщаетъ дать по этому вопросу еще два выпуска настоящаго изданія, посвятивъ ихъ изслѣдованію частнаго неорганизованнаго мелкаго кредита (второй выпускъ) и изслѣдованію ипотечнаго кредита въ губерніи (выпускъ третій).

Цитируемая брошюра, включающая въ себѣ 160 стр. съ приложеніемъ особыхъ таблицъ, разсматриваетъ положеніе сельскаго кредита въ Полтавской губерніи весьма обстоятельно; составлена она очень добросовѣстно и съ очевиднымъ желаніемъ уяснить для читателя положеніе сельскаго кредита во всѣхъ деталяхъ, но въ тоже время она страдаетъ и нѣкоторыми недостатками.

Прежде всего надо сказать, что она составлена не на основаніи данныхъ мѣстнаго изслѣдованія, а почти исключительно на матеріалахъ, полученныхъ, путемъ переписки, почтою, отъ ссудосберегательныхъ товариществъ и волостныхъ правленій. Благодаря этому брошюра, можно сказать, переполнена «сожалѣніями» о недостаточности и недостовѣрности положеннаго въ основу ея выводовъ матеріала. Не дальше, какъ на стр. 10 при самомъ началѣ изслѣдованія о положеніи полтавскихъ ссудосберегательныхъ товариществъ, говорится уже, что «къ сожалѣнію, матеріалъ, которымъ мы могли воспользоваться, оказался *съ большими дефектами*».

То и дѣло встрѣчаются фразы, въ родѣ: «къ сожалѣнію, мы будемъ поставлены здѣсь въ затрудненіе по неимѣнію достаточныхъ данныхъ», (стр. 42) или: сюда не вошли свѣдѣнія о такомъ то товариществѣ, «за неимѣніемъ данныхъ» (стр. 27, 35, 42, 62 и т. д.), а въ заключеніи главы о ссудосберегательныхъ товариществахъ говорится: «что же касается внутренней стороны организаціи и дѣятельности ихъ, то для заключенія объ этомъ и вообще для выясненія вопроса о значеніи этихъ кредитныхъ учрежденій у насъ *не имѣлось матеріала*: для этого пришлось бы сдѣлать спеціальное изслѣдованіе каждаго товарищества».

Послѣ такого заявленія, идущаго, такъ сказать, отъ самаго статистическаго бюро, намъ, въ свою очередь, остается только пожалѣть, что бюро, сознавая необходимость спеціальнаго изслѣдованія ссудосберегательныхъ товариществъ для предпринятаго имъ (въ трехъ помянутыхъ выпускахъ) спеціальнаго изслѣдованія сельскаго кредита, все таки не произвело этого изслѣдованія. Это—совсѣмъ не въ духѣ земскихъ статистическихъ бюро, которыя обыкновенно дѣлаютъ свои описанія и выводы исключительно, или по крайней мѣрѣ преимущественно, на основаніи данныхъ *мѣстнаго* изслѣдованія. Въ данномъ случаѣ такое мѣстное изслѣдованіе ссудосберегательныхъ товариществъ, которыхъ, по увѣренію самаго бюро, всего 19, считая и «неосуществившіяся» (стр. 11—12) представлялось бы весьма доступнымъ и легко осуществимымъ.

Приблизительно тоже самое приходится сказать и относительно главы о волостныхъ кассахъ. Въ началѣ этой главы сказано, что «предположенія губернской управы, выраженныя въ докладѣ земскому собранію очередной сессіи 1893 г. объ организаціи статистико-экономическаго бюро, заслужившія одобренія собранія, между прочимъ коснулись и вопроса о лучшей постановкѣ народнаго кредита. Въ этихъ цѣляхъ статистическое бюро, собирая данныя о настоящемъ положеніи этого дѣла, *благодаря любезному участію губернскаго присутствія,* получило матеріалъ о положеніи волостныхъ кассъ *отъ волостныхъ правленій*». Указавъ на происхожденіе матеріала, статистическое бюро сейчасъ же считаетъ нужнымъ оговориться, что «само собою разумѣется, разсчитывать получить особенно обстоятельныя данныя отъ этихъ учрежденій было нельзя, а потому пришлось ограничиться minimum'омъ вопросовъ».... «тѣмъ не менѣе, и такой ограниченный матеріалъ имѣетъ свое значеніе»... «Напередъ можно было ожидать, что даже и въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, ко-

торые поставило себѣ статистическое бюро, нельзя было разсчитывать на вполнѣ удовлетворительный матеріалъ“... «Къ сожалѣнію, свѣдѣнія оказались въ дѣйствительности не вполнѣ удовлетворительными»... «оказались явныя ошибки въ подсчетахъ процентовъ, ошибки въ подведеніи итоговъ, нѣсколько счетовъ оказалось вовсе никуда не годными»... И въ заключеніе: «вообще на полученіе и разработку нашего матеріала нужно смотрѣть, какъ на несовершенный опытъ, несовершенство котораго объясняется вышеуказанными условіями»... и т. д. и т. д., а затѣмъ опять рядъ: «*къ сожалѣнію*, матеріялъ не отличается полнотой и однообразіемъ» (125) «*къ сожалѣнію*, по нашимъ даннымъ нельзя выяснить» (131) «*къ сожалѣнію*, достоинство этого матеріала не позволяетъ разсчитывать»... «а потому эта работа имѣетъ значеніе опыта и опыта, по фактическимъ условіямъ, очень не совершеннаго» (150) и рядъ новыхъ и новыхъ указаній на недостовѣрность положенныхъ въ основу изслѣдованія матеріаловъ (стр. 137, 138, 147, 148 и т. д.).

Все это выходитъ очень откровенно и правдиво и, съ этой точки зрѣнія, большое спасибо статистическому бюро, что оно ни мало не утаиваетъ недостатковъ имѣвшагося въ его распоряженіи матеріала (благо, не оно его собирало), но въ тоже время все это производитъ довольно странное впечатлѣніе. Страннымъ кажется это настойчивое увѣреніе въ недоброкачественности матеріала, не рѣдко безъ особой нужды повторяющееся страница за страницей (тогда какъ въ предисловіи можно бы было разомъ указать степень достовѣрности или недостовѣрности матеріала въ главнѣйшихъ изъ отдѣльныхъ его частей), и параллельно съ этимъ еще болѣе страннымъ кажется это настойчивое пользованіе негоднымъ матеріаломъ: «къ сожалѣнію, по нашимъ даннымъ, *нельзя* выяснить этой стороны дѣятельности кассъ съ опредѣленностью. *Все таки* раздѣлимъ наши кассы на двѣ группы» (131)... и слѣдовательно (сказали бы мы) посмотримъ, что выйдетъ изъ негоднаго матеріала, изъ котораго ничего «нельзя» выяснить!.. По меньшей мѣрѣ удивительно, право, почему это бюро, имѣя, какъ таковое, полную возможность командировать своихъ членовъ для мѣстнаго изслѣдованія кредита, остановилось все таки на его изслѣдованіи по завѣдомо для него самого невѣрнымъ даннымъ, а если наличный составъ бюро былъ нынѣ занятъ другими срочными работами, то почему оно не выждало болѣе свободнаго времени и сочло все-таки нужнымъ такъ спѣшно приняться за разработку вопроса о кредитѣ по «несовер-

шеннымъ», «неоднообразнымъ», «никуда негоднымъ» даннымъ для составленія *«очень несовершеннаго* опыта»?

Другой недостатокъ этого опыта заключается въ значительной растянутости изложенія, въ повтореніи не только «сожалѣній», но и разныхъ выводовъ и объясненій (ср., напр., стр. 94, 102 и 139), въ излишне длинныхъ, мало разъясненныхъ и въ данномъ случаѣ не совсѣмъ идущихъ къ дѣлу отклоненіяхъ въ область *исторіи кредитныхъ учрежденій вообще въ Россіи,* когда брошюра имѣетъ цѣлью изслѣдованіе этихъ учрежденій по одной только полтавской губ.

Кромѣ того самый слогъ брошюры не отличается живостью и легкостью; встрѣчаются, напр., неудобочитаемыя фразы въ родѣ: «гдѣ отмѣченъ большой наплывъ кандидатовъ, замѣчается (и ?) большее количество *и* забаллотировокъ»; «мы извлекали кое что и о функціонированіи нашихъ кассъ для того, чтобы судить о значеніи ихъ въ жизни деревни»; «мы выше, въ началѣ этого обозрѣнія, говорили, но для большинствъ (?) заемщиковъ не имѣющихъ пая»; «такое неудобство бываетъ лишь при возвращеніи крупныхъ вкладовъ, такъ какъ наши кассы обыкновенно все же (не ?) остаются *не* безъ денегъ»; «это приводитъ къ тому на практикѣ, что»... и т. п., при чемъ чуть не половина періодовъ начинается въ брошюрѣ съ излюбленныхъ словъ «посмотримъ», «посмотрѣвши», «просматривая», при разсмотрѣніи», и «обращаясь къ разсмотрѣнію», «остановимся».

Благодаря недоброкачественности матеріала, очевидно, и выводы изъ данной работы не имѣютъ достаточно твердой почвы, вслѣдствіе чего къ нимъ надлежитъ относиться съ осторожностью. Тѣмъ не менѣе, по интересу своему, нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ вниманія, и потому, сдѣлавъ только что приведенную оговорку, мы считаемъ себя вправѣ указать на нѣкоторые изъ нихъ читателю.

Въ общемъ, положеніе ссудосберегательныхъ товариществъ полтавской губ. немного ниже средняго уровня положенія ихъ въ въ остальныхъ частяхъ Россіи; лучше поставленными въ губерніи оказываются городскія товарищества и тѣ изъ сельскихъ, существованіе и развитіе которыхъ обязано внимательному отношенію учредителей и попечителей, являющихся, конечно, людьми болѣе интеллегентными, чѣмъ остальная масса. Съ другой стороны, замѣчается, что болѣе удовлетворительно ведущими свои дѣла являются тѣ товарищества, члены которыхъ обязаны болѣе крупными паевыми

взносами, т. е. товарищества, составленныя изъ людей болѣе состоятельныхъ. Оба эти обстоятельства имѣютъ серіозное значеніе въ вопросѣ объ организаціи кредита для маломощной, умственно малоразвитой массы населенія, которой, вслѣдствіе своей темноты и бѣдности, трудно вести это дѣло самостоятельно и на болѣе или менѣе солидныхъ основаніяхъ.

Оказываемый товариществами кредитъ является непомѣрно дорогимъ и малодоступнымъ; пользуется имъ сравнительно болѣе состоятельная часть сельскаго населенія,—наименѣе же состоятельная этого рода кредитомъ не пользуется. Число членовъ товариществъ не имѣетъ неизмѣнной тенденціи возрастать, а во многихъ и притомъ болѣе солидныхъ товариществахъ оно даже уменьшается, между прочимъ вслѣдствіе болѣе строгаго выбора членовъ при баллотировкѣ и существующей во многихъ товариществахъ «естестенной ихъ тенденціи ограничиться небольшимъ кругомъ участниковъ». Условія кредитованія въ ссудосбрегательныхъ товариществахъ являются наиболѣе тяжелыми какъ разъ для наименѣе состоятельныхъ заемщиковъ (не могущихъ составить пая въ достаточномъ размѣрѣ). Словомъ, выходитъ то, на что, основываясь между прочимъ на фактахъ, приведенныхъ въ книгѣ И. М. Ревы «Кіевскій крестьянинъ и его хозяйство», говорили мы въ отзывѣ объ этой работѣ (Кіевская Старина, 1894, № 5): подобнаго рода помощь крестьянству, идущая главнымъ образомъ на пользу средне-и болѣе состоятельныхъ только способствуетъ происходящей на нашихъ глазахъ дифференціаціи, на существованіе которой указываетъ и цитируемая работа полтавскаго бюро (88).

Что касается волостныхъ кассъ, то, по заключенію брошюры, «безъ всякаго сомнѣнія, значеніе ихъ для деревни, въ смыслѣ удовлетворенія потребностей населенія въ кредитѣ, и несравненно значительнѣе (?) ссудосберегательныхъ товариществъ, но, съ другой стороны, оказывается, что волостныя кассы, распространяя свою дѣятельность и относительно и абсолютно на большое количество населенія, (вол. кассы имѣются въ большей части волостей полтавской губ.), обезпечиваютъ его кредитъ въ меньшей степени, чѣмъ товарищества своихъ членовъ». Кредитъ въ товариществахъ обходится населенію гораздо дороже, чѣмъ въ кассахъ; число кассъ ростетъ, и волостныя кассы являются повидимому учрежденіями, болѣе приспособленными къ условіямъ и требованіямъ крестьянской жизни, чѣмъ ссудосберегательныя товарищества.

Изъ 262 волостей губерніи волостныя кассы имѣются въ 249, т. е. въ 13 волостяхъ кассъ не существуетъ; въ свою очередь ссудосберегательныхъ товариществъ, если не считать городскихъ, имѣется въ полтавской губерніи тоже 13, въ 13 различныхъ волостяхъ губерніи. Интересно было бы знать, тѣ ли это волости, въ которыхъ нѣтъ волостныхъ кассъ и существуетъ ли вообще какая нибудь зависимость между учрежденіемъ тѣхъ и другихъ въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ; устраиваются ли товарищества тамъ, гдѣ уже имѣются кассы, или, наоборотъ, кассы учреждаются тамъ, гдѣ уже есть товарищества; одни ли и тѣ же лица являются болѣе или менѣе постоянными фактическими участниками тѣхъ и другихъ, или разные? Интересно было бы также сравнить и экономическую состоятельность заемщиковъ кассъ и заемщиковъ товариществъ; впрочемъ это возможно было бы только при спеціальномъ мѣстномъ изслѣдованіи, котораго, къ сожалѣнію, не сдѣлано. Благодаря этому, многіе изъ выводовъ критикуемой книжки о достоинствахъ и недостаткахъ ссудосберегательныхъ товариществъ и волостныхъ кассъ представляются малообоснованными, до извѣстной степени голословными.

Во второй выпускъ работы «О сельскомъ кредитѣ полтавской губ.» войдетъ, какъ сказано въ предисловіи къ первому выпуску, «изслѣдованіе частнаго неорганизованнаго мелкаго кредита, для чего въ распоряженіи земства имѣется разнообразный матеріалъ, собранный при экспедиціонномъ изученіи экономическаго положенія всѣхъ уѣздовъ губерніи въ 1881—1889 гг. и полученный отъ корресподентовъ статистическаго бюро въ 1886 — 1894 гг., а также болѣе 500 отвѣтовъ частныхъ лицъ на запросъ статистическаго бюро объ условіяхъ частнаго сельскаго кредита въ разныхъ мѣстахъ губерніи». Если это такъ, если неорганизованный кредитъ уже былъ изслѣдованъ на мѣстахъ, то для статистическаго бюро не такъ ужь много было бы труда произвести и мѣстное изслѣдованіе кредита организованнаго, устроивъ для этого даже спеціальныя поѣздки по волостнымъ правленіямъ. Если же для бюро необходимо было начать разработку кредита немедленно, то почему было не начать ее именно съ кредита неорганизованнаго, по которому матеріалъ не только вполнѣ готовъ, но начинаетъ уже и старѣться (данныя 1881—1889 г.), отложивъ изслѣдованіе организованнаго кредита до времени, когда можно будетъ произвести его спеціальное изслѣдованіе?

Л. С. Л.

Живописная Украйна.

(Дополненіе)[1].

Помѣстивъ въ февральской книгѣ «Кіевской Старины» указатель рисунковъ изъ малорусскаго быта въ иллюстрированныхъ журналахъ за 1894 годъ и указавъ въ немъ на рисунки въ чешскомъ журналѣ «Světozor» на основаніи свѣдѣній, найденныхъ нами въ другихъ журналахъ, мы по разсмотрѣніи этого журнала, котораго не могли видѣть раньше, считаемъ нужнымъ, въ дополненіе къ нашему указателю, привесть здѣсь полный списокъ рисунковъ изъ малорусскаго быта, помѣщенныхъ въ журналѣ «Světozor» за 1894 годъ.

Рисунки эти слѣдующіе:

А. Снимки съ картинъ: 1. Vernyhora, věštec ukrajinský, prorokuje osud Polsky. Ryto dle obrazu *Jana Matejky* (№ 1).—2. Na stopě. Ryto dle obrazu *Józefa Brandta* (№ 20). 3. Taras Ševčenko nad Dněprem. Dle obrazu *Kosta Trutovského* (№ 21).—4. Před zvěřincem. Maloval *S. Kostenko* (№ 28).—5. Kozacký ataman. Studie *Ilje Rěpina* (№ 48).

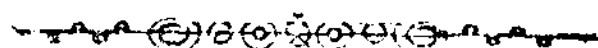
Б. Рисунки къ статьѣ Fr. Rechoř'a *«Z cest po Halicskié Rusi»*: 1. Dřevěna cerkov rusinska v Jsidorovce (okr. stryjský).—2. Rusinské deti z Dydušic (okr. stryjský).—3. Ručni obilni mlýnky vystavene na týdennim trhu v městečku (Židačově).—4. Zděna cerkov rusinska v Lesenicich (okr. lvovský).—5. Rusinska škola starsiho razu v Jvanovcich (okr. Židačovský).—6. Maloměstka selska chata starsiho razu v Židačově.—7. Rusinska škola moderni v Turadach (okr. židačovský).—8. Naměsti v Židačově.—9. Maloměstke měšt'anske domky (v Židačově.—10. Rusinska divka v kroji narodnim.—11. Hrnčiřy na tydennim trhu v Židačově.—12. Mlýn v Berežnici Kralovskie.—13. Fara v Jvanovcich.—14. Selský kroj v Volčňova.—15. Stohovani sena v Uniži u Horodenky.—16. Strašak v jecmeni u Berežnice Kralovske.—17. Hrabani sena v Zabolotcich u Židačova.—18. Selka ze Židačova jdouci na plevel.—19. Stahovani sennych kup do stohu (ze Zarohizny u Židačova).—20. Omajený kříž z Kulinek u Kaluše.—21. Kříž před Tejsarovem u Stryje.—22. Kříž při silnici u Žuravna.—23. Zahorodnykova chata v Zabolotcich.—24. Partie z navsi v Dydušicich.—25. Rusini od Stanislavova.—26. Na pastvě u Židačova.—27. Hřbitov

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1895 г., № 2.

v Melnyči u Žuravna.—28. Nadvoži statku v Tyškovcich u Horodenky.—29. Šatlava v Turadach.—30 и 31. Rusinšti branci na cestě.—32 и 33. Most v Zabołotcich —34. Rusini z okoli Kołomyje.—35. Selský statek v Kosově.—36. Chuda selska chata v Kosově.—37. Poulični partie z Kosova.—38. Navrat z lesniho pychu.—39. Cerkov v Kosově.—40. Naměsti v Kalomyji.—41. Prodavačka papriky na trhu v Kosově.—42. Rusinsky sitar na trhu v Kosově.—43. Vzory rusinské ornamentiky z nadob kosovského hrnčire.—44. Rusinšti manžele na tržisti.—45 и 46. Židovský kramec.—47. Stanky s bůstkami a cetkami toaletnimi pro Rusinny.—48. Z týdenniho trhu v Kosově (№№ 21—23, 38—40 и 49—52).

В. Виды: 1. Votivni chram Spasitelův u stanice Borek na draze kursko-charkovsko-azovskie (№ 38).—2. Z haličske zemské výstavy ve Lvově (14 видовъ, №№ 33 и 34).



ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЖИНСКАГО ЕШИБОТА. Очерки съ натуры. М. Рывкина.—XVIII. МНИМЫЙ УЧЕНЫЙ О МНИМЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ. (Д-ръ *К. В. Орловъ.* Основы діегновстики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ и солдатъ; съ приложеніемъ описанія различныхъ способовъ уклоненія евреевъ отъ воинской повинности. Спб. 1894 г.). Д-ра С. О. Грузенберга.—ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. XIX. ОХРАНИТЕЛИ СТАРИНЫ. *Исторія евреевъ въ Россіи. Посмертное сочиненіе М. Ѳ. Шугурова («Русскій Архивъ» 1894 г., №№ 1—5).* Критикуса.—XX. В. В. СТАСОВЪ ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ ЕВРЕЙСКОМУ ИСКУССТВУ *(Собраніе сочиненій В. В. Стасова 1847—1866 съ приложеніемъ его портрета и снимка съ поднесеннаго ему адреса, въ 3 томахъ in 4⁰. Спб. 1894 г.).* Барона Д. Г. Гинцбурга.—XXI. БИБЛІОГРАФІЯ. *Эфраимъ Ку. Еврейскій переводъ романа «о-., этъ и Купецъ» Б. Ауэрбахъ, сдѣланный И. Х. Тавьевымъ Изданіе «Ахіасафа», въ 2-хъ частяхъ. Варшава, 1893—94 г.* С. М.—XIV. ЗАПРОШЛЫЙ ГОДЪ. Ретроспективный взглядъ на положеніе еврейскаго вопроса въ прошлое царствованіе.—Комиссіи графа Палена и фонъ Плеве.—Ограничительный характеръ постановленій о евреяхъ.—Раввинская комиссія, ея дѣятельность и результаты.—Толкованіе администраціей постановленій о правѣ жительства.—Выселенія и ходатайства объ ихъ пріостановкѣ.—Экономическое положеніе евреевъ и ограниченіе разныхъ отраслей труда. Эмиграція и ея значеніе.—Участіе евреевъ въ земледѣльческомъ трудѣ въ качествѣ рабочихъ.—Порождаемый этимъ вопросъ.—Заключеніе. Л. З.—XXII. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. Знаменіе времени: «Новое Время» и проповѣдь доброты.—Мечтанія литературнаго Чичикова и «Маленькія письма» А. Суворова.—Теорія и практика доброжелательства.—Можетъ ли «Новое Время» держаться программы своего редактора?—Доброжелательство въ публицистикѣ и беллетристикѣ.—Новый романъ І. Ясинскаго «Юрьева могила». Ос. Гр.—XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Цѣна на годъ журнала «ВОСХОДЪ» и гезеты «НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА» 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го Января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1 Марта 3 р., и къ 1-му Іюля 3 рубля.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ. Театральная Площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Газета весьма важна и удобна для публикацій.

НОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ получаютъ безплатно 1-ю часть романа К. Е. ФРАНЦОЗА «*Сендеръ Глутейзъ*», составляющую КНИГУ ВЪ 20 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ слишкомъ. Но при этомъ они должны уплатить при подпискѣ не менѣе ШЕСТИ руб. и заявить о томъ, что они новые подписчики.

1—1

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Университета

(Адресъ Редакціи: Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ.

1) Часть оффиціальная: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе оффиціальные акты и документы.

2) Часть неоффиціальная а) научный отдѣлъ (ученыя изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя чтенія, отчеты объ ученыхъ командировкахъ и т. п.); б) критика и библіографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и матеріалы по исторіи Харьковскаго Университета, біографіи и некрологи профессоровъ и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложенія, заключающія въ

себѣ болѣе обширные труды, какъ-то: дисертаціи, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ *Д. Овсянико-Куликовскій.*

3—3

Cornelii alapides. in 12 prophetas... Żywoty (?) oyc. Historia europea и проч. мелкія. У Шовкуна, козака Сварковского, купилемъ гродъ (?) и поле и заплатилемъ 26 р. съ полтиною. Остапу Свѣтаку далемъ 42 р. съ полтиною на заплатку его долгу кредитору его Кролевецкому. Зъ Тулиголовъ кухва гор. привезена простой, посатка и пол... Молявка Черѣговскій у Москву отъ п. обозного енер. зъ вѣдомостми о маетностяхъ и екстрактами зъ слѣдствія старшиною енералной и полковниками чиненного.

Вовтор. 26. День былъ холодноватъ и ночъ серенъ билъ Рано ездилемъ до Батурина просить о пропускѣ виправи моей въ Царицинъ, оттуду заехалемъ до п. Михайла. Леону Іванову, подрадчику Сѣвскому, за жито далемъ 100 р., за 300 четвертей моихъ, а четверть всякая по 7 гривенъ и по 2 копейки. У вечеру били у сестри и играли въ карти, зъ виграшомъ моимъ. Тѣлний пріехалъ зъ Москви, служитель сестринъ.

Середа. 27. День былъ вѣтрянъ, вѣлgотний, ночь зъ жесточайшимъ вѣтромъ, мокра. Рано билемъ у брегадира, п. Михайла, обѣдалемъ у сестри. Далемъ господареви да Климу на доплатку жита 200 р. Остапу Свѣтаку далемъ на заплатку фурманамъ другіе 20 р., итого 40 р., да на дорогу для потребностей ему 5 р. По обѣдѣ ездилемъ до Количова и п. обозного енер. и простилемся. Тутъ отъ его увѣдомилемся, что идутъ 3 полка пѣхотнихъ съ Москви въ Кіевъ, для оправки города. Да у его жъ видѣлъ инструкцѣю, данную нѣкоторому Хрущову Алексѣеви, въ Малой Россіи описать заводи селѣтряніе, желѣзніе и другихъ мѣнераловъ, зъ бергъколегіи. Подрадилемся зъ преждереченнимъ посадскимъ Сѣвскимъ Леономъ еще на 200 четвертей, четверть по 23 а. безъ денежки. У вечери, въ дому отправившись, поехалемъ къ сестрѣ, где она подарила перстень, и позно поехалемъ отъ неи въ Тулиголови. Повернулся Василь молодикъ отъ архиерея Чер. зъ отвѣтомъ, что будетъ розискъ о попу Крисковскомъ. Приказъ далемъ на писмѣ, господару, Климу и Вѣжевскому.

Четвер. 28. День вѣтрянъ зъ дожчомъ, ночъ безъ дожчу, мокровата, а къ свѣту морозъ. Роману, старостѣ, далемъ 60 р.

для отдачѣ господареви и Климу Пѣщанскому, за жито подрадчикови 53 р., а 7 р. на ячмѣнь. Поехалемъ зъ Тулиголовъ и пріехалемъ въ Камень после полдня, где пообѣдавши, поехаломъ и и пріехалемъ въ Козацкее, и тутъ у попа Козацкого ночовалемъ.

Пятокъ. 29. День холоднѣйшій зъ сухимъ морозомъ и ночъ такова жъ. Зъ Козацкой рано поехавши, пріехалемъ у Корсаковъ объ 8-мъ часу, а знову оттуду отехалемъ о полъ 10 часа, пріехахалемъ до Чернецкой слободи о 12-го часу и 30 мѣнутъ; оттоль знову поехавши, пріехалемъ до Смѣлой о полъ 4 часа по полудни; зъ Смѣлого виехалемъ о полъ 7-го часа и пріехалъ въ Роменъ 11 часу, въ самую полночъ. У жени было теченіе крови излишнее.

Субота. 30. День и ночъ похмурніе и тепліе, зъ дожчемъ. Обѣдалисмо приватно зъ родителми, а у вечеру пріехалъ молодій Якимъ Троцкій зъ веселними зъ Лубень, да на веселле жъ пріехали Кролевчане свойственики наши, Чуйкевичъ, Бутовичъ и проч.

Неделя. 31. День былъ зъ силнимъ дожчемъ, ночъ такъ же мокра. Сестра моя Олеся зъ Якимомъ Троцкимъ вѣнчана зде въ Ромнѣ, протопопою Роменскимъ Василіемъ Савѣцкимъ. П. Яковъ Полуботокъ, швакгеръ мой, пріехалъ въ Роменъ. У жени знову излишнее кровотеченіе. Веселле сестри моей кончилось. Дядя п. Федоръ зъ панею пріехалъ.

Февруар. м-цъ. Понеделокъ. 1. День мокроватъ зъ малимъ дожчемъ, ночъ зъ морозомъ, къ свѣту силнимъ. П. Якову позичилемъ 5 таляр. бит. Сестрѣ подарилемъ пукалъ сребраний, позолочуваний, и 10 таляр. бит. Женѣ кровъ зъ медіяни пускалъ Ходецкій, а теченіе било жъ.

Вовтор. 2. День свѣтлій, холодній и ночъ такова жъ, а къ свѣту снѣгъ и морозъ. Сватба началась Івана Максимовича, запорожца, зъ Олесею, унукою г-жѣ Михайловой Воронѣжской; свати попи, Савѣцкій протопопъ да отецъ намѣсникъ, дружки Несторовичъ да Огіевскій Григорій.

Середа. 3. День былъ свѣтлій и холодній, и ночъ такова жъ. Банкетъ примѣромъ прежнихъ дней. Сватба Івана окончилась. Молебствіе о тезоименитствѣ імператрицѣ праздновано.

Четвер. 4. День свѣтлій, холодній и сухій, ночъ такова жъ зъ снѣгомъ. Банкетъ, примѣромъ прежнихъ же дней. Сестра Олеся зъ мужемъ своимъ Якимомъ Троцкимъ и свати Лубенскіе отехали зъ Ромна къ Лубнямъ, и ночовали на Засуллю. А мы зъ женою на квартерѣ п. Якота швакгра, зъ дядкомъ п. Федоромъ и панею его вечералисмо и долго просидѣли, да тамъ же и зъ п. Стефановою Миклашевскою. Марку брату подарилемъ 10 таляр. бит. Зъ Глухова писма принесени, между которими ко мнѣ отъ господаря, старости Крисковского и Пѣщанского. Да при томъ же получени писма отъ Желязи и щотъ отъ Камѣнского. Івана новоодружившогось дарили, въ коемъ числѣ и я 15 овецъ. П. Яковъ уступилъ намъ шинкъ свой Коровинскій. По листу старости Сухоносовского показано, что въ генвар. 25-го числа послалъ онъ въ Глуховъ горѣлки куфу у 6 носат., табаки сеголѣтной 1000, тогорочного табаку 940 попушъ, маку четверть четверика Роменского, курей рѣзанихъ 32, яблукъ сушенихъ.

Пятокъ. 5. День былъ холодний, ночъ мало теплѣйшая, къ свѣту снѣжокъ. Ярема посланъ въ Глуховъ зъ писмами до Бузинского и Пѣщанского, о пріездѣ сюда Свѣтаковомъ. Веселная компанѣя зъ Засулля поехала далѣй въ путь свой, такъ же и гостѣ порозездились и банкетамъ конецъ. Я поехалъ въ футоръ Гамалѣевскій и пріехалъ за полъ 4 часа, шляхомъ Ромадановского, а ночовалъ въ Андрѣевцѣ. Тамъ, у футорѣ осмотрувалемъ воловъ купленнихъ 22, а тамошнихъ рабочихъ 16.

Субота. 6. День былъ похмурний отчасти холодноватъ, ночъ такова жъ да свѣтла. Пріехалемъ зъ Андрѣевки на обѣдъ въ Роменъ, и обѣдалисмо зъ родителми. У жени боль превеликій былъ у чреслахъ и въ крижу, потомъ теченіе крове, после жестокій боль и рѣзь, а посемъ випало уровище и мѣстцище, и после сего ускромился боль. Сватба у сотника Роменского Семена Остапенка дочери его зъ Черняковимъ синомъ, на якую насъ запрошувалъ. Староста Сухонос. и Грицко Дядя пріехали въ Роменъ и привезли куфу гор. у полъ 6 носатки. Писма зъ Глухова отъ п. Михайла

брата и зъ Москви отъ Люки получилемъ о нѣкоторихъ моихъ потребахъ писанніе.

Неделя. 7. День свѣтлій и холодній, и ночъ такова жъ, къ свѣту снѣгъ. Сухоносовскому Грицку Дядѣ на воли далемъ 50 р. Писалемъ писма въ Глуховъ до п. Михайли, тако жъ и до Люки, въ Москву, о покупкѣ медикаменту, апологіи Будеевой и двохъ книгъ Морерѣ. До стар. Крисковского о присилцѣ людей по прежнему въ Глуховъ, 10 человѣкъ, и 3-хъ варахъ пива Коронского. Родитель поехалъ рано въ Глуховъ. У сотника здешнего Роменского сватба была, на которой родителка и я были, а жена болна въ дому оставалась.

Понеделокъ. 8. День тепловатъ, снѣгъ малий ишолъ, ночъ холоднѣйшая. Женѣ тяхше боль у боку сталъ докучать правомъ. Обѣдалисмо дома. Получилемъ писмо отъ Лоренцова, прикажчика Хоружевского, въ якомъ проситъ нашего туда прибитія для имѣючого отправоватись дочери его Катеринѣ зъ синомъ сотника полк. Старод., Семена Галецкого, завтрійшнего дня обрученія. Былъ у мене Данило Савоско зъ атаманомъ Роменскимъ Войтенченкомъ и говорили о взятихъ деньгахъ еще въ 1723-мѣ году, 350 зол., на покупку горѣлки, якая послана была въ Сулакъ на подарки. Василь Дѣня зъ Сизономъ били, чтобъ Ілку Важниченку понорови́ть въ доправляючомся долгу отъ его 40 р., мнѣ доводячихся. Отъ швакгра п. Якова зъ Коровинецъ пріехалъ Войцеховичъ Іванъ. Василь молодикъ пріехалъ зъ Глухова зъ тимъ, что виправа задержана.

Вовторникъ. 9. Сей день холодноватъ и похмуренъ, ночь свѣтла съ жестокимъ морозомъ. П. Яковъ швакгеръ пріехалъ и обѣдалъ съ нами. Женѣ легше. У вечеру былъ я у п. Якова и позно прійшолъ въ домъ. Василь молодикъ посланъ зъ листомъ до Якубовича, упоминаючимся о долгъ мнѣ доводячійся 900 р. зъ неболшимъ, да черезъ его жъ писано и до п. Федора, дядка, о присилки водки рожевой. Протопопъ билъ у мене у вечеру и припомянулъ, что тіе денги, о якихъ вчора упомянулось, употреблени на куплю гор. въ даръ Кропотову и протчимъ. Ярема да Остапъ пріехали, молодики, и по обѣдѣ Остапъ знову отправленъ къ виправѣ зъ листами.

Середа. 10. День и ночь таковіе жъ были, якъ и вчора. П. Яковъ вчора пріехавшій, у вечеру сегодня, а не вчора, обѣдалъ, и Василь слуга до Якубовича отправленъ. Купилемъ 2 кухви гор. Коропской, пѣнной, за 20 р.

Четвер. 11. День и ночь свѣтліе зъ жестокимъ морозомъ. Обѣдалисмо вкупѣ зъ п. Яковомъ, который по обѣдѣ и отехалъ. Въ лазнѣ кровъ пускалемъ и милемся. Братъ Марко и проч., ездившіе за сестрою въ Лубнѣ, повернулись оттуду. Подводчики зъ запасомъ моимъ, въ Астрахань нараженнимъ, прійшли на ночъ въ Роменъ. Кухву гор. простой позикою взялемъ у Павла Бабака, чтобъ ему тую жъ кухву отдать и придатъ гор. вѣдерко.

Пятокъ. 12. День и ночь свѣтліе и холодніе велми, въ ночѣ вѣтеръ. Обѣдалисмо вкупѣ зъ братами и родителкою. Писма отправилемъ въ Глуховъ, черезъ Петра Воротеляка, 2 писма до родителя, до господаря объ исполненіи приказовъ, до п. Михайла о пересилкѣ пакета въ Москву, до Люки о куплѣ книгъ Морерѣ и апологіи Буддеевой, и взяттю па то денегъ 20 р. зъ неболшимъ у людей моихъ, албо у сестри, до Желяза—о продажѣ вина, спораженню покупокъ и отобранню 2-хъ кух. гор. у Донского архим. Камѣнскимъ положенной и до архим. того о семъ же, чтобъ видалъ. Тамъ же и до сестри Уляни Ів. Толстой. Остапъ Свѣтакъ, служитель, да Гаврило Оксененко, мужикъ Сухоносовскій, отправлени въ дорогу низовую съ запасомъ; дано имъ на дорогу денегъ на всякіе експенса 125 р., да ефимковъ 45, борошна всякого сани, да запасу гор. двойной 8 кух., вѣдеръ на 320, одна простой, вѣдеръ 43, тютюну и бокуну 180 пуд., папушъ на 9000, и данъ имъ приказъ, якого копія оставленна. Родителка кунтушъ златоглавний ґранит. подарила женѣ. На покупку бокуну въ дорогу зъ Остапомъ далемъ Алексѣеви 11 ефимковъ и пол. Алексѣеви о должникахъ, що зъ ними дѣлать, а Тарасови о куплѣ соли, на якую далемъ 2 р. на воли. О зваренню меду, объ отдачѣ гор. куѳи Павлу Бабаку далемъ приказы. Осталось гор. на 2 корхи у бочцѣ тоей, якую позичили. По обѣдѣ, поехалисмо у вечеру зъ Ромна, я жена, братъ

Семенъ и Несторовичъ заблудили были до Родинецъ, а около 10-го часу прівхали въ Бубни, где и ночовали у отца Павла Свѣта.

Субота. 13. День былъ холодній, вѣтряний, ночь теплѣйшая зъ отлигою, якбы на снѣгъ. По службѣ Божой поехалисмо зъ Бубновъ и ехали ліодомъ, поузъ Липовое и Красний Колядинъ, и пріехали на обѣдъ до Дмитровки, отстоящой отъ Бубновъ миль за 3. По обѣдѣ поехавши, уехали милю до Гайворонона, отъ Гайворона верстъ 5 уехавши до Григоровки, тутъ и ночовали.

Неделя. 14. День зъ отлигою и зъ дожчикомъ и туманомъ, и ночъ такова жъ. Рано зъ Григоровки вставши, уехали верстъ зъ 15 и пріехали до Куренѣ, где и службы Божой слухали; по службѣ уехали съ полтори миль до Стрѣлниковъ, зъ Стрѣлниковъ съ полъ мил. до Миколаевки, зъ Миколаевки до Борзни добрую милю, где и обѣдалисмо. Отъ Борзни по обѣдѣ уехали милю до Оленовки, отъ Оленовки до Комаровки милю, где и ночовали у попа отца Федора.

Понеделокъ. 15. День сперва съ туманомъ и до конца, ночь съ полночи вияснилась была, а къ свѣту знову стала похмурна зъ туманомъ. Зъ Комаровки до Британовки верстъ 5 уехали, зъ Британовки до Кладковки верстъ 8, отъ Кладковки до Хибайловки верстъ 14, где и обѣдали у козака Гарбуза, близъ греблѣ. По обѣдѣ зъ Хибайловки до Вересочи верстъ 4, отъ Вересочи до Берестовецъ верстъ зъ 4, отъ Берестовецъ до Муравейки верстъ зъ 6 уехавши, тамъ и ночовали.

Вовтор. 16. День сперва зъ мокримъ туманомъ и малимъ дожчомъ, ночь такова жъ. Отъ Муравейки уехали до Вибель верстъ 25, зъ Вибель до Чернѣгова верстъ зъ 10 уехавши, пріехали до швакгровъ Полуботковъ, которихъ обоихъ не застали, кромѣ п. Андрѣевой. У лазнѣ милися мы зъ братомъ и Докторовичемъ; тогда п. Яковъ швакгеръ зъ деревнѣ своей Жукотокъ пріехалъ.

Середа. 17. День былъ безъ морозу, однако жъ и безъ отлиги, свѣтлий воздуха сухого, а ночъ была зъ морозомъ, частю свѣтла, а частю похмурна. Обѣдалисмо зде, въ Чернѣговѣ, у п. Якова и съ нами судія Черн. Каневскій, и подпіяхомъ.

Четвер. 18. Морозъ въ день зъ сухимъ воздухомъ, похмурно, такъ же и вночѣ было. Рано передъ обѣдомъ поехалисмо обще всѣ зъ п. Яковомъ швакгромъ въ село его Жукотки, где онъ зъ дѣтми своими и жилле имѣетъ. А пріехали туда за полъ 3 часа, ехавшіе: я съ женою, братъ п. Семенъ и Несторовичъ, застали тамъ сина п. Яковового Семена и дочь Агафѣю и пріехавши туда, тамъ обѣдали и ночовали.

Пятокъ. 19. День зъ ранку холоденъ зъ морозцемъ, а по обѣдѣ стало роставать, а ночь едва не черезъ всю дожчъ ишолъ. Обѣдалисмо у Жукоткахъ, а по обѣдѣ пріехалисмо въ Чернѣговъ, припознившись за зопсованнемъ дороги. Тамъ, въ Жукоткахъ, отездного далемъ синови швакгровому 2, а дочерѣ 1 червонн., а п. Яковъ дарилъ мене сребранимъ пукаломъ. Василь, молодикъ, посиланній до Якубовича, повернулся ко мнѣ въ Чернѣговъ и привезлъ отвѣтъ его, по якомъ видно, что отбитись мислитъ отъ долгу; онъ же привезлъ отвѣтъ отъ п. Федоровой и бутилку водки рожевой, отъ родителя и п. Михайла зъ Глух. писма, въ якихъ не совѣтуютъ мнѣ ехать въ Чернѣговъ тепер̕.

Субота. 20. День сей былъ мокрий сперва, поневажъ дожчъ до самого полудня ишолъ густий, и отъ полудня снѣгъ съ метелицею и вѣтромъ холоднимъ, который чрезъ всю ночъ тривалъ, для сего померзло. Былъ я зъ братомъ п. Семеномъ у архиерея здешнего Чернѣговского, который насъ ласкаве принималъ. Повернувшись, обѣдалисмо у п. Андрѣевой, куда и п. Яковъ пріехавши зъ Жукотокъ, прійшолъ, и подпияхомъ. Несторовичъ посланъ въ Седневъ зъ предложеннемъ до обозной енер., взглядомъ брата и ея сыновой Корсаковой [1]).

Неделя. 21. День похмурний зъ вѣтромъ сухимъ и велми холоднимъ, ночъ свѣтла, тиха, однакъ збитъ холодна, отчего все на дворѣ крѣпко померзло. Рано ездилисмо зъ швакгромъ п. Яковомъ и братомъ п. Семеномъ до монастира Троецкого, на службу

[1]) Рѣчь идетъ о сватовствѣ брата Марковича на вдовѣ Ивана Яковлевича Лизогуба, Аннѣ Михайловнѣ Корсакъ.

и въ келіи архимандрита Германа, а повернувшись обѣдалисмо у п. Якова. По обѣдѣ Несторовичъ повернулся зъ Седнева зъ тимъ извѣстіемъ, что оная Корсаковна положила себѣ намѣреніе во вдовствѣ жить. Былъ у вечеру писаръ полк. Янушевичъ. Вечералисмо вкупѣ всѣ, толко п. Андрѣева и обѣдала, и вечерала у себе.

Понеделокъ. 22. День свѣтлій и холодній очинь, ночъ такъже холодна, однакъ пополамъ свѣтла. Черезъ Несторовича въ Троецкій монастиръ на молебствіе за усопшихъ 4 р. Обѣдалисмо всѣ обще у п. Якова и писаръ пол. Чер.; по обѣдѣ простившись зъ п. Андрѣевою, такъже зъ п. Яковомъ, братомъ, и Несторовичомъ, опроважавшими мене, поехалемъ зъ женою и дѣтми и пріехалъ въ Седневъ, за 4 години, а далекости 4 миль отъ Чернѣгова въ Седневъ мѣрнихъ.

Вовтор. 23. День свѣтлий сперва и холодній, потомъ, въ серединѣ дня и къ вечору стало таяти, у вечеру и въ ночѣ сильный морозъ, а ночъ свѣтла и тиха. Зъ Седнева рано поехали до Руднинскихъ млиновъ миль 2, оттоль до Руднѣ миль 1, где рѣку Смячъ переехали черезъ греблю, оттоль до Петровой слободи верстъ зъ 4, отъ Петровой слободи до села Хотуничъ, судейского жъ Чернѣг., отъ Хотуничъ до Боровичъ верстъ зъ 7, где и ночовали.

Середа. 24. День свѣтлій сперва и велми холодній, потомъ вѣтряний зъ полудня, а потомъ знову тихъ и зъ малою отлигою до полночи, а зъ полночи снѣгъ ишолъ до свѣта хорошій, якій покрилъ землю, и отъ сеей ночи стала вновъ дорога снѣжная, добрая вновъ. Зъ Боровичъ до Илкучи, швакровъ моихъ слободки, верстъ зъ 3, до Тури, ихъ же, верстъ зъ 3, до Лозовой, брата п. Михайла, верстъ зъ 3, до Чепелюва, Антоновиччиного села, миль 1, до Наумовки верстъ зъ 4, уехавши, тутъ обѣдали у попа. По обѣдѣ уехавши миль зъ полтретѣ до Гути швакровъ моихъ Полуботковъ, тамъ ночовали.

Четвер. 25. Зъ ранку до полудня ишолъ снѣгъ густий, который добре покрилъ землю и отлига стала, а къ вечеру морозъ, ночъ холодна и ясна отчасти, а къ свѣту снова снѣгъ густий. Отъ Гути до другой Гути Гурковского, зовемой Олешня, верстъ зъ 6,

зъ Олешнѣ до села черноцкого, Рихловскихъ законниковъ, верстъ зъ 4, до Жуклѣ, футора гетманского, верстъ зъ 5, до Овдѣевки миль 1 великую уехавши, тамъ обѣдали у дворѣ п. Михайла. По обѣдѣ отъ Овдѣевки до Шабалтасовки верстъ зъ 3, зъ Шабалтасовки до Крисіокъ верстъ зъ 6, где уехавши, тутъ у своемъ дворѣ ночовалисмо.

Пятокъ. 26. День былъ мѣрно холодний сперва, але зъ густимъ снѣгомъ и метелицею, а по полуднѣ, въ 4 часа вияснилось и випогодилось, къ вечору зъ жестокимъ морозомъ, который тривалъ и черезъ всю ночъ. Зъ Крисіокъ до Иванкова, Печерского монастира села, верстъ зъ 3, до Розлетовъ, канцелярийского села, зъ полтори мил., оттоль черезъ Десну, до Погорѣловки, верстъ зъ 3, до Обтова верстъ зъ 4 уехавши, тамъ обѣдали у дворѣ Івана Забѣли. Тудажъ, въ Обтовъ, пріехалъ протопопъ Стародубовскій Подgурскій, привезлъ дѣвчатъ сиротъ, по смерти отца своего Прокопа Березовского и матки Забѣловни, оставшисхся. Зъ Обтова до Дубовичъ миль 3, год. зъ 3 ехали, а оттоль до Тулиголовъ верстъ зъ 4 уехавши, тамъ въ своемъ дворцѣ ночовали.

Субота. 27. День былъ холодний велми и сперва до полудня тихій и свѣтлий, а по полуднѣ до вечора и черезъ ночь вѣтрянъ велми, полудневимъ вѣтромъ, передъ свѣтомъ утихлъ. Писалемъ зъ Тулиг. до Крисковского стар. о зробленню 20 куѳъ по 13 носат. и о висланномъ Черн. архиерея, чтобъ мнѣ далъ анать. Рано зъ Тулиг. поехавши, уехалъ 3 миль, за полъ 3 часа, и пріехалъ въ Глуховъ, где застали родителя и брата Івана, где и обѣдали. Билъ у вечеру у п. Михайла, отъ которого отобралъ писмо Люкино и Epistola apologetica Buddei на Камень Вѣрѣ. Получилемъ писмо отъ стар. Сухонос. и Перервинского. Увѣдомился, что ясневел. дано красную ленту Александра Невского.

Неделя 28. День вѣтрянъ отъ полночи, а къ вечеру тихъ и очипь холоденъ. Ночь хочай пасмурна, однакъ холодна, а къ свѣту вѣтеръ и снѣжокъ малий. Рано ездилемъ зъ род. до брегадира, княгинѣ, п. гетмановой, а обѣдалисмо у себе, зъ попами Астровскимъ и Василіемъ. У день я ездилъ до Бока, доктора, отъ которого при-

нялъ я лекарства, прошлого году декавр. 22-го приписанніе, прошокъ absorbens и oleum cephalicu, за 2 р. и 5 копѣекъ купленніе. Уговорилемъ коня заносатѣвшого вновъ лѣчить, а коновалу за то 2 р. У вечеру билъ я у п. Михайла, а вечерали у себе зъ родителемъ и тими жъ попами. Отдано зъ Москви присланной рибы: осятеръ пудъ 1 и полъ 12 фунта, пуду цена 75 копѣекъ, лосось 1, фунтъ 18 и пол., по алтину, сіомga 1, фунтъ 12, по 1 а., икри полпуда 1 р. безъ 5 копѣекъ, судно 5 копѣекъ, за провозъ 50 копѣекъ, а сее отъ Желязи, и 2 штановъ давнихъ моихъ лосинихъ.

Постъ вел. М-ць мартъ. Понеделокъ. 1. День сперва зъ снѣгомъ и вѣтромъ полунощнимъ, потомъ свѣтлий и холодний, ночъ тожъ свѣтла, але еще холоднѣйшая. Рано былъ у мене Александеръ Левицкій и отойшолъ, а мы все въ дому были. О заборѣ п. Павловой Девейзбахомъ учиненномъ вѣдаетъ Назаръ, мужикъ и староста Андріяшовскій, войтъ Мисникъ, бывшій староста Андріяшов. умре, стадникъ Гладкій, который умре.

Вовтор. 2. День былъ свѣтлий, тихій, но велми холодний, ночъ тожъ тиха, холодна. Козакъ Перервинскій, отчимъ кучеровъ, отправленъ въ домъ, а чрезъ него писалъ я до Несторовича и родителки. Такъ же до Сухоносовского стар. о Лукомскомъ сотнику, чтобъ не сумнился о пригнаттю въ Гамал. футоръ 50 валаховъ, 200 овецъ и 10 коровъ, о мужикахъ, чтобъ gрунтовъ не продавали; о содержаніи винницѣ безъ упущенія, о соли, что излишній оной росходъ, о олію, которого зъ Перер. въ Сух. послано 3 пуда безъ 4-хъ фунт., а онъ послалъ полъ 3, а тутъ заважили полъ 2 пуда, о видачѣ гор. стар. Перер. за роспискою, объ умноженіи левадъ тютюннихъ; о присилкѣ пшона всего сюда, о бившомъ дворнику Василю, чтобъ виправить що доводится, о роздачѣ грошей на сѣно до 50 скиртъ, по 150 копицъ, и послани ему на нужди 10 р. А до Перервинского старости —о куплѣ стѣнки Івана Жили, на що и на сѣно роздавать послалъ 40 р. да 10 ефимковъ, о витертю винних на сѣно жъ зъ реестра шинкарского[1]), о тор-

[1]) Говорится, чтобы шинковые долги были употреблены на сѣно и чтобы затѣмъ должники были вычеркнуты изъ долговыхъ списковъ шинкарей.

ґовлѣ стѣнки Ворониной, дешевѣй, о сѣнѣ сколко было за его и есть теперъ, въ Яблуневъ—человѣка искать, пріеждждимъ не шинковать, о коняхъ ему на поездку впредь, на Свѣтличномъ ему доправить, що доводится. Купчой форма послана до его жъ. П. Кондзеровскій былъ рано и Якимъ маляръ, котории отобралъ на свои руки золота битого книжокъ 193, а семи не достаетъ, и росписался, что порожнихъ книжокъ 100 долженъ возвратить. Черезъ тогожъ Якима писалъ я въ Стародубъ, до Валкевича, о куплѣ мѣноговъ и вина лагонского, на що далемъ 10 ефимковъ [1]). Тертичнику далемъ до крайней рахуби 3 р. Алексѣй Полуденскій пріехалъ зъ Ромна и привезлъ зъ собою задолжившогося котляра, а отъ другого мѣди отобралъ 85 фунт., якую теперъ привезлъ же. Да онъ же Алексѣй виправивши у Ілка 20 р., отдалъ Тарасу въ Ромнѣ, да отъ Романчука 4 р. онъ же взялъ на сѣно. Алексѣй докупилъ табаку чили бокуну Остапу Свѣтаку 1800 папушъ.

Середа. 3. День былъ свѣтлій зъ жестокимъ морозомъ, ночъ похмурна зъ отлигою. Зборщики Глуховскіе явились, которимъ за 3 казани заплатилемъ 3 таляр. На службу зъ женою ездилемъ до до ст. Анастасіи, а по службѣ у Гапки были.

Четвер. 4. День былъ похмурний и вѣлготний, для чего снѣгъ сегодня началъ таяти, у вечеру примерзло, а къ свѣту мокро и ночъ похмурна. Въ дому были, обѣдалемъ зъ род. и дѣтми, и у лазнѣ мились. Василь Вел., молодикъ, посланъ въ Ямполь пиво варить, на що ему дано 2 р. и писмо до Карпова, прикажчика житамошнего. До Крисіокъ послано, черезъ подводи отправленіе зъ житомъ, о пивѣ, брусахъ, улляхъ, бочкахъ и объ исполненю всего того, что еще прежде приказано. Зъ Астраханѣ отъ Архипа писмо генвар. 4-го отпущенное, въ якомъ пишетъ, что онъ въ Астраханѣ и весь запасъ съ нимъ въ цѣлости и что отъ 4-хъ бугровъ указомъ назадъ завернемъ онъ сталъ.

Пятокъ. 5. Сей день былъ вѣтряний, похмурний и сперва снѣгъ густий ишолъ, а потомъ стала таяти велми, ночъ також была

---

[1]) На Стародубской ярмаркѣ

похмура зъ вѣтромъ полуденнимъ, а къ свѣту морозець и вѣтеръ холодний. На службу ездилемъ въ городъ до церкви ст. Михаила. Купилемъ дровъ 60 воз. за 3 р., по 5 копѣекъ возъ, да гречки два четверики, по 8 зол. зъ 4 коп.

Субота. 6. День былъ вѣтряний велми зъ ранку, безъ морозу, а къ полудню стало таяти, къ вечору морозъ и чрезъ всю ночъ примерзло добре, день билъ похмурний, къ вечору вияснилось и чрезъ всю ночъ. Были зъ родителемъ на службѣ у княжой церквѣ, где и коммунѣковались, а по коммунѣи заходили до княгинѣ, которая сказала вѣдомость, что панъ гетманъ віехалъ зъ Москви февр. 26, а князь, ея супругъ, марта 2-го. Обѣдалисмо у себе и никуда зъ дому не ездили.

Неделя. 7. День былъ рано зъ морозомъ, около полудня и после стало велми растовать. Такъже было чрезъ всю ночъ похмурно да мокровато. У брегадира былисмо рано, оттоль на службѣ у ст. Анастасіи, после у п. гетмановой, где и п. Петра, полк. Луб., пріехавшого зъ Москви видѣлъ. Тамъже я и обѣдалъ, а по обѣдѣ зъ п. Петромъ, отехавшимъ въ Лубнѣ, простился, а по отездѣ его долго у брата п. Михайла сидѣлъ зъ Рощаковскимъ. Ясневелможний гетманъ Данило Павловичъ Апостолъ повернулся зъ Москви передъ вечоромъ, а на немъ красная лента, тоесть кавалерія святого Александра Невского, отъ ея величества данная.

Понеделокъ. 8. День былъ похмурний, вѣтряний, мокроватий зъ дожчемъ, ночъ свѣтла и къ свѣту морозъ. Обѣдалисмо у себе и не ездили никуда. Новий приказъ далемъ Вѣжевскому ведлугъ шинковъ, и отъ того часу мѣетъ отдача напитку шинкарамъ и пріемъ грошей отъ шинкарей у его записоватись впредъ.

Вовтор. 9. День былъ свѣтлій зъ ранку, зъ морозомъ, тихій, къ полудню стало роставать и похмурно, снѣгъ ишолъ, къ вечору морозъ, вѣтеръ по полудневомъ полунощний насталъ, випогодило у вечеру и чрезъ всю ночъ. На службѣ былисмо у ст. Анастасіи и у ясневел. на водцѣ, а у себе обѣдали. Князь Алексей Івановичъ Шаховскій, генералъ-маіоръ, пріехалъ въ Глуховъ, 10-го часа, передъ полноччю.

Середа. 10. День былъ холодний зъ морозомъ, и чрезъ весь день и ночъ такъ было, вѣтряніе и похмурніе были. Рано были у князя зъ поздравленіемъ и обѣдалисмо тамъ, род. и я, братъ п. Михайло, брегадиръ, Количовъ и Жураковскій. Росказивалъ князь о послахъ китайскихъ, въ Москву присланнихъ: 1) своего государя називаютъ булдуханомъ, 2) якъ были на авдіенцѣи, то идучи къ государинѣ, трижди въ землю кланялись; 3) одѣяніе, шапки, волоси и физіогномѣя во всемъ подобни колмикамъ, понеже они не суть праміе китайци, но мансурѣ, завоевавшіе китайцовъ. Желязо пріехалъ съ Москви и привезлъ рибы: осятровъ двохъ, бѣлорибицю и лосося, да отъ Люки—Max. le grand dictionaire за 20 р. Отъ сестри черезъ Федора Гайдука писмо зъ Москви получилъ и бочонокъ мѣноgовъ. Вимѣрали вино кримское, Демяномъ привезенное, якого намѣрали окъ 1282. Мякининъ пріехалъ съ Москви.

Четвер. 11. День былъ холодноватъ, зъ малою отлигою, и похмуренъ, у вечеру болше того отлигло, въ началѣ ночи снѣгъ якъ сталъ ити, то черезъ всю ночъ ишолъ зъ силнимъ вѣтромъ, и потому знову зимняя дерога стала. Обѣдалъ я дома, а родитель у князя, писалемъ по предложенню княжомъ до сестри п. Чарнишевой, чтобъ пріездила сюда въ Глуховъ миритись съ пасинкомъ своимъ Петромъ Чарнишомъ, и послалемъ съ тимъ молодика Гаврила къ ней въ Подоловъ. Окончилемъ Вѣжевского щотъ, и що показалось на особливомъ есть патерѣ описано. Поляка Янѣшевского принялемъ на службу.

Пятокъ. 12. День зъ ранку до вечора зъ силнимъ вѣтромъ и метелицею былъ, зъ чего снѣгъ прибавился, ночъ вѣтрана жъ, але безъ снѣгу, зъ силнимъ морозомъ, свѣтла и къ свѣту тиха. Былемъ на службѣ у церквѣ ст. Михаила, оттоль у склепу. Отъ брата п. Семена получилемъ листъ, въ якомъ проситъ резолюціи моей на отозвъ Глинского сотника, бывшій къ нему о поятіи дочери ихъ въ жену ему, брату[1]). Демянъ перелѣчилъ дерево все, зде въ Глуховѣ обрѣтаючееся, которого реестрикъ приложенъ тутъ.

[1]) Глинскимъ сотникомъ въ это время былъ Жуковскій.

Субота. 13. День былъ зранку свѣтелъ и холоденъ, и до вечора такъ, ночъ тихажъ, свѣтла и холодна. Обѣдалисмо зъ род. у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до брата п. Михайла и былъ у князя. Савѣ, писареви артилерійному, далемъ на медъ въ доплатку 4 р. до далшого порахунку, понеже взятого меду не виважили. Климъ посланъ въ Чернѣговъ до швакгровъ за денгами, да черезъ егожъ послалемъ въ Криски, на роздачу на жито до новини, 40 р. Писалемъ черезъ его до обоихъ швакгровъ о видачѣ денегъ; до п. Якова особливо и чаю послалъ, и ему далъ приказъ. Сестра п. Чарнишева пріехала.

Неделя. 14. День былъ зранку холоденъ и похмуренъ, къ полудню и после полудня вѣтеръ и тепло, для чего снѣгъ знатне роставалъ, ночъ тепла также и хмурна, къ свѣту випогодилось зъ морозомъ. У церквѣ ст. Анастасіи, оттоль у ясневел., при которомъ ездилемъ до генерала аншефа Вейзбаха, теперъ пріехавшого въ Глуховъ, а простуючись зъ Варшави въ Москву. Обѣдалемъ въ дому у сестри п. судіиной, а родитель у княгинѣ, где билъ у дворецкого дитяти кумомъ, зъ Вассою, асаулкою генералною [1]). Получилемъ писма отъ п. Якова швакгра и отъ архиерея Чернѣг. объ отправленнихъ розищикахъ въ Криски, Мануйловичу и намѣстнику Рихловскомъ.

Понеделокъ. 15. День былъ свѣтелъ, зъ ранку зъ морозцемъ, тихъ, въ день теплъ отъ слонца, ночъ теплажъ и ясна, къ свѣту похмурно зъ маленкимъ снѣжкомъ. Рано билъ у мене Петро Чарнишъ и розговорували о мирѣ зъ мачехою его Билъ же п. Федоръ Савичъ и п. Кондзеровскій. Обѣдалисмо у себе, а род. у князя. Боку масла дѣжечку послалъ. П. Михийло билъ у вечеру. Писмо до архиерея Чернѣговского отписалемъ, чтобъ намѣстникъ Рихловскій не билъ въ розищикахъ и въ листѣ до п. Якова отослалъ.

Вовтор. 16. День былъ похмурний зъ снѣгомъ и холоденъ, и съ метелицею. Ночъ свѣтла, зъ жестокимъ морозомъ. Івану Осипову,

---

[1]) Женою Мануйловича.

жителеви батуринскому, сестренцеви сотника Батуринского Стожка, заплатилемъ за лавку въ Кролевцю, помѣжъ зъ моею ложачою, 30 р., а онъ мнѣ купчую зъ уряду Кролевецкого привюзъ. Сестра, п. судіина, била у насъ и обѣдала, а по обѣдѣ споражали вѣдомости ея імѣнія, зъ которими билисмо, зъ братомъ п. Михайломъ, у князя у вечеру.

Середа. 17. День былъ зранку свѣтелъ и холодноватъ, потомъ похмуренъ, ночъ похмурна жъ, зъ морозцемъ хорошимъ. Рано былемъ у ясневел., а для тезоименитства княжого обѣдали многіе и я у князя, и подпіяхомъ. Писма къ сестрѣ Толстой отправилемъ къ Ладинскому, едучому въ Москву, а писалемъ, даруючи ей горѣлку мою въ Москвѣ имѣючуюся, а именно: двойной двѣ куѳи, 82 ведра, простой куѳу, а другую кухву Курбатову, чтобъ переслала До Люки также писалемъ, дякуючи за присланніе Morerі. О видачи однихъ двохъ куѳъ простой гор. писалемъ до архимандрити Донского Іларіона Рогалевского. По сказкѣ Демяна и Алексѣя, имѣется въ Ромнѣ бокуну купленного 21 пуд. да зъ Гамалѣевского футора 27 пуд.

Четвер. 18. День сей былъ сперва свѣтелъ и холоденъ до вечора, ночъ свѣтла и холодна была. Рано былемъ у князя, а обѣдалемъ у себе зъ женою. Ясневелможний по вчорайшомъ банкетѣ княжомъ шуменъ будучи, тогда въ себе упалъ на землю и забилъ себѣ правий бокъ, отъ чего заболѣлъ. Ходилемъ до переводчиковъ права и посѣщалъ ихъ въ дворѣ Бѣлополоп. гетм. Ефимковъ 10 даннихъ Якову маляру, отобралемъ. Демянъ Кузмѣнскій посланъ въ Роменъ и далѣй за денгами и проч., о чомъ приказъ.

Пятокъ. 19. День сей сперва билъ свѣтлій отчасти, а поболшому похмурний, а до самого вечора хмуренъ, ночъ хмурнажъ, а отъ полночи снѣгъ великій зъ вѣтромъ и зъ силною метелицею ишолъ ажъ до свѣта, съ чего много снѣгу стало. Жена поехала въ Тулиголови зъ дѣтми меду варить. У Сави, писара артилерійного, купилемъ меду пудовъ 7 и 14 фунт., которому до ращоту далемъ 6 р., понеже медъ безъ дерева купили, а пудъ меду по 40 а.

безъ шага. У день билемъ у князя, где засталемъ пріехавшого Хрущова, полковника Нѣжинского.

Субста. 20. День сей отъ ночи былъ похмуренъ, снѣгъ великій ишолъ зъ вѣтромъ и зъ великою метелицою, зъ ранку до вечора. Такъже и черезъ всю ночъ до свѣта ишолъ, зъ чего снѣгу много стало и санная дорога показалась. Івановнѣ, московцѣ, далемъ 80 ефимковъ на покупкѣ въ Борзнѣ, которимъ и реестрикъ написанний вручилемъ ей же. Оболонскій Демянъ обѣдалъ у мене, а призванъ билъ взглядомъ дѣла Заруцкого, о млинѣ Ясманскомъ, якіе читалисмо оба зъ п. Михайломъ. Князь зъ княгинею мился у лазнѣ нашой, а Хрущовъ такъ сидѣлъ. П. Михайлу брату отослалемъ 40 ефимковъ, якіе я рублями позичилъ билъ у походѣ низовомъ у его, а еще 10 р. осталемся емужъ виноватъ. Петру кухару на росходъ столовий 2 р. вновъ и первимъ разомъ далемъ.

Неделя. 21. Рано снѣгъ ишолъ, день похмуренъ, однакъ холодноватъ, къ вечеру и черезъ ночъ випогодилось, зъ морозомъ среднимъ. Обѣдалисмо у князя зъ род., оттоль ездилемъ къ сестрѣ п. Чарнишевой на пастовникъ, а оттуду до п. обозного енералного, у которого доволно посидѣвши, позно пріехалемъ у домъ свой.

Понеделокъ. 22. День былъ сперва зъ снѣгомъ, а потомъ вияснился зъ морозомъ. Ночъ такъже ясна была и велми холодна. Купилемъ дровъ 43 вози, 2 вози сѣна за 2 р. и 19 а., а въ Сварковѣ сторжили скирту сѣна за 2 р. Сестра п. Чарнишева и Петро Чарнишъ были у меня и посидя и поговоря, ведлугъ миру своего, розехались. Былъ и п. Михайло. Отъ п. Григоріевой (Журавковой) зъ Новгородка получилемъ вѣдомость о ея великой слабости. Юрченку за четверикъ жита по полтора четверика брать казалъ зъ людей руских.

Вовтор. 23. День былъ похмурний и ночъ такова жъ до половини, метелица до свѣта зъ вѣтромъ. Рано былемъ у князя, где и Чарнишъ былъ. Отъ князя писарь Печерскій ко мнѣ зайшолъ. Въ дому обѣдали зъ род. и женою, пріехавшою зъ Тулиголовъ, которая по обѣдѣ знову поехала въ Новгородокъ до п. Григоріевой болной. Мануйловичъ, чернецъ Чернѣговскій, опредѣленний на ро-

взятя онихъ въ Подоловъ), съ Новгородка уже по смерти матери еи, Фридрикевичевой, къ ней тетки еи, Фридрикевичевой, сундуковъ да и безъ сундуковъ, какихъ вещей и протчего разновремено послано или дано, и все ли то, что било у ней, привезено по смерти матери еи, Фридрикевичевой, въ Подоловъ, она, Фридрикевичева, неизвѣстна и знать ей тогда нѣпочему било, яко про все то мать еи, Фридрикевичевой, вѣдала; 2, по смерти матери еи, Фридрикевичевой, какъ упоминаемою теткою взята она, Фридрикевичева, въ опеку въ еи домъ, въ Новгородокъ, изъ Подолова, куда опять нею и сундуки еи, Фридрикевичевой, взяти, то она тетка еи зъ синомъ своимъ разновремено слюсаровъ сискивая, (по причинѣ той, что у дядѣ еи, Фридрикевичевой, прописаного Ширая, ключи отъ сундуковъ содержались) сундуки отпирала, а одна баула, гдѣ серебро содержалось, къ описѣ, когда отдачу еи, Фридрикевичевой, дѣлано, чрезъ показаного Заводовского, принесена была отъ показаной тетки незамкнутая и замка при оной не било и сие де, какъ оной Заводовскій, такъ и хоружий Налягака и прописаной Иванъ Суденковъ видѣли и знаютъ; 3, неменшимъ сумнительствомъ состоитъ и сие, что тетка еи, Фридрикевичевой, Суденкова и синъ еи Иванъ Суденковъ вскормленого въ домѣ матери еи Фридрикевичевой, малого, именемъ Карпа, при еи, Фридрикевичевой, въ еи домѣ бившого по виходѣ еи, Фридрикевичевой, въ замуже, ей, Фридрикевичевой, неотдала и при виездѣ еи, Фридрикевичевой, съ мужемъ своимъ изъ еи дому, зъ Новгородка, прошедшого февраля 18 д., оного малого оковала въ зелѣзи и не випустила изъ своего дому, которой де малой, яко съ младенчества воспитанъ и безотлучно жилъ при матери еи, Фридрикевичевой, то знать можетъ о многихъ съ еи, Фридрикевичевой, имѣний вещахъ, за коимъ малимъ мужъ еи, Фридрикевичевой, къ тетки еи, Фридрикевичевой, объ отдачи его хотя и писалъ, но оная не отдала и писменого отвѣту не учинила, а чрезъ посланого де отъ 6 февраля къ мужу еи, Фридрикевичевой, въ Подоловъ, Андрея Ярошевича, велѣла сказать, что тотъ малой Карпъ посланъ уже въ Питербурхъ къ сину еи и отданъ не будетъ, а сверхъ де того подданого еи, Фридрикеричевой, Савку Шпачка означеная тетка еи отъ неи, Фридрикевичевой, насилно взяла и въ Питербургъ, въ прошедшомъ 764 году, въ декабрѣ м-цѣ, отправила. А въ сообщеномъ приономъ протестномъ доношении реестрѣ написано, что по доношению еи, Фридрикевичевой, 1764 году, марта 4 д., поданому отъ сотенной Кро-

ловецкой канцелярии съ описнихъ наслѣдних ъ еи движимихъ имѣний, въ сохранение опекунами ей, Фридрикевичевой, взятихъ, при здачи еи, Фридрикевичевой, за виходомъ еи въ замуже, не явилось вещей, а имено: подноса сребряного малого, обуха сребромъ оправленого, въ сребрѣ вѣсу три фунта съ половиною и четью недостаетъ, въ ланцюжкахъ золотихъ недостаетъ десяти лотовъ двохъ золотниковъ съ половиною, перевѣнѣ полосатой тридцяти аршинъ, грезети алой на юпку, приставки ценованой, мартировъ двохъ, рубашекъ кужелнихъ пяти, кроватѣ одинакой железной съ занавѣсками трема, одною тафтяною, полосатою, другою полотняною шитою, а третою серпанковою, совсѣмъ съ подушками четирма и пуховикомъ, плахотъ девяти, ручниковъ шитихъ пяти, ручниковъ тканихъ двохъ, рубашекъ галанскихъ четирохъ, швабскихъ скатертей штуки, скатертей простихъ трохъ штукъ, сѣдла зеленого бархатного, гаптованого, зъ платкомъ такимъ же, подъ ящуромъ, хомутовихъ кришокъ краснихъ суконнихъ шести, попони одной барсовой, соболевого хутра поли одной, сѣдла красного гаптованого, погребца Гданского, часовъ золотихъ, козирка сукномъ синѣмъ вибитого, запаски бѣлой грезетовой, шитой серебромъ, отъ юпки такой же, которую у портного Подоловского нашли своровану, и взята теткою Суденковою, ронда одного дорогого, а сверхъ того двохъ рондовъ позолоченихъ и двохъ сагайдаковъ, подъ сомнениемъ тутъ означаются до надлежащой виправки. О чемъ всѣмъ предизображеномъ суду полковому Нѣжинскому чрезъ сие протестное доношение заявивъ, просила она, Фридрикевичева, оной протестъ принявъ, отъ слова до слова уписать въ протоколную книгу, а еи, Фридрикевичевой, съ оного видать, въ силѣ правъ Малороссійскихъ, урядовую випись, о чемъ де отъ еи, Фридрикевичевой, и въ ровной силѣ въ суда войсковий генералний и въ земский Глуховский заявлено. Того ради опредѣления полкового Нѣжинского суда оной протестъ зъ реестромъ въ полковомъ Нѣжинскомъ суде въ протоколную книгу, подъ № 160, вписанъ, съ которого протеста и реестра отъ слова до слова въ засвидѣтелствование таковой еи, Фридрикевичевой, протестаціи, за подписомъ рукъ и за печатю урядовою, изъ полкового Нѣжинского суда сия випись и дана, 1765 году марта 26 дня. Полковникъ Петръ Разумовскій. Судия полковий Василь Кулаковскій. Писаръ суда полкового Нѣжинского Іванъ Стасевичъ. Полков. Нѣжинск. суда подканцеляристъ Александеръ Скибовскій. *(Съ подлинника).*

10. Дарственная запись жены Григорія Фридрикевича, Анны Яковлевны, на всѣ ея имѣнія, бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу. 1769 г., 16 мая.

Въ земскій повѣту Батуринского судъ доношеніе. Каковъ вѣчистой записъ на всѣ наслѣдственніе моя недвижиміи и движиміи добра, со влитьемъ и права, за подписомъ моимъ и за печатю, такъ же за подписомъ очевисто отъ мене во свѣдителство упрошеннихъ г.г. шляхтичовъ, которіе на ономъ записѣ, пры своихъ печатехъ, руки прыложили, зъ доброй моей волѣ бунч. тов. Ивану Стефановичу Леонтовичу мною данъ, оной подлинной вичистой записъ земскому повѣту Батуринского суду очевысто жъ сознаю и при семъ моемъ доношеніи въ тотъ судъ самоперсонално представляя, прошу оного земского суда тотъ мой вѣчистій записъ ему, Леонтовичу, доброволно отъ мене на всѣ мои недвыжиміи и двыжиміи добра данній, въ земскій оного суда повѣтовіи книги вписать и изъ оныхъ обыкновенную по правамъ Малороссійскимъ изъ того моего вѣчыстого запису выдать ему Іоану Степановичу Леонтовичу урядовую выпись. На подлѣнномъ доношеніи подписъ таковъ: надворного совѣтника Григорія Фридрикевича жена Анна Фридрикевичева.

Помѣта: 1769 году, мая 18 д., прынявъ записать, а представленной самоперсонално отъ прописанной г-жи Фридрикевичевой въ судъ земскій при семъ доношеніи уступной вѣчистой записъ, яко по разсмотренію суда земского является по точности правъ Малороссійскихъ исправленій, вписавъ въ земскіе повѣту Батуринского книги, видать пры урядовой обыкновенной выписѣ потребуючой сторонѣ, упомянутому г. бунч. тов. Леонтовичу, на вѣчное и спокойное ему значащимись по тому запису движимими и недвижимими добрами владѣніе. На ономъ опредѣленіи подписались: Петръ Забѣла, Самойло Гриценко.

Въ данномъ же отъ упомянутой г-жи Фридрикевичевой уступномъ записѣ написанно тако:

1769 г., мая 16 числа. Я нижеподписавшаясь всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежить и всякому суду и праву, симъ моимъ доброволнимъ вѣчистимъ записомъ обявляю, что во вѣчное и потомственное владѣніе уступила я бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу наслѣдственно мною владѣеміи недъвижимін имѣнія, а именно: въ полку Нѣжынскомъ, село Митченкы, съ подданнимы, съ пріезжимъ дворомъ, съ мелницямы въ ономъ же селѣ состоящимы, съ шынками, пахотнимы и сѣнокоснимы землямы, съ лѣсамы, съ озерамы съ ху-

торомъ прозиваемимъ Сѣжковскимъ и съ протчимы всѣмы прыналежностмы, подъ городомъ Батурыномъ, на Сеймовой плотинѣ, два кола мучніи съ имѣючимись тамо, въ Батуринѣ, пустимы плецамы, въ селѣ Поповкы, мелниця и сукновалня, на рѣчки Веровки состоящая, съ дворомъ пры оной находящымся; полку Прылуцкого, подъ с. Гайворономъ и за Куренею, степніи землѣ, въ трехъ мѣстахъ состоящіи, изъ коихъ на едномъ и хуторъ издавна былъ устроенъ, да въ полку жъ Нѣжынскомъ, с. Подоловъ зъ слободкою Голубовкою, съ подданнимы, съ жиллимъ дворомъ и всѣмы въ томъ дворѣ имѣющимись вещамы, разнимы уборамы, меблямы и всякимы наличностямы, съ мелницямы на рѣчкѣ Ретѣ, Дейнековскою, Аверковскою и Горишнею, да на рѣчки Свиднѣ состоящимы, съ пашеннимы сѣнокоснимы и лѣснимы землямы до онихъ прынадлежащимы, съ хутором Падалковскимъ, съ пасѣкою близь оного находящоюсь, съ лесамы, сѣннимы и пашеннимы землямы, до тогожъ хутора прынадлежащимы, въ г. Кролевцѣ двори, лавки, комори и пустіе пляцы, хуторъ прозиваемій Красный, съ мелницями, на рѣчки Османѣ состоящимы, съ имѣющимся тамо пріезжимъ дворомъ и всякими въ ономъ находящимися наличностями, съ подсусѣдскими хатамы, съ борами, лѣсамы, съ пашенною и сѣнокосною землею и другими до оного приналежитостями, въ г. Глуховѣ, на болшой проезжой дорогѣ, двѣ крамніи лавкы, да на Усовкы пастовникъ, и въ околичности Глухова, въ разныхъ местахъ, пашенніи и сѣнокосніи земли, и въ полку Стародубовскомъ два хуторци, прозиваеміи Голота и Ягодное, съ мелницями, съ имѣющимися пры онихъ дворами и всѣмы къ нимъ прынадлежитостями. А сверхъ всего вышепрописанного, ему жъ Леонтовичу уступила я во вѣчное и потомственное владѣніе и всѣ мои движимости, сколко онихъ имено. И тѣмы всѣмы вишше сего выраженними наслѣдственно мною владѣемимы недвижимимы добрами и всякимы вещми и наличностямы ему, Леонтовичу, даю волю, какъ своимъ добромъ, вѣчно владѣты, користоватись и кому хотя дать, продать, даровать и записать, родственниковъ же моихъ близкыхъ и далекихъ отъ техъ имѣній вѣчне отдаляю. И ради вѣчного и спокойного ему Ивану Степановичу Леонтовичу тѣмъ всѣмъ по его волѣ владѣнія, сей мой вѣчыстій записъ ему, Леонтовичу, даю, тутъ же и то докладаю, что по имѣвшомусь въ судѣ генералномъ между синамы умершого бунч. тов. Ивана Чарниша умершими жъ Иваномъ, Даниломъ и Александромъ Чарнишамы и между маткою моею, умершою Марфою Степановною Чарнишевою, а по второму мужу Скоро-

падскою, дѣлу о раздѣленіи добръ Чарнишовскихъ заводному, которое въ ономъ генералномъ судѣ 1755 году, апрыля 14-го, рѣшенно, искать или ответствовать о надлежащомъ въ правный дѣлъ оныхъ добръ Чарнишевскихъ раздѣленіи и о протчемъ гдѣ надлѣжитъ, а раздѣлясь на вѣчно всемъ темъ, что на мою часть по оному раздѣлу прынадлежыть, владѣть и корыстоватись за силу права Малороссійского въ книгѣ Статутѣ, въ розд. 7, арт. 4 напечатанному, ему, Леонтовичу, влила мое право, въ чемъ пры упрошенныхъ отъ мене свѣдытелехъ, своеручно подписуюсь и печать прылагаю. На подлѣнномъ тако: надворного совѣтника Григорія Фридрикевича жена Анна Яковлева дочь Чарнишева Фридрикевичева. Къ сему вѣчистому запису, по очевыстому прошенію, г. надв. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича жены Анни Яковлевни изъ Чернишовъ Фридрикевичевой, пры моей печати руку прыложилъ бунч. тов. Прохоръ Забѣла. Возній сотнѣ Батуринской Степанъ Бойченковъ къ сему вѣчистому запису.... руку прыложилъ. Повѣта Батуринского, сотнѣ Второ-Борзенской возній Александъ Комашынскій. Значк. полку Лубенского тов. Павелъ Веспертинскій. А понеже въ правѣ Малороссійскомъ, книги Статутъ, розд. 1, арт. 1-мъ, узаконенно, яко волно всякому имѣнія свои отчистіе, матерыстіе, выслуженніе, купленніе и якимъ нибудь способомъ набитіе и названніе всѣ или часть съ нихъ, недвижиміе, что хотя, по своей мисли и воли, отдать, продать, даровать записать, заставить, отцаливши отъ онихъ дѣтей и близкыхъ своихъ сродственниковъ, кто запись утвердыть, сознавшы оную на урядѣ земскомъ и подлежащую выпись взявшы, по якому праву, тако жъ и розд. 3, по арт. 41, что оной ей г-жи Анни Яковлевни Фридрикевичевой вѣчыстой тихъ движимыхъ и недвижимихъ добръ записъ по разсмотренію суда земского прызнается во всемъ за дѣйствителной, такъ и быть ему въ своей силѣ вѣчне ненарушымо; того ради вышеписанной уступной записъ такъ же и поданое самоперсонално отъ упомянутой г-жи Фридрикевичевой съ представленіемъ оного доношенія въ земскіе повѣту Батурынского книги, подъ номеромъ 7-мъ, сего 1769 году, мая 19 д., на стр. 15, 16, 17, 18, 19 и 20, за силу показаннихъ Малороссійскихъ правъ и вышеписаного суда земского на ономъ г-жи Фридрикевичевой доношеніи состоявшогось определенія, точно отъ слова до слова вписанны, и изъ онихъ книгъ земскихъ за требованіемъ ея г-жи Фридрикевичевой предписанному г. бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу, ведлугъ онихъ же правъ арт. 1 и 2 7-го розд. да розд 4 артык. 13 и 103 пункта, сія выпись

за урядовымъ суда земского подписомъ и печатми утвержденіемъ, на спокойное и вѣчное ему г. Леонтовичу или кому отъ него достатся имѣеть, всѣми вышеписанными уступными отъ реченой г-жи Фридрикевичевой движимимы и недвижимикы добрами владѣніе, выданъ году, м-ця и числа вышеписанныхъ. Судия земскій повѣту Батуринского Петръ Забѣла. Подсудокъ земскій повѣту Батуринского Самойло Гриценко. Писаръ земскій Федоръ Порохонскій. Канцеляристъ Иванъ Несторовычъ. *(Съ копіи).*

11. Духовное завѣщаніе дѣйств. статск. совѣтника Григорія Григорьевича Фридрикевича. 1797 г., 28 апрѣля.

1797 года, апрѣля 28 дня. Я нижеподписавшійся во всякомъ правителствѣ и судѣ и кому о семъ впредь вѣдать надобность укажетъ, сымъ моимъ духовнимъ распредѣлителнимъ тестаментомъ объявляю: болѣзнь, которою я часто страдаю, заставляетъ мислить о кончинѣ жизни моей, я чувствую и то, что приобрѣтши доволное по состоянію моему недвижимое и движимое имѣніе, не оставляю однофамилного по мнѣ наслѣдника, но имѣю по законамъ полную волю и свободу распредѣлить оное ближайшимъ родственныкамъ моимъ и указать имъ прянадлежитость ихъ, тако жъ дать въ ономъ участіе и тѣмъ, кого я, по истинному усердію мнѣ оказиваемому, признаю достойнимъ, къ чему приступая, за нужное почитаю обяснить въ имѣніи, какъ оное досталось во владѣніе мое и кто ближайшіе къ оному наслѣдники.

1. Умершая жена моя Анна Яковлева дочь Чарниша, за жизни своей, вѣчистимъ записомъ 1769 года, мая 16 дня учиненнымъ, недвижимое и движимое имѣніе, какъ-то Новгородско-Сѣверского намѣстничества уѣзда Короповского село Митченки съ принадлежитостьми, да Кролсвецкого уѣзда село Подоловъ съ слободкою Голубовкою, съ мелницами въ разнихъ мѣстахъ и хуторомъ Подоловскимъ, жилой домъ въ селѣ жъ Подоловѣ, со всѣми въ томъ домѣ имѣющимись вещами, разними уборами, меблями и всякими наличностьми, въ городѣ Кролевцѣ двори, лавки, комори и пустіе пляцы, въ городѣ Глуховѣ, при болшой проѣжжей дороги, двѣ крамніе лавки, да на Усовки пастовникъ, и въ околичности Глухова, въ разнихъ мѣстахъ, пашенные и сѣнокосніе земли, и прочое все недвижимое и движимое имѣніе въ томъ записѣ поименованное, уступила родному по матери брату моему бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу, которій онымъ

и владѣлъ по смерть свою, а потомъ братья его и мои, полковникъ Степанъ и бунч. тов. Василій Леонтовичи, и я тѣмъ имѣніемъ владѣли. Когда жъ и сіи оба братья мои померли и съ нихъ послѣдній Василій Леонтовичъ, предъ кончиною своею, духовнимъ тестаментомъ 1791 года, августа 19 дня, сочиненнымъ, какъ вышеприсанное имѣніе, такъ и прочое имъ приобрѣтенное и ему по отцу его, а моему отчиму хоружому полковому Степану Леонтовичу наслѣдственное, имъ отчимомъ и матерью моими, а къ тому и братомъ моимъ же Иваномъ Леонтовичемъ приобрѣтенное и купленное, именно: Кіевского намѣстничества, Переяславского уѣзда, деревня Золотоношка, населенная и составленная изъ хуторовъ, купленныхъ онымъ отчимомъ моимъ Степаномъ Леонтовичемъ, съ принадлежащими до той деревнѣ разними угодіями, по купчимъ крѣпостямъ значащимися, хуторъ прозиваемой Трактирній, въ мѣстечки Глемязовѣ, на рекѣ Супои, мелница о трехъ колахъ матери моей Феодосіи Леонтовичевой, отъ брата ея бунч. тов. Василія Томари уступленные, и прочіе хуторы всѣ, земли пахотные, сѣнокосные и разныя угодія, отчимомъ и матерью моими къ вышеизясненному имѣнію куплею приобрѣтенные, село Нехайки и хуторъ Криштоповскій у бунч. тов. Степана Томары братомъ моимъ Иваномъ Степановичемъ Леонтовичемъ обополно со мною купленные, и къ сему селу и хутору, такъ и къ вышеписаннымъ хуторамъ, имъ самимъ, братомъ моимъ, обополно же со мною купленные земли и разніи угодіи, какъ по купчимъ крѣпостямъ явствуетъ. Все сіе имѣніе, что только наслѣдственно оному брату моему Василію Степановичу Леонтовичу принадлежало и собственно имъ приобрѣтенное, тако жъ и денегъ въ кредитѣ по разнимъ обязателствамъ десять тысячъ восѣмъ сотъ сорокъ пять рублей, о которыхъ реестръ подписанный имъ же братомъ моимъ явствуетъ, онымъ духовнымъ тестаментомъ предоставилъ мнѣ въ полное владѣніе и распредѣленіе, которымъ я и донынѣ владѣю.

2. Къ оному вышеозначенному, отчимомъ и матерью моими, тако жъ и братьями моими жъ приобрѣтенному недвижимому и движимому имѣнію, по законамъ признаю я правними наслѣдниками родныхъ по матери сестеръ моихъ, ихъ дѣтей и потомкомъ, какъ-то: умершаго бунч. тов. Семена Полуботка жену Настасію Степановну Полуботкову, маіора Лаврентія Андреевича Раковича жену Пелагію Степановну Раковичеву, дѣтей умершихъ сестеръ моихъ, надв. сов. Василія Ивановича Силича жены Катерины Степановны Силичевой и бунч. тов. Павла Ивановича Лисенка жены Анны Степановны Ли-

сенковой, а потому и усердію моему къ нимъ все оное имѣніе, тако жъ и собственно мною приобрѣтенное къ тому же имѣнию присоединенное, всѣ заводы лошадиные и скотскіе и всѣ всякого рода и названія движимости, каковы толко въ ономъ имѣніи по смерти моей останутся, за исключеніемъ изъ оныхъ имѣній и движимостей ниже сего показанныхъ, предоставляю и утверждаю въ вѣчное и потомственное владѣніе онымъ сестрамъ моимъ и ихъ дѣтямъ и потомкамъ, которыхъ таковымъ моимъ къ нимъ расположеніемъ обязиваю ненарушимо сохранить и исполнить слѣдуемое за сымъ завѣщаніе мое.

3. Обнадеживаясь чувствителнимъ усердіемъ ко мнѣ, добродушіемъ и правотою сестри моей Настасіи Степановны Полуботковой, поручаю ей во избереженіе всѣ крѣпости на вышеприписанное имѣніе служащіе, въвѣраю ей полное право по смерти моей принять въ свое содержаніе, какъ оное все имѣніе, недвижимое и движимое, такъ наличніе и въ кредитѣ по обязателствамъ мнѣ принадлежащіе денги, сколко ихъ по мнѣ же въ жиломъ домѣ моемъ Смяцкомъ останется, а къ тому и разніе вещи изъ дому Подоловского принадлежавшіе, по запису жены моей брату моему Ивану Степановичу Леонтовичу и въ домъ Смяцкій ввезенные, каковы по реестру, отъ меня сочиненному и подписанному, мною показанны будутъ, съ означеніемъ, кому что съ нихъ опредѣлю я дать, а до того все то въ волѣ моей и моемъ домѣ оставляю, что же затѣмъ въ остаткѣ будетъ къ общему раздѣлу, то все оное завѣщеваю безъ и малѣйшаго отъ кого препятствія, съ помощію вышепрописанныхъ сего имѣнія участниковъ, оная сестра моя принявъ исполнить должна распредѣленіе, волю и желанія мои ниже изъясненыя.

4. Извѣстно оной сестрѣ моей Настасіи Степановнѣ, что по смерти брата ея и моего полковника Степана Степановича Леонтовича, оставшаясь во удовствѣ жена его Софія Василіевна, урожденная Дунинова Борковская, не получила по мужу своему никакова имѣнія и оного, по усердію своему ко мнѣ и снисхожденію, доселе не требуетъ, но я обязаннымъ себя почитаю доставить ей принадлежащое, опредѣляю по согласію ея, во мѣсто слѣдуемой ей части изъ вышепрописанного недвижимого имѣнія, оставляемого мною въ дѣлежъ однимъ сестрамъ моимъ и ихъ дѣтямъ, удовлетворить ея единожди навсегда и безъповоротно денгами сѣмь тысячъ рублей съ наличной суммы, и въ займы мною розданной, по обязательствамъ числимой, сколко оной по мнѣ останется; буди жъ сей суммы недостанетъ, то дополнить число денегъ мною опредѣляемое должны оные сестри мои

и ихъ дѣтя, приемлющіе недвижимое имѣніе, а къ тому виделить ей же, братовой моей, изъ заводовъ лошадиного и рогатого скота, въ томъ недвижимомъ имѣніи находящихся, пятую часть и такову жъ часть отдѣлить и со всѣхъ движимостей въ ономъ же имѣніи держащихся, но таково удовлетвореніе денгами и означенную видѣлку обязанни сестри мои и ихъ дѣти, не приступая къ общему дѣлежу недвижимого и движимого имѣнія, непремѣнно виполнить, ибо въ подтвержденіе въ семъ воли моей я прошу во всѣхъ урядахъ, въ каковы по принадлежности того имѣнія представлены были би дѣлчіе реестри, онихъ не приннмать и за дѣйствителніе не признавать, поколь сознаетъ братовая моя въ совершенномъ еи удовлетвореніи; въ противномъ же случаи, (чего я и не ожидаю), кто съ нихъ сестеръ моихъ и ихъ дѣтей оказался бы столь неблагодарнимъ въ моемъ имъ пособіи и изъяснилъ каковы оспариванія въ вышеозначенномъ удовлетвореніи оной братовой моей, то тогда предоставляю и утверждаю ей, братовой моей, полное право во всемъ ономъ недвижимомъ и движимомъ имѣніи получить во вѣчное и потомственное ея владѣніе пятую часть и тогда уже совершить по законамъ дѣлежъ тому имѣнію, изъ которого изъключаю я: уезда Кролевецкого, при селѣ Подоловѣ состоящую на рекѣ Ретѣ плотину, називаемую Оверковскую съ мелницами мучними, о трехъ колахъ, и всею къ онимъ принадлежитостію, да въ деревнѣ Дулевкѣ шинковой и для винокуренія устроенные дворы, на купленныхъ мною и братьями моими земляхъ, и каковы только въ той деревнѣ Дулевкѣ во владѣніи моемъ находятся, которія такъ и вышепрописанную плотину Оверковскую съ мелницаки, опредѣляю въ вѣчное и потомственное владѣніе родственнику моему г. кол. ассесору Антону Андреевичу Войцеховичу, за его ко мнѣ отличныя усердія, на что все и право мое утверждаю.

5. За предпоказаннымъ удовлетвореніемъ братовой моей Софіи Василіевни Леонтовичевой, я признаю законымъ порядкомъ и завѣщеваю оной старшей сестрѣ моей Настасіи Степановнѣ Полуботковой все вышеизъясненное недвижимое и движимое имѣніе, за исключеніемъ Оверковской плотини съ мелницами и дворами Дулевскими, означенныхъ Антону Андреевичу, раздѣлить на равные части съ соблюденіемъ всей справедливости, согласія и спокойствія, которое, какъ первѣйшое основаніе къ благоденствію, дабы ненарушимо утвердить, симъ лишаю въ томъ имѣніи части того участника, которой бы суднымъ процесомъ поискивалъ болше ему принадлежащаго и тѣмъ разривалъ общественное спокойствіе.

6. Учинивъ распредѣленіе вышепрописанному имѣнію, за нужное признаю сказать тутъ и о другомъ мною владѣемомъ недвижимомъ имѣніи моемъ Черниговскаго намѣстничества, уездовъ Городницкаго и Березинскаго состоящемъ, въ селѣ Смячи, деревнѣ Конотопѣ, мѣстечки Седневѣ, слободѣ Грязной и слободѣ Богородицкой да въ селѣ Хрипковкѣ, что къ сему имѣнію вышеупоминаеміе отчимъ мой, мать, братья мои и самъ я многіе куплею приобрѣли земли и угодія, о которихъ купчія крѣпости доказиваютъ, такъ и о томъ, что онымъ приобрѣтеніемъ сіе имѣніе доволно распространенно, но я всѣхъ оныхъ приобрѣтеніи отъ сего жъ имѣнія не отдаляю, но какъ ихъ, такъ жилой домъ мой въ селѣ Смячи со всѣмъ движимимъ имѣніемъ и прочими многими хозяйственными заведеніями, по кончинѣ моей, предоставляю во владѣніе наслѣдницѣ, право къ тому по законамъ имѣющей двоюродной сестрѣ моей Ульянѣ Константиновнѣ г-жѣ Енковой, ея дѣтямъ и потомкамъ, а изключаю толко изъ сего имѣнія въ селѣ Хрипковкѣ 52 душѣ мужескаго пола, по послѣдней ревизіи за мною записанные, съ ихъ семействами и жилими дворами, пахотними и сѣнокосними землями, мелницѣ о трехъ колахъ на плотинѣ тамошней, купленной отчимомъ моимъ, устроенные шинковой и приказчичой дворы, со всѣми ихъ хозяйственными заведеніями, всѣ земли пахотніе и сѣнокосные на дворъ мой служащіе и протчія угодія, что толко въ ономъ и при ономъ селѣ Хрипковкѣ владѣніи моемъ находится, все то. . . . . оного и что многіе земли въ срединѣ дачъ деревнѣ Пѣвневщинѣ, владѣнія родственника моего кол. ас. Антона Андреевича Войцеховича, находятся, по разнимъ сосѣдственнимъ зъдѣлкамъ моимъ съ нимъ и по моей къ нему особливой обязанности, уступаю и поручаю заразъ ему г. Войцеховичу во вѣчное и потомственное владѣніе, что все и крѣпостью утвердить имѣю, а во обнадеживаніе сего моего непремѣнного положенія, далъ я ему г. Войцеховичу отъ себя правный обликъ на сумму шесть тысячъ рублей денегъ, съ тѣмъ, что когда я не устою совершить оной крѣпости, то приемники прописанного имѣнія моего, безъ малѣйшаго прекословія, обязанны такову крѣпость ему, г. Войцеховичу, въ замѣну вышепоказанныхъ въ семъ 6-мъ пунктѣ отчима моего и братьевъ моихъ и собственно моихъ приобрѣтеній отъ себя дать, а въ случаи какова противу сей моей воли сопротивленія, то предоставляю ему г. Войцеховичу право—възыскивать изъ имѣнія моего села Смячи, по вышепоказаному обязателству, значащіесь денги, тако жъ и всѣ

оныя приобрѣтенныя угодія, исъключивъ по крѣпостямъ, отдать ему г. Войцеховичу во вѣчное и потомственное владѣніе.

7. Въ заключеніе сего моего тестамента, по собственной воли моей и здравому разсудку, на основаніи правъ книги Статутъ раздѣла 3-го, артикула 41 го и раздѣла 8 го, артикула 2-го, сочиненного, въ ненарушимое предохраненіе всѣхъ изъясненныхъ распредѣленій моихъ, я долженъ напомянуть всѣмъ участвующимъ въ ономъ, что имѣніе я приобрѣлъ, сохранилъ и доволно распространилъ, не по обязанности моей какой интересующей къ оному и не на тотъ конецъ, чтобы съ онымъ оставить или чрезъ оное произвесть ссоры, процессы и разорителные тяжбы, но для того, чтобы всякъ участникъ по мѣри распредѣленія моего онымъ ползовался, продолжалъ его императорскому величеству службу и полезенъ былъ отечеству. Буди же кто изъ участниковъ оних противо тому поступитъ, окажетъ себя неблагодарнымъ въ такомъ пособіи моемъ, дерзнетъ въ чемъ оспаривать сей духовній тестаментъ мой и по оному завѣщаній моихъ не исполнивъ, заводитъ процесы, разривать спокойствіе и поискивать чего болше отъ опредѣленного мною, таковаго во всѣхъ судебнихъ урядахъ прошу признавъ неблагодарнимъ, неспокойнимъ и завистливимъ, отдѣлить изъ имѣній часть ему принадлежащую, и поручить во всегдашное содержаніе Малороссійскому приказу общественного призрѣнія для благополезного употребленія, въ чемъ предоставляю право мое оному жъ приказу. А дабы совершенно предохранить отъ всѣхъ нечаянныхъ споровъ и тяжбъ, то въ таковомъ случаи сіе распредѣленіе предоставляю повинующимся волѣ моей наслѣдникамъ поднесть оное его императорскому величеству, всемилостивѣйшему нашему монарху, и всеподданнѣйше просить во уваженіе продолжителной службы моей и полезного расположенія къ наслѣдникамъ моимъ, высочойшаго подтвержденія сего духовного тестамента моего, которій подписомъ руки моей при печаты удостовѣраю. Подлѣнной подписалъ дѣйствителный статскій совѣтникъ Григорій Григоріевичъ сынъ Фридрикевичъ.

1797 года, апреля 28-го дня, уѣздный Городницкій судъ, по поданному въ оной отъ его пр-ства г. дѣйств. ст. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича, чрезъ уполномоченного поручика Василія Силича прошенію и по учиненному онимъ судомъ сего числа опредѣленію, съѣхавъ Городницкого уезда въ село Смявь, въ домъ сочинителя сего тестамента оного г. Фридрикевича......

По узаконенію въ правѣ Статута розд. 8, арт. 2-мъ, находился при сочиненіи оного тестамента и что сей духовной распредѣлителной тестаментъ, по волѣ и по словамъ его г. Фридрикевича, въ здравой его памяти и совершенномъ смислѣ сочиненъ и собственноручно имъ, Фридрикевичемъ, съ приложеніемъ его печати, подписанъ и за прочетомъ предъ нижеподписавшимись присутствующими, во всей точности утвержденъ, въ томъ уездвій Городницкій судъ подписомъ присутствующихъ въ ономъ и судовою печатю свидѣтельствуетъ. Подлѣнное подписали: судья титул. сов. Иванъ Лисенко. Засѣдатель поручикъ Иванъ Максимовичъ. Секретарь Андрей Глинскій.

1797 года, июля 3-го дня, по сему духовному тестаменту определенное мнѣ завѣщателемъ г. дѣйст. ст. сов. Григоріемъ Григоріевичемъ Фридрикевичемъ недвижимое имѣніе бывшого Городницкаго уѣзда, а нынѣ Черниговского повѣта, въ селѣ Хрипковки, 52 души мужеск. п. да Кролевецкого уѣзда, а нынѣ Глуховского повѣта, въ деревнѣ Дулевки, мелныцы, называеміе Аверковскіе оставляю я въ прежнемъ владѣніи и кому оніе по завѣщателѣ слѣдуетъ, возвращаю при томъ и облѣкъ въ семъ же духовномъ тестаментѣ прописанный, съ тѣмъ, что я до всего оного имѣнія впредь ни по чему и никакой претенсіи имѣть не буду, что утверждаю подписомъ руки моей, при печати и подписомъ упрошенихъ мною свидѣтелей. Подлѣнную подписалъ: подкоморій повѣта Черниговского Антонъ Войцеховичъ. Во свидѣтелство сего при печатехъ подписались: кол. ас. Иванъ Медведевъ. Коллежскій протоколистъ Яковъ Рославецъ. *(Съ копіи.)*

12. Условія дѣлежа наслѣдства, оставшагося послѣ Ивана, Василія и Степана Степановичей Леонтовичей. 1799 г., 9 сетября.

1799 г., сентября 9 дня. Мы нижеподписавшіеся, имѣя наслѣдственно спадшія намъ и въ общей между нами раздѣлъ подлежащіе недвижиміе и движиміе разніе имѣнія, находящіесь губ. Чернѣговской, въ повѣтахъ: Глуховскомъ, село Подоловъ, Конотопскомъ, село Митченки и въ Золотоношскомъ, деревня Золотоношка, съ принадлежащими къ нимъ угодіи, футорами, разными строеніями и грунтами, водяніе и вѣтренніе мелницы, винокурной заводъ, пахатніе и сѣнокосніе земли, лѣсы, денги, въ разныхъ вещахъ, золото и серебро, жемчугъ, дорогое камѣнья, пчелніе пасѣки съ пчелами, лошадиные, рогатого и другого скота заводы, поѣздніе экипажи и приборы и протчіе разніе и подъ разнимъ названіемъ движимости, оставшіесь по

умершомъ безъ наслѣдно съ насъ Анастасіи Полуботковой и Пелагіи Раковичевой, родныхъ по отцу и матки нашихъ братьяхъ, а прочіихъ участниковъ родныхъ по матерямъ дядяхъ, бунч. товарищахъ Ивану, Василію, полковнику Стефану и ротмистру Николаю Стефановыхъ синахъ Леонтовичахъ (бывшіе предъ симъ, по волѣ и согласію нашему, въ сохраненіи и избереженіи у г. дѣйств. ст. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича, до времени приключившейся ему неизлѣчимой паралѣческой болѣзни, которою онъ и теперъ одержимъ, лишась совершенного смисла и памяты, къ немалому и чувствителнѣйшему нашему сожалѣнію), какъ оные между нами по надлежащему въ равніе части состоять нераздѣленны, то чтобъ за нераздѣлкою ихъ, будучи въ нашемъ общемъ владѣныи, въ случаи чрезъ какіе-либо участниковъ могущіе быть безпорядки и неустройства, не могли прийты недвижимости и крестьяне въ разореніе, а движимости въ расхищеніе и чрезъ то бъ участники одинъ предъ другимъ не претерпѣли обиды и лишняго затруднѣнія, а затѣмъ не вошли бъ въ судебніе тяжбы, волокиты и напрасніе невозвратніе убытки, по общему нашему согласію и условію, сего сентября 10-го числа, съѣхавсь повѣта Чернѣговского въ село Боровичи, въ домъ съ насъ участниковъ Анастасіи Полуботковой, гдѣ всѣ вообщи поговоря между собой дружески, согласились раздѣлить оное недвижимое и все движимое до наймалѣйшей вещи, со крестьянами обоего пола, имѣніе на четыре части.

До начатья таковой раздѣлки, въ твердость оной, здѣлали сіе постановленіе съ таковимъ непреложнимъ обовязателствомъ, что 1-е, между нами участниками хто именно точно и дѣйствително съ показанного Леонтовичевского въ общій роздѣлъ подлежащого имѣнія въ Подоловѣ, въ с. Митченкахъ, въ д. Золотоношки или гдѣ индѣ, самъ мимо другихъ участниковъ, безъ согласія ихъ, какія движимости, какъ-то денги, сребро, золото, жемчугъ, дорогое каменія, разнія мебели, домовія уборы, лошади, рогатой и другой скотъ, поѣздніе екипажи и приборы, разной хлѣбъ, горячое выно, вынокурную, мѣдную, деревяную и оловяную разную посуду и протчіе разніе вещи и подъ разнымъ названіемъ всякіе движимости, словомъ сказать, что бы то ни было, забралъ, тотъ все оное забратое до и наймалѣйшей вещи, безъ всякой утайки, обязанъ и долженъ есть, не извиняясь ничѣмъ, представить въ общій подѣлъ къ уравненію всякого участника, въ то мѣсто, отколь что имено взято, слѣдующого октября на 10-е число сего года, а недалѣе, а затѣмъ все оное представленное должны мы, участники, между собой дружески, безъобидно, раздѣлить на четыре

части. 2-е) Естли кто съ насъ участниковъ всего забратого движимого имѣнія къ общей раздѣлки въ назначенное мѣсто не представитъ, по неимѣнію въ него налице, то зачитать ему на его часть самими тѣми вещми или по стойной ценѣ за оніе денгами. 3) Буди жъ кто изъ забратыхъ движимостей всего до инаймалѣйшей вещи по упорству не представитъ или утаитъ, а посля по реестрамъ и забратымъ справкамъ окажется то на немъ явственно, тотъ участникъ другимъ съ насъ долженъ пополнить изъ собственной своей части денгами или недвижимимъ имѣніемъ, которое до заплати нимъ и оставатся должно въ участниковъ, обиду отъ него въ томъ имѣющихъ. 4) За розлѣлкою всѣхъ движимостей, имѣніе недвижимое какъ-то: показанніе селенія, футори съ крестьянами, ихъ строеніями и грунтами, водяніе съ прудами и вѣтренніе мелници, лѣсы, пахатніе и сѣнокосніе земли, мелници и все до послѣдка въ господскихъ домахъ строеніе, на всякую часть достались числомъ по равной долѣ, что и росписать вѣрно и обстоятельно ко всякой части по способности, для таково же росписанія и уравненія всѣхъ четырехъ частей, обще всѣ мы, участники, должны собрать и уполномочить знающаго надежного и способного къ сему человѣка, а за росписаніемъ и уравненіемъ всѣхъ четырехъ частей, мы участники должны принимать части по жребіямъ безъпрекословно и кроме всякой ссоры и роптанія, гдѣ что кому доведется и принявши оніе части, всякъ въ свое владѣніе, въпредъ одинъ другому во владѣніи помѣшателства, убитка и никаково безъпокойствія дѣлать не должны, въ противномъ случаи за неустойку посему обще всѣ мы между себя полагаемъ на выновного заруку подъ платежемъ обидимой сторонѣ десяты тысячъ рублей денегъ. Наконецъ 5), если жъ бы кто съ насъ участниковъ, послѣ учиненія сего нашего постановленія, могъ поступить не по предписанному, т. е. забратого и захваченного всего денегъ сребра и протчего въ общій роздѣлъ надлежащого въ назначенное мѣсто недоставилъ и недоставленного нымъ въ зачотъ на свою часть принять, въ роздѣлку вступить и уравнится зъ другими на похотѣлъ, либо вступивши въ роздѣлку, учинилъ какое упорство, азартность, всякую неблагопристойность, помѣшательство и остановку въ роздѣлки и притомъ причинилъ бы какову кому обиду, безчестіе и ругателство, тотъ обязанъ и долженъ будетъ непремѣнно заплатить обидимому заруку, столко, сколко четвертая часть Леонтовичевского имѣнія по оцѣнки денегъ стоятиметъ. Для лучшей же и непоколебимой таково нашего постановленіемъ заключенія ненарушимости, утверждаемъ сіе собствен-

ными нашими и свидѣтелскими, при печатехъ, подписами и представляемъ уряду къ надлежащей правной конфирмаціи. Подлѣнное подписанно: къ сему постановленію участникъ вышписанного имѣнія, съ согласія всѣхъ моихъ соучастниковъ, при печати подписался надворный совѣтникъ Александръ Павловъ синъ Лисенко. Къ сему постановленію по уполномочію участници вишеписанного имѣнія, жени моей Пелагіи Степановой дочери Леонтовичевни Раковичевой, при печати подписался примеръ маіоръ Лаврентій Андреевъ синъ Раковичъ. Къ сему постановленію участникъ вышеписанного имѣнія при печати подписался капитанъ Григорій Василіевъ синъ Силичъ. При учиненіи сего постановленія били и во свидѣтелство персоналной прозби гг. участниковъ вишписаного имѣнія, при печатехъ подписались: въ отставки поручикъ Василій Тищецкинъ. Сенатскій регистраторъ Семенъ Политковскій. (*Съ копіи*).

13. „Выписка изъ реестра имѣнію и разнымъ вещамъ, принятымъ въ опеку Ульяною Константиновною Еньковою, оставшимся по Григорію Григоріевичу Фридрикевичу". 1799 г.

Денегъ наличныхъ, въ мѣдной монетѣ—138 р. 77 к. Писменные обязательства разныхъ должниковъ въ занятыхъ ими у г. дѣйств. ст. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича деньгахъ, взятые въ сохраненіе Ульяною Константиновною Еньковою 1798 года, декабря « » дня. 1) Обликъ ассессора Ивана Латышова 1782 г., декабря 24 дня писанный, безъсрочный, на—25 р. 2) Обликъ Черниговскаго мѣщанина Максима Бѣлавскаго, писанный 1789 г., марта 15 дня, съ срокомъ того же 1789 г., июня по 28 ч., на 25 р. 3) Обликъ Черниговского уѣзда изъ села Зайцовъ дворянина Ивана Доброгорскаго, писанный 1789 г., ноября 10 дня, съ срокомъ по 10 декабря того же 789 г., на 50 р. 4) Вексель Добрянского посада купца Алексѣя Семенова сына Образцова, писанный 1791 г., марта 10 ч., съ срокомъ на 12 мѣсяцей, на 636 р. Сей вексель за уплатою 327 р., переписанъ 1799 г., маія 18 ч., суммою на 309 р. 35 к., съ срокомъ въ 7 мѣсяцей. 5) Вексель Черниговскаго купца Григорія Яковлева сына Здора, писанный 1792 г., маія 29 дня, съ срокомъ въ 12 мѣсяцей, съ протестомъ на 105 р. 6) Обликъ войск. тов. сына Ивана Войцеховича, написанный 1793 г., сентября 1 дня, зъ срокомъ на одинъ годъ, на 60 р. 7) Обликъ секундъ маіора Фомы Андреевича Туманскаго, писанный 1797 г., апреля 1 ч., съ срокомъ 799 г., апреля

по 1 ч., на 1150 р. 8) Обликъ умершаго тит. сов. Василія Петровича Лизогуба жены Анны Михайловой дочеры Лизогубовой, писанный 1796 г., декабря 5 ч., съ срокомъ на одинъ годъ, на 1800 р., въ сіе число уплачено 1798 г., сентября 15 ч., управителемъ упомянутаго Лизогуба села Буровки порутчикомъ Григоріемъ Нѣговскимъ 200 р., а остается 1600 р. 9) Обликъ умершаго генерала маіора князя Петра Александровича Прозоровскаго супруги княгини Софіи Ивановны Прозоровской, урожденной Скоропадской, писанный 1798 г., маія 1 ч., съ срокомъ по 1806 г., маія по 1 ч., на 1700 р. 10) Обликъ Черниговскаго жителя Демяна Гриба жены Евдокіи Павловой дочеры Грибовой, писанный 1798 г., сентября 1 ч., съ срокомъ на одинъ годъ, на 100 р. 11) Обликъ Черниг. мѣщ. Степана Иванова сына Макотрина, писанный 1798 г., октября 1 дня, съ срокомъ на одинъ годъ на 100 р. 12) Обликъ губ. секр. Якова Оболонского, писанный 1796 г., октября 1 ч., съ срокомъ на 4 года, на 1000 р.; по сему облику Григорій Григоріевичъ 250 р. оставилъ безъ взысканія, а осталось на немъ 750 р. 13) Росписка карнѣта Андрея Васильева сына Силича, писанная 1798 г., февраля 3 д., съ срокомъ того жъ 798 г., мая по 1 ч., на 2000 р. Итого—7974 р. 35 к.—Сверхъ сего, найденъ реестръ, при обликахъ и векселяхъ, наличнымъ деньгамъ, содержащимся въ красномъ сундукѣ, въ разной монетѣ, писанный 1798 г. марта 1 д. *Въ золотѣ*: имперіяловъ—160, еще одинъ имперіялъ изъ кошелька 1; полуимперіяловъ—22, червонцовъ галандскихъ—97; *въ сребрѣ*: старихъ рублей—120, новыхъ рублей—944, *четвертьми*—15 р. 75 к., *двадцати копѣечниками*—35 р. 80 к., *пятнадцати копѣечниками*—21 р. 15 к., *въ кошелькѣ* разною монетою—9 р., *ассигнаціею*— 5 р. Часы англинскіе золотые, съ золотою печатью Григорія Григоріевича и мѣдною цѣпочкою. О сихъ золотыхъ и сребренныхъ деньгахъ бунч. тов. жена Настасія Степановна г-жа Полуботкова мнѣ сего 799 сентября 5 ч., будучи въ г. Фридрикевича домѣ, объявила, что оной сундучокъ съ прописанными деньгами и золотыми часами она, прошлаго 1798 года, къ себѣ взяла для заплаты лѣкарямъ, ползующимъ г. Фридрикевича и на покупку лѣкарствъ.

На этой же запискѣ приведенъ слѣдующій родословникъ Фридрикевичей.

1. Фридрикевичъ Христофоръ Самойловъ сынъ, бунчук. товарищъ [1]).

---

[1]) Христофоръ Фридрикевичъ былъ пасынокъ гетмана Мазепы.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.